

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

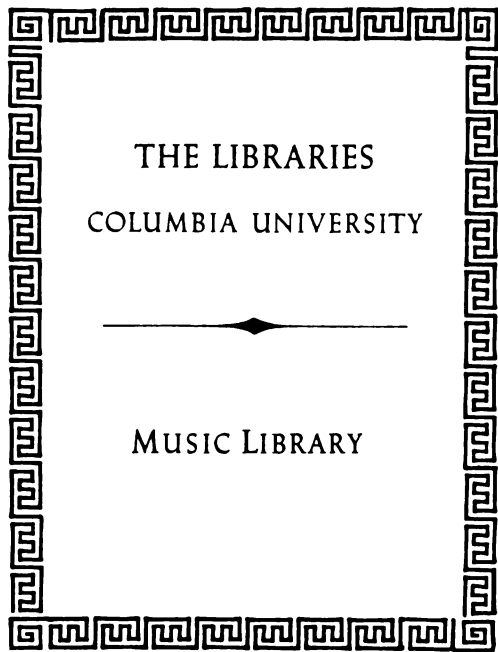
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CU01744755

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

MUSIC LIBRARY

22715. м.п. 2.529.

ГУСНИ

РУССКІЙ НАРОДНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

СЪ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ РИСУНКАМИ И НОТНЫМИ ПРИМѢРАМИ

Ал. С. Фаминцына

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1890.

COLUMBIA
UNIVERSITY
LIBRARY

786
F21

GL

Напечатано по распоряжению Императорскаго Общества Любителей Древней
Письменности.

09-53543

11 537

ALBANY
UNIVERSITY
LIBRARY

ПРЕДИСЛОВІЕ

Исторія русскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ представляетъ область еще совершенно темную, неразработанную; о старинныхъ русскихъ инструментахъ, а тѣмъ болѣе о ихъ исторіи, существуютъ самыя смутныя, самыя разногласныя представленія, лишеныя всякаго положительнаго основанія. Поставивъ себѣ задачею внести нѣкоторый свѣтъ въ эту темную область, представить, насколько позволитъ скудость имѣющихся матеріаловъ, картину историческаго развитія русскихъ народныхъ музыкальныхъ орудій, или хотя бы картину исторической послѣдовательности въ употребленіи этихъ орудій народными русскими музыкантами, начинаю съ предлагаемаго изслѣдованія о гусяхъ, какъ одномъ изъ древнѣйшихъ русскихъ инструментовъ, наиболѣе часто упоминаемомъ въ историческихъ памятникахъ, въ былинахъ и старинныхъ народныхъ пѣсняхъ.

Надѣюсь со временемъ, въ сходной формѣ, разсмотрѣть и другія, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія музыкальныя орудія русскаго народа.

А. Ф.

Мартъ 1890.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стран.
Предисловіе	I
Глава первая. Гусли — струны, струнный инструментъ вообще . . .	1
Глава вторая. Гусли, какъ специальныйъ русскій народный инструментъ	9
а. Гусли — струнный инструментъ ручной, легкой небольшаго размѣра	10
б. Гусли — инструментъ не смычковый	13
в. Составныя части гуслей:	
аа. Доска	15
бб. Струны	20
вв. Шпенечки	29
г. Играютъ на гусяхъ всегда сидя	30
Глава третья. Постепенное усовершенствованіе формы русскихъ гуслей	33
а. Первобытныя русскія гусли	33
б. Кантеле Финновъ. — Каннель Эстовъ. — Канклесъ Литовцевъ. — Куаклесъ Латышей. — Отношенія этихъ инструментовъ къ русскимъ первобытнымъ гусямъ	39
в. Экземпляръ первобытныхъ русскихъ гуслей музея С.-Петербургской консерваторіи	68
г. Psalterion	76
д. Гусли-псалтирь	92

	Стран.
е. Новѣйшія усовершенствованныя гусли	105
ж. Школа для гуслей	110
Прибавленіе. Цимбалы	121
Дополненія	133
Музыкальное приложеніе. Ноты для гуслей.	
Нѣкоторые примѣры для упражненія	1
Примѣры пьесъ для гуслей:	
На толь что бы печали	2
Ты велишь мнѣ равнодушнымъ	2
Арія изъ оперы Русалки	3
Росскими лѣтять странами. Польской	5
Духовныя сочиненія положенныя для гуслей:	
О всецѣлая Мати	7
Нынѣ силы Небесныя	8
Иже Херувимы	8

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гусли — струны, струнный инструментъ вообще.

Въ книгѣ моей «Скоморохи на Руси» (1889), неоднократно цитируемой ниже, я указалъ на то, что главными представителями свѣтской музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ, въ теченіи многихъ столѣтій, служили искусники или потѣшники, издавна именовавшіеся скоморохами. Образъ стариннаго пѣвца и играца скомороха невольно связывается съ представленіемъ о гусяхъ, — популярнѣйшемъ и древнѣйшемъ изъ музыкальныхъ орудій славянскихъ. Слово «гусль», чаще употребляемое во множественномъ числѣ: «гусли», свойственно всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Казалось бы, именно эта общность, эта повсемѣстная между Славянами распространенность названія — гусли — должна была бы устранять всякое недоразумѣніе относительно значенія даннаго наименованія, относительно внѣшняго вида, вообще строенія и способа употребленія этого всеславянскаго инструмента. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, подъ именемъ гуслей въ разныхъ мѣстахъ славянскихъ земель понимаютъ музыкальныя орудія совершенно различнаго типа и характера. Такъ Сербо-Хорваты гуслями (*gusle*, у приморскихъ Хорватовъ — *gusla*, въ Далмаціи — *gusli*) называютъ первобытный однострунный смычковый инструментъ, звуками котораго сопровождаютъ героическія (юнацкія) свои пѣсни мѣстные на-

родные пѣвцы. У Словиновъ и западныхъ Славянъ гуслими (словин. *gosli*, чеш., морав., словацк. *housle, husle*, луж.-серб. *husla*, пол. *gęsli*) называется скрипка или скрипкообразный, смычковый инструментъ. Фриульскіе Словинны подъ словомъ *gòslje* (гусли) понимаютъ, по свидѣтельству Срезневскаго, иногда скрипку, иногда — родъ мандолины, а сосѣдніе съ ними Резіане недавно еще именемъ *òslje* называли цитрообразный инструментъ¹. Наконецъ, у восточныхъ Славянъ, т.-е. Русскихъ, подъ словомъ гусли понимаютъ инструментъ, имѣющій видъ горизонтальной арфы. Упомянутые виды гуслей такъ разнообразны, такъ мало представляютъ между собою общаго, что нѣтъ возможности проводить между ними параллель, и каждая группа гуслей: южно-, западно- и восточно-славянскихъ должна быть изслѣдуема отдѣльно. Между тѣмъ, какъ объяснить тождество названій для музыкальныхъ орудій столь разнообразныхъ?

Объясненіе только что приведеннаго, на первый взглядъ, страннаго факта истекаетъ изъ самаго значенія слова «гусли». Всѣ вышеозначенные виды гуслей, не смотря на совершенно различное ихъ строеніе и различный характеръ, представляютъ одну, главнѣйшую, общую черту, а именно: всѣ они — инструменты струнные. Слово «гусли», употребляемое нынѣ почти исключительно, а въ старину преимущественно во множественномъ числѣ, въ этой формѣ выражаетъ собою совокупность чего-то, разумѣется — совокупность струнъ. «Струны», какъ выраженіе, заступающее названіе струннаго инструмента, мы встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ. Латинское *fides* (sing.) значитъ струна, *fides* (plur.) — струны, въ смыслѣ струннаго инструмента, какъ совокупности струнъ; подобно тому *chorda* (лат.) — струна, *chordas tangere* — играть на струнномъ инструментѣ. Въ томъ же смыслѣ обь игрѣ на струнныхъ инструментахъ Французы выражаются такъ: *pincer, toucher, faire parler les cordes*. У Персовъ *târ* значитъ струна и въ то же время

1) Срезневскій: Фриульскіе Славяне (Прилож. къ XXXVIII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 4). 1881, стр. 14, 25.

târ — обыкновенное названіе для «большой тамбуры» (tanbour bouzourk), пяти-струннаго, снабженнаго длиннымъ грифомъ инструмента¹. Славянское гусли, гусли въ первоначальномъ значеніи своемъ вѣроятно соотвѣтствовало латинскому fides, chorda, французскому corde, персидскому târ. Fidicula (лат.) — маленькій струнный инструментъ — находитъ себѣ аналогію въ русскомъ гуселокъ, гуселки (серб. гуслице, зап.-слав. husličku); chordagista (лат.) — игрецъ на струнномъ инструментѣ — въ русскомъ гуслиста, гуслиаръ. Въ русскихъ былинахъ слово гуселокъ встрѣчается то въ смыслѣ инструмента, напр.:

Какъ началъ онъ (Добрыня) гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града, и т. д.,

то въ значеніи какъ будто струны, напр.:

Евъ вѣдь началъ гуселка налаживать,
Евъ вѣдь началъ струночки натягивать.
Евъ перву наладилъ съ города съ Кіева,
Евъ другу наладилъ изъ Чернигова, и т. д.²

Сначала здѣсь говорится о налаживаніи гуселковъ, потомъ о налаживаніи струнъ, въ чемъ проявляется какъ бы отождествленіе или, по крайней мѣрѣ, сближеніе обоихъ понятій. У Сербовъ и нынѣ еще слово «гусли» значитъ не только соотвѣтствующій музыкальный инструментъ, но и струны вообще, въ чемъ нельзя не видѣть первоначальнаго, основнаго значенія даннаго слова.

Гусли (гусли) въ смыслѣ струны происходитъ очевидно отъ старо-славянскаго гжсти (= гудѣть). Струны, а также гусли, гудки и другіе струнные музыкальные инструменты, по народному выраженію, гудуть; гуденіемъ, гудьбой въ старинныхъ памятникахъ называется звукъ именно струнъ, независимо отъ способа извлеченія изъ нихъ звука: посредствомъ ли ударенія по нимъ пальцами, рванья или щипанья ихъ, или же веденія по нимъ смычка. Игрецъ на струнномъ инструментѣ называется гуд-

1) См. у Fétis: Histoire générale de la musique, 1869—1876. Т. II, p. 404.

2) См. Скоморохи, стр. 31.

цомъ. Такъ въ славянскомъ переводѣ Откровенія Іоанна читаемъ: «и гласъ слышахъ гудецъ, гудущихъ въ гусли своя»¹. Гудцомъ кievскимъ называется въ сказаніи о Задонщинѣ Боянь, который, по свидѣтельству Слова о полку Игоревѣ (и подражавшаго этой поэмѣ автора сказанія о Задонщинѣ), игралъ на струнахъ. «Иже басни бають и въ гусли гудутъ», читаемъ у Кирилла Туровскаго (XII в.). «Гудьця и свирця нѣ уведа у домъ свой глума ради», поучаетъ Григорій Черноризецъ (XIII в.), дѣлая притомъ явное различіе между игрецомъ на струнныхъ инструментахъ (гудцомъ) и таковымъ же на духовыхъ (свирцомъ). «Гудѣніемъ струннымъ», «гудутъ струны» — выраженія, встрѣчающіяся въ посланіи игумена Памфила (1505 г.). «Гусли и всякое гудѣніе», между прочимъ, порицаются въ Домостроѣ (XVI в.). Въ Требникѣ, въ числѣ грѣховъ, въ которыхъ кается исповѣдающійся, поименовывается слушаніе «гуденія гуслей»². Въ сказкахъ извѣстны «гусли самогуды», которыя сами заводятся, сами играютъ, пляшутъ и пѣсни поютъ³. Сербо-Хорваты часто употребляютъ въ поговоркахъ выраженіе: «гусли гудутъ», напр.:

— Kad mi gusle ne mogu da gude,...

— Čudne gusle gude...

1) XIV, 2.

2) Въ томъ же смыслѣ игры на струнныхъ инструментахъ слѣдуетъ понимать и у другихъ старинныхъ авторовъ слова: гуденіе, гудьба, такъ напр.: «играніе, плясаніе и гуденіе» порицаются митрополитомъ русскимъ Іоанномъ (XII в.); «обрящени ту (на игрищѣ) овы гудущи, овы пляшущи», восклицаетъ Евсевій (рукоп. XIII в.); «плясаніе, гудьба» и пр. называются Христолюбцемъ (рукоп. XV в.) въ числѣ «игръ бѣсовскихъ»; гудцы и гуденіе упоминаются въ Стоглавѣ (1551 г.), и т. п. Подробнѣе вышеупомянутыя цитаты приведены въ книгѣ: Скоморохи, стр. 7, 14, 15, 28, 79—80, 81, 158, 181. «Но аще плясци іли гудци іли ины хто игрецъ», читаемъ въ одномъ изъ словъ Паисіева сборника (ок. 1400 г.). См. Буслаевъ: Историческая Христоматія. 1861 г. Стр. 530.—Ср. также цѣлый рядъ цитатъ, въ которыхъ говорится о «гуденіи гуслей», о «гуденіи лучцемъ», т. е. смычкомъ, изъ разныхъ славянскихъ памятниковъ, начиная съ XII вѣка, — цитатъ, извлеченныхъ Кугачемъ изъ древне-славяно-греко-латинскаго словаря Миклошича. Куhač: Opis i poviest narodnih glasbala jugosloviена (въ журналѣ Rad jugoslavenske akademije. 1877. XXXVIII, XXXIX). Особый оттискъ: I, str. 59—61.

3) См. у Даля: Толковый Словарь. 1879 г., подъ сл.: «Гусли».

- Gudile su gusle javorove.
- Jednako ti stare gusle gudi¹.

Въ русскихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ сходныя выраженія о гуденіи струнъ и гуслей, напр.:

- Какъ струна-то загула, загула²...
- Не гусли гудуть на морѣ³...
- Пливите, гуслоньки, пливите,
Та жалобенько (или: «веселенько») гудите⁴.

Въ угорско-русской пѣснѣ пѣвецъ просить, чтобы подали ему гусли, и поясняетъ:

Най загуду жали свои⁵.

Въ одной изъ русскихъ былинъ упоминается о гуденіи гудковъ (т.-е. смычковыхъ инструментовъ):

А въ третьемъ терему—то гудки гудуть⁶.

Въ наиболѣе старинныхъ славянскихъ памятникахъ слово гусли иногда употребляется для обозначенія музыкальныхъ орудій вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, чаще-же—именно какъ родовое названіе для струнныхъ инструментовъ, но безъ видоваго ихъ различія. Такъ напр., по словамъ русскаго лѣтописца (подъ 1015 г.), Святополкъ любилъ «вино пити съ гуслями». Здѣсь слово «гусли» употреблено очевидно въ самомъ широкомъ смыслѣ, для выраженія понятія о музыкальныхъ орудіяхъ или даже объ инструментальной музыкѣ вообще⁷. Въ дру-

1) Куѣаѣ: Ор. і ров. I, 24—25.

2) Сахаровъ: Сказанія русскаго народа. 1841 г. Т. I. Кн. III, стр. 84.

3) Е. П.: Народныя бѣлорусскія пѣсни. 1853 г., стр. 71.

4) Потебня: Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. 1883 г., стр. 215.

5) Головацкій: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. 1878 г. II, стр. 548.

6) Гильфердингъ: Онежскія былины. 1873 г., стр. 954.—Ср. выше «гуденіе лучцемъ», т.-е. смычкомъ (изъ кормчей 1262 г.).

7) Въ такомъ широкомъ смыслѣ употребляется и понынѣ еще въ народныхъ областныхъ говорахъ напр. слово гудѣлка, значащее: «музыкальный инструментъ (вообще), скрипка, свирѣль», и т. п. (въ Рязанск., Тульск. губ.). Отсюда то же слово въ переносномъ смыслѣ значить: «говорунья, болтунья»

гихъ случаяхъ подъ именемъ гуслей подразумѣваются струнные инструменты, въ отличіе отъ духовыхъ и ударныхъ. Несторъ (Лаврент. лѣтоп. подъ 1067 г.) перечисляетъ дьявольскія лести, соблазняющія человѣка: трубы и скоморохи, гусли и русалья¹. Гусли, какъ струнные инструменты, противопоставляются трубамъ, какъ инструментамъ духовымъ. Въ описаніи видѣнія Исаакія (1064 г.) лѣтописецъ уже отличаетъ три группы музыкальныхъ орудій: сопѣли (духовые инструменты), бубны (ударные) и гусли (струнные). Такимъ же образомъ въ житіи св. Θεодосія Печерскаго игрецы, забавлявшіе Святослава Ярославича (въ XI в.), дѣлятся на группы «гуслныя гласы испускающихъ», «органныя писки гласящихъ» и «мусикійскія» (или: «замърныя»). Струнныя орудія здѣсь соединены въ одну группу, а духовыя уже раздѣлены на двѣ группы. Въ житіи св. Саввы, при упоминаніи о музыкальныхъ увеселеніяхъ, имѣвшихъ мѣсто при дворѣ перваго сербскаго царя Стефана (около 1200 года), называются тумпани (т.-е. ударные инструменты) и гусли (т.-е. струнныя, а можетъ быть вообще музыкальныя орудія струнныя и духовыя)². Подтверженіемъ тому, что при такихъ общихъ выраженіяхъ слѣдуетъ придавать слову «гусли» широкое, общее значеніе, служитъ и то, что оно употребляется старинными писателями также и по отношенію къ музыкальнымъ инструментамъ иноземнымъ, не-славянскимъ. Такъ напр. русскій лѣтописецъ, порицая (подъ 1038 г.) распущенность двора царя греческаго Константина, выражается слѣдующимъ образомъ: «Константинъ царь греческій... о женахъ радовашеся присно безстудныхъ и игрели-

(въ тѣхъ же губерніяхъ). Глаголь гудить въ Казанской губ. употребляется въ смыслѣ пѣть: «гожа онъ гудить» = хорошо онъ поетъ. Опытъ областного великорусскаго словаря. 1852 г. См. слово: «гудѣлка».—Дополненіе къ оп. обл. великор. слов. 1858 г., сл.: «гудить».

1) Въ Никоновской лѣтописи прибавлены въ соответствующемъ мѣстѣ еще смыки (Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. IX, стр. 95), но это несомнѣнно позднѣйшая вставка. Смычковые инструменты появляются въ Россіи уже значительно позже.

2) Полные тексты всѣхъ только что упомянутыхъ свидѣтельствъ см.: Скоморохи, 9—10, 69.

выхъ любящихъ ликованіе и свирѣли и гусли»¹. Во второй Софійской лѣтописи (подъ 1438 г.), въ описаніи Флорентійскаго собора читаемъ, что при входѣ папы «мнози вострубаша въ трубы и органы и въ гусли и со всѣми играми по фряжскому правилу»². Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ лѣтописецъ, разумѣется, имѣлъ въ виду не опредѣленный спеціальнѣй видъ славянскихъ гуслей, а употребилъ это слово въ смыслѣ струнныхъ музыкальных орудій вообще, въ противоположность духовымъ (свирѣлямъ, трубамъ и органамъ). Подтвержденіемъ сказанному могутъ служить и миниатюры, украшающія славянскій псалтирь XIII—XIV вѣка (изъ бібліотеки А. И. Хлудова). Здѣсь изображены играющіе на разныхъ струнныхъ инструментахъ: гуслеобразныхъ (въ видѣ русскихъ гуслей), кифарообразныхъ, гитароподобныхъ, и пр., а подъ ними подписаны тексты изъ псалмовъ и вообще изъ книгъ священнаго писанія, въ которыхъ упоминаются гусли, относимыя въ данныхъ случаяхъ къ названному разновиднымъ струннымъ музыкальнымъ орудіямъ, напр.: «псалтирь красенъ съ гусльми», «сыи золь вельми въ Саулѣ духъ, Давидъ же сего отгонилъ въ гусли бя», «хвалите Его... въ псалтири и гусльхъ», и т. п.³ Послѣ всего вышесказаннаго становится понятнымъ отождествленіе или точнѣе — соединеніе подъ общимъ именемъ «гусли» разныхъ струнныхъ инструментовъ въ старинныхъ русскихъ азбуковникахъ и словаряхъ. Такъ напр. у Зизанія (1596 г.) гусли объясняются какъ арфа, лютни, скрипица, т.-е. какъ инструменты, и по виду и по характеру весьма мало сходные между собою, но всѣ принадлежащія къ группѣ струнныхъ музыкальных орудій. Въ словарь Беринды (1627 г.) гусли = скрыпица; гусль = гарфа, цитра; гудлецъ = арфіста, цитариска⁴. Прибавлю, что въ старину слово «гусли» употреблялось въ томъ же общемъ значеніи, какъ въ

1) Полн. собр. русск. лѣт., IX, 81.

2) Тамъ же: VI, 159. Ср. VIII, 105.

3) Древности. Труды Московск. Археолог. Общества. III, 1873 г., стр. 5 (таб. 1), 11 (таб. III), 16, 25.

4) См. Сахаровъ: Сказ. русск. нар., II, в, 31, 124.

средніе вѣка на западѣ — заимствованное изъ греческаго *cythara*. «Слово *cythara*, замѣчаетъ Куссемакеръ, служило въ началѣ христіанства къ обозначенію всѣхъ струнныхъ инструментовъ. Такъ встрѣчаются названія: *cythara barbara*, *cythara teutonica*, *cythara anglica*, обозначающія струнные инструменты вовсе непохожіе другъ на друга, но германскія имена которыхъ трудно латинизировались»¹. Отсюда понятно, почему и въ русскомъ азбуковникѣ Берынды слово гуслѣ (въ общемъ значеніи соотвѣтствующее средневѣковому *cythara*) переводится какъ арфа и цитра (= *cythara*), а гудлецъ — арфиста, цитариска.

Только въ такихъ случаяхъ, когда, въ историческихъ свидѣтельствахъ, рядомъ съ гусями называются и другіе, точно определенныя виды струнныхъ инструментовъ, напр. домры, смычки или гудки, скрипѣли, мы можемъ придавать слову «гусли» болѣе тѣсное значеніе, понимать его какъ специальное названіе особенной видовой формы струннаго инструмента.

1) Coussemaeker: Essai sur les instruments de musique, въ *Annales archéologiques de Didron*. Т. III, p. 87.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Гусли, какъ специальный русскій народный музыкальный инструментъ.

Въ русскихъ историческихъ памятникахъ слово «гусли» въ только что упомянутомъ, болѣе тѣсномъ значеніи встрѣчается не ранѣе первой половины XVI столѣтія: «играють (нѣцди отъ священныхъ) въ гусли, въ з(д?)омры, въ смыки», говорится въ поученіи митрополита Даніила; «и гусли и смыки и сопѣли и всякое гуденіе» упоминаются въ Стоглавѣ. На свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича (въ 1626 г.) забавляли царя специальные гусельники, домрачей и скрипотчики. Въ царскихъ и иныхъ грамотахъ, памятяхъ, наказахъ и т. п. памятникахъ XVII вѣка, издававшихся противъ скоморошества, перечисляются разные инструменты скомороховъ: домры, гусли и волынки, или: гусли, домры, сурны и волынки и всякія бѣсовскія игры, или: сопѣли, гусли, гудки, домры и всякія игры. Въ словѣ Палладія мниха караются между прочимъ: «свирѣльницы и гусленицы и смычницы»; въ словѣ «о корчмахъ и пьянствѣ» упоминаются «нѣцди кощунники (= скоморохи), имуще гусли и скрипѣли и сопѣли и бубны и иныя бѣсовскія игры»; въ повѣсти о Еремѣ и Ѳомѣ (по рукоп. XVIII в.) читаемъ: «У Ереме гусли, а у Ѳомы—домра»¹.

1) Соответствующія, болѣе подробныя выдержки изъ поименованныхъ только что памятниковъ см. Скоморохи: 22, 63, 92, 117, 160, 161, 181, 184, 187.

Во всѣхъ только что приведенныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ рѣчь несомнѣнно идетъ о гусяхъ, какъ опредѣленномъ видѣ струннаго инструмента. Тѣмъ не менѣе, однако, и эти свидѣтельства, какъ голословныя лишь упоминанія о данномъ инструментѣ, нисколько не способствуютъ уразумѣнію характера, вида, строенія древне-русскихъ гуслей. Чтобы получить болѣе ясное понятіе объ этомъ инструментѣ, намъ должно обратиться къ слѣдующимъ источникамъ: 1) къ народнымъ преданіямъ о гусяхъ, сохранившимся въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ, 2) къ описаніямъ гуслей, начинающимъ появляться лишь со середины прошедшаго столѣтія, и 3) къ изображеніямъ даннаго инструмента, восходящимъ до XIII—XIV столѣтія. Сравненіе описаній и изображеній, относящихся къ разнымъ временамъ, между собою, а также съ тѣми данными о внѣшнемъ видѣ гуслей, которыя мы извлекаемъ изъ народныхъ пѣсней и былинъ, въ связи съ нѣкоторыми намеками, касающимися разсматриваемаго предмета, встрѣчаемыми въ старинныхъ памятникахъ, должно дать въ результатъ болѣе или менѣе точное и опредѣленное представленіе о древне-русскихъ гусяхъ.

а) Гусли—струнный инструментъ ручной, легкій, небольшого размѣра.

Въ былинахъ и пѣсняхъ русскихъ неоднократно говорится о томъ, что скomorохъ или игрецъ несетъ гусли, притомъ же нерѣдко подъ полой, подъ мышкой, подъ пазухой, даже въ карманѣ. Это показываетъ, что данный инструментъ былъ ручной, небольшой по объему, нетяжелый, напр.:

- Одѣваетъ (Добрыня) платье скomorошеское,
Кладъ гусельшки подъ праву полу¹.
- Положилъ-то ѣвъ гусѣлушки яровчаты подъ праву полу².
- Подъ полой у молодца дуда,
Подъ другой-то онъ гусли несетъ.
- Идетъ любчикъ мой горой,
Несетъ гусли подъ полой³.

1) Рыбниковъ: Пѣсни. 1861—1867 г. Ч. I, стр. 143.

2) Гильфердингъ: Онеж. был., 582.

3) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I, III, 84, 99.

- Вѣжитъ легонькій дѣтница,
Онъ не въ шубѣ, не въ кафтанѣ,
Въ полуселковомъ халатѣ,
Подъ полою несеть гусли ¹.
- Держалъ (молодецъ) гусли подъ полою ².
- Идетъ Вапюша горою,
Разудаленькій крутою,
Несеть гусли подъ полою ³.
- Подъ мышкой гусли несеть ⁴.
- Взямалъ онъ (Добрыня) гуселка яровчатыи
Подъ правую подъ пазушку ⁵.
- На плечѣ несеть (дѣтница) впнтовку,
Въ карманѣ несеть гусли ⁶.

Садко, передъ тѣмъ какъ броситься съ корабля въ море, беретъ съ собою, вѣроятно «подъ мышку», подъ полу, или «подъ пазуху», гусли и шахматную доску и съ ними спускается по сходнѣ:

И скоро Садко паряжется,
Беретъ онъ гусли звоцаты
Со хороши струны золоты,
И беретъ онъ шахматницу дорогу
Со золоты тавлеяи...
Спускался онъ на сине море,
Садился на шахматницу золоту ⁷.

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ, что Садко по пирамъ ходилъ играть на гусяхъ, а также и о томъ, какъ онъ пошелъ (съ гусями) къ Ильмень-озеру,

1) Римскій-Корсаковъ: Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. 1876 г. I, № 26.

2) Шейнъ: Русскія народныя пѣсни. 1870 г. I, стр. 192.—Ср. Балакиревъ: Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. № 29.

3) Пермскій сборникъ. 1859—1860 г. II, стр. 34.

4) Изъ народной пѣсни. Источникъ, изъ котораго сдѣлана эта выписка, по недоразумѣнью, не былъ мною своевременно отмѣченъ и потому, къ сожалѣнью, теперь не можетъ быть указанъ.

5) Кирѣевскій: Пѣсни (нов. изд.). Вып. II, стр. 128.

6) Якушкинъ: Народныя русскія пѣсни. 1860 г., стр. 167.

7) К. Даниловъ: Древнія русскія стихотворенія. 1878 г., стр. 236.

Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты ¹.

Садко, слѣдовательно, носилъ съ собою гусли, какъ легкой, ручной инструментъ. — Добрыня въ образѣ скomorоха, съ гуслиями въ рукахъ, съ легкостью вскакиваетъ на «мѣсто скomorошское», на «печку муравлену», и оттуда начинаетъ играть на своемъ инструментѣ; это опять возможно было исполнить лишь съ инструментомъ легкимъ и небольшимъ.

То же подтверждается и выраженіями пѣсень, по которымъ гусли или лежатъ на столикѣ, на скамьѣ, иногда у изголовья молодыхъ, или висятъ на гвоздикѣ, что опять могло относиться только до небольшого, легкаго инструмента, напр.:

- Говорилъ Добрыня, сынъ Никитичъ:
«Ты возьми мое платье скomorошское,
«И гуселки возьми мои яровчаты
«Въ новой горенки всѣ на столпни» ².
- На той скамьѣ лежатъ гусли,
Лежатъ гусли не назаженныя ³.
- А у нихъ (молодыхъ) въ головахъ
Звончаты гусли лежатъ ⁴.
- Во вѣточкѣ на гвоздику
Висятъ яровчаты гуселишки ⁵.
- Велѣлъ Добрынюшка, наказывалъ,
Наказывалъ подать гуселишки яровчаты
Во глубокомъ погребѣ на гвоздикѣ ⁶.

По словамъ русской поговорки: «жена не гусли, поигравъ, на стѣнку не повѣсишь» ⁷.

1) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 370.

2) Тамъ же: I, 135.

3) Пальчиковъ: Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ. 1888 г., № 123. Ср. въ Галицко-русской колонійкѣ:

На лавицѣ гусли.

Головацкій: Нар. пѣс. II, 417.

4) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I, III, 262.

5) Гильфердингъ: Онеж. был., 850.

6) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 143.

7) См. у Даля: Толк. слов.: «Гусли».

б) Гусли — инструментъ не смычковый.

Въ былинахъ нерѣдко упоминается о трехъ струнахъ, натягиваемыхъ или налаживаемыхъ гусяромъ, вслѣдствіе чего было высказано не совсѣмъ основательное предположеніе о тождествѣ гуслей скомороховъ съ трехструннымъ смычковымъ инструментомъ, гудкомъ. Въ пользу такого предположенія, если бы ему не противорѣчили самымъ положительнымъ образомъ всѣ русскія народныя преданія о гусяхъ, могло бы служить упомянутое выше обстоятельство, что у южныхъ и западныхъ Славянъ именемъ «гусли» называются нынѣ смычковые инструменты. Едва ли, впрочемъ, изъ послѣдняго факта можно заключить, что и въ древнѣйшую эпоху гусли у южныхъ и западныхъ Славянъ были инструментомъ смычковымъ. Напротивъ того, извѣстно, что смычекъ и игра смычкомъ на струнахъ составляютъ изобрѣтеніе сравнительно новѣйшее, и въ древности на востокѣ, откуда вообще заимствованы западными народами главнѣйшіе образцы музыкальных инструментовъ, вовсе не были извѣстны. Древнѣйшій способъ извлеченія звука изъ струнъ состоялъ въ щипаніи, подергиваніи ихъ пальцами или маленькимъ орудіемъ (палочкой, перышкомъ), у Грековъ называвшимся «плектръ» (plectron), или же удареніе по струнамъ палочками (молоточками). Въ русскихъ былинахъ почти исключительно, а въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ преимущественно передъ всѣми прочими музыкальными орудіями упоминаются гусли, что говоритъ въ пользу несомнѣнной наибольшей древности и распространенности въ старину этого инструмента, сравнительно съ другими, но никогда и нигдѣ не упоминается при этомъ о смычкѣ, которымъ бы играли на гусяхъ; если же въ пѣсняхъ и историческихъ памятникахъ упоминается о способѣ игры, то только объ игрѣ рукой или пальцами. Такъ, по словамъ русской пѣсни,

Молодецъ въ гусли игралъ
Своей бѣлой рукой¹.

1) Якушкинъ: Нар. русск. пѣс., 224.

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынь читаемъ:

Ай заигралъ тутъ (Добрынюшка) въ гусѣльшки нѣмецкія,
Подѣрнулъ онъ струночки сибирскія ¹.

Такую именно игру, т. е. перебирание, «подергивание» струнъ «бѣлой рукой», пальцами (а отнюдь не ведение по нимъ смычка), имѣлъ въ виду и пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, говоря о Боянѣ, что онъ свои десять перстовъ вскладалъ на струны: «Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нѣ своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху» ². Въ подражаніе пѣвцу Слова, и авторъ сказанія о Задонщинѣ говоритъ о вѣщемъ Боянѣ, славномъ гудцѣ кievскомъ («восхвалимъ вѣщаго Бояна, въ городѣ Кіевѣ горазда гудца»), что онъ пѣлъ славу князьямъ, «вскладая свои золотыя персты на живыя струны» ³. Если-бы Боянъ игралъ на смычковомъ инструментѣ, то пѣвецъ Слова не сталъ бы говорить о десяти перстахъ «вскладаемыхъ» на струны. Въ томъ же смыслѣ игры на струнахъ пальцами должно понимать и слѣдующіе стихи изъ былины о Добрынь:

Учелъ (Добрыня) по стрункамъ похаживать,
Учелъ онъ голосомъ поваживать ⁴.

«Похаживаніе» по струнамъ въ данномъ случаѣ выражаетъ то же, что и упомянутое выше перебирание, подѣргиваніе струнъ пальцами, «вскладаемыми» на струны и какъ бы расхаживающими по нимъ. «Гусли бо строятся персты», говоритъ Кириллъ Туровскій (XII в.) ⁵, причемъ слово «строятся» вѣроятно слѣдуетъ понимать въ смыслѣ «играются» перстами.

Прибавлю, что въ русскихъ былинахъ и пѣсняхъ иногда именуются разными частями гуслей: досочка, струны, шпенечки, но о гусельномъ смычкѣ никогда и нигдѣ не упоминается ни

1) Гильфердингъ: Онеж. был., 912.

2) Русскія достопамятности. 1815—1844 г. Ч. III, стр. 10—12.

3) Извѣстія II отд. Импер. Академіи Наукъ. Т. VI, стр. 345.

4) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 136.

5) Калайдовичъ: Памятники російской словесности XII вѣка. 1821 г. стр. 234.

слова; гдѣ же говорится о способѣ извлеченія звука изъ гусельныхъ струнъ, тамъ всегда, какъ уже замѣчено выше, идетъ рѣчь только о рукѣ и пальцахъ¹.

в) Составныя части гуслей.

аа) Доска.

Я упомянулъ выше о томъ, что древне-русскія гусли, по преданіямъ, имѣли горизонтальное положеніе, ихъ обыкновенно сравниваютъ съ лежачей или горизонтальной арфой (см. ниже). Дѣйствительно, о гусяхъ неоднократно говорится въ былинахъ и пѣсняхъ, что онѣ лежатъ, напр.:

- Охъ вы гусли, мои гуслицы,
Гусли мои звончатя!
Вы лежали соряду шесть лѣтъ,
А еще лежали ровно три года,
А еще лежали ровно круглой годъ².
- Какъ во теремѣ гусяльцы лежали,
Во высокомъ звончатя лежали³.
- По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому,
Лежатъ гусли неналаженныя,
Коляда!
- Во теремѣ гусли лежали,
Ай некому во гусли играти.

1) Въ западно-славянскихъ пѣсняхъ, гдѣ гуслими называются смычковый инструментъ, упоминаются и смычки, напр. (братья гудцы рубятъ яворъ, который говоритъ имъ):

Rubajte, rubajte,	Рубите, рубите,
Len sedce neгаñte,	Только сердца не раньте,
Ništ za wy nebojte,	Ничего вы не бойтесь,
Ale si otnite	Но отсѣките себѣ
Na jednu husličku,	Первое на гусельки,
Na druge vláčjku.	Второе на смычекъ.

Kollár: Narodnie Spiewanky. 1834—1835. II, str. 4.

2) Кирѣевскій: Пѣсни. 1860—1874. Вып. II, стр. 9.

3) Пермск. сборн. I. II, 55. Ср. вариантъ (свадебн. пѣсня):

Какъ во теремѣ гусли лежали,
Какъ во высокихъ — звончатые...

Записки Оренбургск. Отд. Имп. Русск. Географич. Общ. Вып. II, 1871 г., стр. 184.

- А у нихъ (молодыхъ) въ головахъ
Звончаты гусли лежать¹.
- На той свамяѣ лежать гусли,
Лежать гусли не налаженыя².

Всякій инструментъ можетъ, разумѣется, быть положенъ и «лежать» на скамьѣ, на столикѣ (или «висѣть на гвоздикѣ», ср. выше, стр. 12), но древне-русскія гусли обязательно «лежали», потому что онѣ имѣли видъ доски (т.-е. плоскаго досчатого ящичка), надъ которою натянуты были струны. Это доказывается словами пѣсень и былинъ, гдѣ неоднократно рѣчь идетъ о «тонкихъ доскахъ», изъ которыхъ дѣлаются гусли, о запылывшейся «полочкѣ», и даже самый инструментъ получаетъ иногда названіе «гусельной доски», «досочки гусельчатой», «тонкихъ гуслей», напр.:

- Съѣзжались господа
Съ семидесяти городовъ,
Срубили они яблоньку
Подъ самый корешокъ,
Раскололи яблоньку
На доски на тонкія,
На доски на тонкія,
Дѣлать гусли звончаты.
- Рубилъ (Александрюшка) яблонь подъ корень,
Тесалъ доски тонкія,
Дѣлалъ гусли звонкіе³.
- Ъхали бояре изъ Новагорода,
Сѣли рабянушку подъ самый корешокъ,
Кололи досочки тоненькія,
Дѣлали гусельцы звончатыя⁴.

1) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. пг, 17, 155, 262.

2) Пальчиковъ: Крестьян. пѣс., № 123.

3) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. пг, 96, 131.

4) Шейнъ: Русск. нар. пѣс. I, 83. Ср. вариантъ:

Ъхали бояре изъ Москвы,
Рубили яблонь подъ-корень,
Кололи доски тонкія,
Дѣлали гусли звонкія.

Потебня: Объясн. малор. и средн. нар. пѣс., 216.

— Какъ подъ этой яблоньей, тешуть доски тонкія,
Тешуть доски тонкія, дѣлать гусли звонкія ¹.

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ, послѣдній, возвратившись домой послѣ долгаго странствованія, находитъ гусельную «полочку», т.-е. деку, резонансную доску, запыленную:

У пихъ (гуслей) полочка запылилася ².

Въ другихъ пересказахъ находимъ прямо названіе инструмента «гусельной доской», напр.:

Принеси-тко мнѣ-ка платье скоморошкино,
Принеси-тко мнѣ-ка досочку гусельчатую...,

или:

Ты свѣтъ государыня моя матушка!...
А дай-во мнѣ доску гусельную ³.

Въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ не о части гуслей, а о цѣломъ инструментѣ, получающемъ, вслѣдствіе общаго доскообразнаго своего вида, названіе доски или досочки гусельной. Корпусъ гуслей состоялъ конечно не изъ одной только доски, а представлялъ широкій, плоскій ящикъ, необходимый для усиленія сравнительно слабаго звука струнъ; безъ такого резонанснаго (голоснаго) ящика гусли едва ли могли бы получать даваемый имъ обыкновенно народными пѣвцами эпитетъ — «звончатыя». Мы только что видѣли, что въ пѣсняхъ дѣйствительно неоднократно говорится не объ одной, а о нѣсколькихъ тонкихъ доскахъ, изъ которыхъ сооружается корпусъ гуслей, т.-е. резонансный ящикъ. Этому нисколько не противорѣчитъ названіе всего инструмента, широкаго, плоскаго, доскообразнаго, — «гусельной доской». Подобное же обозначеніе, даже сдѣлавшееся специальнымъ названіемъ инструмента, находимъ въ Германіи: тамъ гуслеобразный инструментъ цимбалы (см. ниже) носитъ названіе Hackebrett т.-е. буквально «рубильная доска» (по струнамъ его бьютъ [= рубятъ] особенными палочками или молоточками). Въ малорусской

1) Пальчиковъ: Крестьянск. пѣс. № 95.

2) Кирѣевскій: Пѣсни. II, 8.

3) Гильфердингъ: Онежск. был. 1020, 1096. Ср. 1305.

пѣснѣ гусли, дѣлаемыя изъ тонкихъ досокъ, сами получаютъ эпитетъ «тонкія»:

Іхали куці Харьківці,
Стали явора рубати,
Тонкія гуслоньки тесати¹.

Здѣсь, конечно, имѣется въ виду общій тонкій видъ инструмента, состоящаго изъ плоскаго (гонкаго) ящика съ натянутыми надъ нимъ струнами.

Корпусъ гуслей въ старину строился изъ явора (*platanus*), это доказывается наиболее употребительнымъ эпитетомъ ихъ: яворчатыя (т.-е. яворовыя) или чаще, съ перестановкой буквъ, — яровчатыя. Эпитетъ гуслей — «яворовыя» — повторяется въ пѣсняхъ всѣхъ славянскихъ народовъ, равно какъ и упоминанія объ изготовленіи гуслей изъ явороваго дерева. Это обстоятельство относитъ гусли къ общей родинѣ славянскаго племени въ странахъ болѣе южныхъ, теплыхъ, гдѣ растетъ яворъ. Въ русскихъ пѣсняхъ, какъ мы видѣли выше (стр. 16 — 17), яворъ нерѣдко уже замѣняется яблоней, рябиной и другими болѣе сѣверными деревьями; въ сѣверныхъ широтахъ гусли еще въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія строились изъ еловаго дерева (см. ниже); но тѣмъ не менѣе старинный эпитетъ «яворчатыя», «яровчатыя», продолжаетъ до настоящаго времени жить въ пѣсняхъ и сѣверно-русскихъ, по исконнымъ преданіямъ, подобно тому, какъ до сихъ поръ, даже на самыхъ отдаленныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинахъ Россіи, народъ, по унаслѣдованному отъ предковъ, стародавнимъ воспоминаніямъ, продолжаетъ называть въ своихъ пѣсняхъ Дунай, припѣвать о «красно-зеленомъ виноградѣ», котораго никогда и въ глаза не видалъ, и т. п. Приведу нѣсколько примѣровъ, касающихся сооруженія гуслей изъ явороваго дерева:

Сербо-хорват.:— Саделајте гуслице Сдѣлайте гусельки
Од сувога јавора (изъ пѣсни). Изъ сухаго явора.
— Гудиле су гусле јаворове Гудѣли гусли яворовыя.
(пословица = разнеслась молва)².

1) Потебня: Объясн. малор. и средн. нар. иѣс., 215.

2) Киѣвск.: Ор. і пов. I, 25, 39.

<i>Моравск.:</i>	— Uhledli tam dřevo	Увидѣли тамъ дерево,
	Dřevo jaborové,	Дерево яворовое,
	Na husličku dobré.	На гусельки годное.
	— Jaborové husličku	Яворовья гусельки
	Ony pěkně hrajó ¹ .	Онѣ хорошо играютъ.
<i>Словацк.:</i>	— Išli hudei horou,	Шли гудцы горой,
	Horou javorovou.	Горой яворовой.
	Našli drevo krásno	Нашли дерево красное,
	Na husličku hlasnô ² .	На гусельки годное.
<i>Русск.:</i>	— Ты возьми мое (Добрыню) платье скomorошское	
	И гусельки возьми мои яворчаты.	
	— А въ лѣвую (руку беретъ Садко) гусли яворчаты ³ .	
	— Называлъ (Добрыня) подать гусельшки яворчаты.	
	— Принесли они платье скomorошское	
	И гусельки ему (Добрынь) яворчаты.	
	— Играетъ (Чурила) въ гусельшки яворчаты.	
	— И началъ (Садке) играть въ гусельки яворчаты.	
	— Онъ (Ставръ) мастеръ играть во гусли яворчаты.	
	— Онъ (Ставръ) гораздъ играть въ гусельшки яворчаты.	
	— Добрые молодцы начали играть во гусли яворчаты ⁴ .	
	— Стали (купці Харьковці) явора рубати,	
	Тонки гуслишки тесати ⁵ .	

Замѣчу, что въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ чаще встрѣчается эпитетъ гуслей — «звончатые» (см. ниже), между тѣмъ какъ эпитетъ «яворчатые» преобладаетъ въ былинахъ⁶. — Какъ названіе «гусли» перешло во многихъ мѣстахъ на смычковые инструменты, такъ и эпитетъ ихъ «яворовые» иногда переносится на скрипку, напр.:

Заграй менѣ, музыченку, въ яворови скрипки⁷.

1) Sušil: Moravské národní písně. 1858—1859. №№ 146, 785 (str. 615).

2) Slovenské Spevy, vyd. priat. slov. sprevov. 1880. № 53.

3) Кирѣевскій: Пѣсни. II, 35; V, 37.

4) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 135, 143, 265, 370; II, 101, 111, 180. Ср. Гильфердингъ: Онежск. был. 850, 972 и др.

5) См. выше, стр. 18.

6) Считаю излишнимъ останавливаться на другихъ эпитетахъ гуслей, встрѣчающихся одиночно, какъ бы случайно, по капризу того или другаго пѣвца-сказителя. Таковы напр. (гусли): «хрустальныя», «вѣмецкія», «муравчатые». См. у Гильфердинга: Онежск. был. 912, 1058, 1261.

7) Головацкій: Нар. пѣс. II, 762.

бб) *Струны.*

Я выше (стр. 3) уже высказалъ предположеніе, что слово «гусли» первоначально значило струны, а потому, какъ названіе инструмента, оно могло относиться первоначально только до музыкальнаго орудія, имѣвшаго нѣсколько струнъ; отсюда возникаетъ новое предположеніе, что однострунные смычковыя гусли южныхъ Славянъ получили это свое наименованіе вѣроятно уже вслѣдствіе перенесенія на нихъ, какъ на изобрѣтеніе позднѣйшаго періода, названія, свойственнаго вытѣсненному ими на югѣ, болѣе древнему, многострунному, несмычковому инструменту. Подтвержденіемъ тому могутъ служить слѣдующія, хотя и скудныя историческія свидѣтельства о древне-славянскихъ струнныхъ инструментахъ. Византійскій писатель Теофилактъ Симокатскій (VII в.) рассказываетъ, что «тѣлохранителямъ царскимъ (въ 591 г.) попалось трое Славянъ, не имѣвшихъ при себѣ никакого оружія, но только кивары (κιδάρα)... Они говорили: кивары (κιδάρα) имѣемъ при себѣ для того, что не обыкли носиться съ оружіемъ.... играемъ на лирахъ (λίρας), потому что не умѣемъ играть на трубахъ»¹. Славянскіе инструменты VI вѣка, названныя Теофилактомъ греческими именами «кивары», «лиры», разумѣется должны были имѣть нѣкоторое сходство съ этими греческими инструментами; а извѣстно, что лиры и кивары въ цвѣтущее время греческаго искусства имѣли по преимуществу семь струнъ, хотя, впрочемъ, встрѣчаются на греческихъ памятникахъ, даже классической эпохи, кивары и лиры какъ съ меньшимъ, такъ и съ ббльшимъ числомъ струнъ.— Арабскіе писатели: Ибнъ-Даста (писавшій около 930 г.) и черпавшій свои свѣдѣнія изъ одного съ нимъ источника, ал-Бекри († 1094 г.), описывая нравы и обычаи Славянъ, свидѣлствуютъ, что у нихъ въ употребленіи былъ струнный инструментъ съ восемью струнами².—Кон-

1) Штриттеръ: Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія русскійскую исторію. 1770 г. I, 51.

2) Гаркави: Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. 1870 г. Стр. 265.—Записки Имп. Акад. Наукъ. Т. XXXII, прилож. №2, стр. 55, 65, 70.

стантинъ Порфирородный (X в.) упоминаетъ о Славянахъ, «которые употреблялись при инструментальной музыкѣ» въ Византіи¹. Вѣроятно и здѣсь они играли, между прочимъ, на своихъ многострунныхъ инструментахъ. — Въ пользу многострунности древне-русскихъ гуслей свидѣтельствуеетъ и авторъ Слова о полку Игоревѣ. Боянъ, древнѣйшій изъ «гудцовъ» или гусяровъ русскихъ, имя котораго сохранилось для потомства и образъ котораго можетъ служить прототипомъ цѣлаго цикла эпическихъ пѣвцовъ русскихъ, по выраженію Слова, «не десять соколовъ пускалъ на стадо лебедей, а свои вѣщіе персты вскладавъ на живыя струны», другими словами, онъ игралъ на струнахъ десятью перстами, т.-е. обѣими руками (ср. выше, стр. 14, сходное выраженіе объ игрѣ Бояна въ словѣ о Задонщинѣ); игра же десятью перстами предполагаетъ инструментъ, имѣющій по крайней мѣрѣ нѣсколько струнъ. — Вопросъ о дѣйствительномъ количествѣ струнъ на древне-русскихъ гусяхъ не разъясняется въ точности ни былинами, ни народными пѣснями.

Въ нѣкоторыхъ былинахъ установилась почти стереотипная формула, характеризующая искусство и разнообразіе репертуара пѣвца-гусельника, — формула, въ которой постоянно рѣчь идетъ о трехъ гусельныхъ струнахъ, натягиваемыхъ или налаживаемыхъ пѣвцомъ, напр. о Добрынѣ говорится въ разныхъ пересказахъ:

- Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града
И третью съ Еросолима².
- Ёнъ перву (струну) наладилъ съ града съ Кіева,
Ёнъ другу наладилъ изъ Чернигова,
Ёнъ вѣдь третьюю изъ каменной Москвы.
- Струночку играетъ отъ синя моря,
Другую играетъ отъ Царя-града,
А третьюю отъ Ерусалима.

1) Штриттеръ: Изв. визант. истор. I, 120.

2) Рыбниковъ: Пѣсни. II, 31.

- Ужъ онъ струночку играетъ что я Киевской,
 Какъ во другую играть отъ Еросолима,
 Еще въ третью про разъѣзды про Добрынюшенины ¹.

Про Ставра читаемъ:

Струночку натягиваль отъ Кіева,
 Другу отъ Царя-града,
 Третью съ Еросолима ².

Впрочемъ, сомнѣваюсь, чтобы изъ этой формулы можно было выводить заключеніе о томъ, что число струнъ гуслей ограничивалось тремя (ср. ниже). Въ другихъ еще пересказахъ былины о Добрынь въ той же формѣ упоминается лишь о двухъ струнахъ, напр.:

- Онъ первую (струну) завель отъ Кіева до Еросолима,
 А другу завель отъ Еросолима да до Царяграда,
 А всѣ пошли наѣвки ты Добрынины.
 — Натягалъ онъ струну про Кіевъ градъ,
 Другую-ту про похождениеццо,
 Выигрываль свое рождениеццо ³.

Во всѣхъ только что приведенныхъ и сходныхъ съ ними случаяхъ струны называются пѣвцомъ не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ. Струны, натягиваемыя, налаживаемыя или играемыя отъ разныхъ мѣстъ, фигурно представляютъ собою разныя повѣствованія пѣвца, сопровождаемыя звуками струнъ, или извѣстные наѣвки или мелодіи. Это доказывается слѣдующими соответствующими отрывками изъ другихъ еще пересказовъ былины о Добрынь:

- Первый разъ игралъ (Добрыня) отъ Царя-града,
 Другой разъ отъ Іерусалима,
 Третій разъ сталъ наигривати,
 Все свое похождение разсказывати ⁴.
 — Ёнъ игриццо игралъ отъ Царяграда,
 Другое игралъ отъ Еросолима,
 Третье играе отъ Кіева ⁵.

1) Гильфердингъ: Онежск. был. 1021, 1030, 1305.

2) Рыбниковъ: Пѣсни. II, 101.

3) Гильфердингъ: Онежск. был. 950, 1096.

4) Рыбниковъ: Пѣсни. III, 74.

5) Гильфердингъ: Онежск. был. 1254; ср. 1261.

О Соловьѣ Будиміровичѣ поется въ былинѣ:

- Тонци онъ ведетъ отъ Нова-города,
А другіе ведетъ отъ Еросолима,
А всѣ малые припѣвки за спя моря ¹.
- Тонцы ведутъ отъ Новагорода,
Други ведутъ-то отъ Еросолима.
- Игры играютъ Царяграда,
Напѣвки выпѣваютъ Еросолпма ².

Въ былинѣ о Садкѣ встрѣчаемъ аналогическое выраженіе:

- Играеть-то Садке въ Новѣ-городѣ,
А выигрышь ведетъ отъ Царя-града ³.

Мы видимъ, что первая, вторая и третья струны однихъ пересказовъ соотвѣтствуютъ первому, второму и третьему «разу» начинанія игры, первому, второму и третьему «игрищу», и т. п., другихъ пересказовъ. Точно такъ и первая и вторая струны находятъ себѣ аналогію въ первыхъ и вторыхъ «тонцахъ», въ «играхъ» и «напѣвкахъ», въ «игрѣ» и «выигрышѣ» ⁴. Слѣдовательно, судить по такимъ фигурнымъ выраженіямъ о дѣйствительномъ количествѣ струнъ гуслей, невозможно. Можно лишь вывести заключеніе, что число струнъ было не менѣе трехъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ невысказанными были бы приведенныя фигурныя выраженія, перечисляющія три струны.

Въ другихъ мѣстахъ былинь говорится о струнахъ гуслей глухо, вовсе безъ упоминанія о ихъ числѣ, напр.:

- Натягивалъ (Добрыня) тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Учелъ по стрункамъ похаживать.
- Струнку къ струночкѣ натягиваетъ (Соловей),
Тонци по голосу налаживаетъ.

1) Рыбниковъ: Пѣсни I, 319.

2) Гильфердингъ: Онежск. был. 370, 954.

3) Рыбниковъ: Пѣсни I, 369.

4) О значеніи этихъ техническихъ выраженій въ русскихъ былинахъ см. Скоморохи: 31—37.

- Бралъ Садке гусельшки яровчаты,
Яровчаты гусели, звончаты:
Струночку ко струночкѣ налаживалъ.
— А ты струночки (гусельныя) повыврай...
Скажи: «у меня струночекъ не случилось»¹.
— А ѿ заграля (Добрыня) тутъ въ гусельшка нѣмецкія,
Поподѣрвуль онъ струночки сибирскія².
— Изорвалъ онъ (Садко) струны золоты,
И бросаетъ гусли звончаты³.

Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ также встрѣчаются упоминанія гусельныхъ струнъ во множественномъ числѣ, но безъ болѣе точнаго опредѣленія ихъ количества, напр.:

- Ай, вы гусли, мои гусли звончатые,
Ахъ, вы струны, мои струны золоты!⁴
— Загралъ милый въ гусли,
Надежа моя!
Какъ струна струнѣ молвить,
Утѣха моя!
— На гуслицахъ струны,
Ой люли, мочальныя (у старика),

или:

Ой люли, золотыя (у молодого)⁵.

И такъ, по скуднымъ стариннымъ историческимъ свидѣтельствамъ можемъ строить предположеніе о томъ, что древнія славянскія гусли имѣли около 7 или 8 струнъ (ср. выше [стр. 11], свидѣтельства Теофилакта, Ибн-Дасты, ал-Бекри), на которыхъ играли обѣими руками (ср. выше [стр. 14], выраженіе Слова о полку Игоревѣ объ игрѣ Бояна десятью перстами). Изъ словъ былинъ заключаемъ, что число струнъ на древнихъ русскихъ гуслихъ было не менѣе трехъ; но, принимая въ соображеніе только что упомянутыя свидѣтельства, дѣлаемъ заключеніе, что

1) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 136, 319, 369, 378. Ср. Гильфердингъ: Онежск. был. 757.

2) Гильфердингъ: Онежск. был. 912.

3) К. Даниловъ: Древн. рос. стих. 237.

4) Шейнъ: Русск. нар. пѣс. I, 354.

5) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. III, 33, 97.

число ихъ было болѣе трехъ. Впрочемъ, нѣтъ основанія предполагать, чтобы число струнъ было всегда постоянно; напротивъ того, оно вѣроятно подвергалось такимъ же колебаніямъ, какъ и число струнъ однородныхъ съ гуслими инструментовъ западно-европейскихъ. Такъ напр. относительно инструмента, именованнаго рота (rota), знаемъ, что онъ имѣлъ то 7, то 10, то 17 струнъ. Близко родственныи ротѣ псалтирь (psalterium) имѣлъ то 6, то 10, то 12, то 15 и болѣе (до 76) струнъ. Такъ же колебалось и число струнъ (а равно и объемъ) средневѣковыхъ арфъ, имѣвшихъ отъ 11 до 25 струнъ¹. Повторяю, нѣтъ основанія предполагать, чтобы гусли древне-русскихъ пѣвцовъ и игрецовъ составляли исключеніе изъ среды родственныхъ имъ инструментовъ другихъ европейскихъ народовъ и не подвергались, по отношенію къ числу струнъ, колебаніямъ, подобно ротѣ, псалтирю, арфѣ. Въ народномъ представленіи гусли являются какъ инструментъ, несомнѣнно снабженный по крайней мѣрѣ нѣсколькими параллельными струнами: отсюда «гусельчатый», т.-е. похожій на гусли, значитъ полосатый, бороздчатый, дорожчатый, какъ бы исчерченный струнами². Полосатымъ же можетъ называться только такой предметъ, котораго поверхность представляетъ по крайней мѣрѣ нѣсколько полосъ. Мы увидимъ ниже, что гусли, бывшія въ употребленіи въ народѣ въ Россіи еще въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка и имѣвшія вполнѣ первобытную форму, снабжены были всего пятью струнами. Принимая во вниманіе консерватизмъ народа въ области нравовъ, обычаевъ, а равно и предметовъ жизненнаго обихода, къ которымъ должно причислить и музыкальные народные инструменты, можемъ сдѣлать предположеніе, что народныя гусли и за много вѣковъ раньше имѣли ту же первобытную форму и то же ограниченное число струнъ, тѣмъ болѣе, что и близко родственныи русскимъ народнымъ гуслимъ старинныи инструментъ Финновъ, кѣнтеле, вѣроятно даже заимствованныи отъ Русскихъ (см. ниже), въ типической своей

1) См. у Fétis: Hist. gén. de la mus. IV, 418, 448; V, 153—155.

2) См. у Даля: Толк. Слов.: «Гусли».

формѣ также имѣлъ пять струнъ. Весьма можетъ быть, что русскіе специальные пѣвцы, гусяры-скоморохи, первоначально и пользовались только что упомянутыми первобытными гуслими; но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что съ теченіемъ времени, въ особенности тѣ изъ гусяровъ, которые показывали свое искусство при дворахъ князей и царей, въ хоромахъ богатыхъ бояръ, прибѣгали къ гуслимъ болѣе усовершенствованнымъ, снабженнымъ большимъ количествомъ струнъ. Вспомнимъ, что при дворахъ русскихъ царей съ конца XV вѣка стали постепенно появляться иноземные инструменты и соотвѣтствующіе музыканты, стали раздаваться звуки органовъ, клавиноповъ, скрипокъ, цимбаловъ, а съ XVII вѣка установились цѣлые трубные хоры¹. Разумѣется, конкуренція эта была опасна для гусельниковъ, и они безъ сомнѣнія принуждены были заботиться о пріобрѣтеніи болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ: таковымъ оказывается многострунный псалтирь, который, подъ именемъ гуслей, дѣйствительно встрѣчается изображеннымъ на старинныхъ картинкахъ уже начиная съ XIV вѣка, а также на старинныхъ лубочныхъ картинкахъ позднѣйшаго времени (см. ниже).

Что касается матеріала, изъ котораго приготовлялись гусельныя струны, то всё сохранившіяся въ этомъ отношеніи преданія и упоминанія въ былинахъ и народныхъ пѣсняхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что струны были металлическія, по выраженію былинъ и пѣсень — «золотыя» или «золоченыя», напр.:

- Береть онъ (Садко) гусли звончаты
Съ хороши струны золоты...
- Изорвалъ онъ струны золоты²...
- Тутъ сломалъ Садко гусли яровчаты
И прирвалъ струны золоченныя³.
- Натягивалъ (Добрыня) тетивочки шелковыя
На тѣ струночки золоченныя⁴.

1) См. Скоморохи: 151 и сл.

2) К. Даниловъ: Древн. рос. стих. 236, 237.

3) Кирѣевскій: Пѣсни. V, 39.

4) Тамъ же: II, 37. Ср. Рыбниковъ: Пѣсни. I, 136.

- У нихъ (гуслей) полочка запылнлася,
А струночки перержавѣли. ¹
- На гуслицахъ струны,
Ой люли, золотыя ².
- Ахъ, вы струны, мои струны золотыя! ³

Металлическія струны наиболѣе звонки, оттого и самыя гусли обыкновенно называются «звонкими», «звончатыми», «звончистыми», напр.:

- «Еще гдѣ мои (Добрыни) звончаты гусли?»
- «Ну подайте мнѣ (Вавыѣ ключнику) гусельки звончаты!»
- Онъ (Васильюшко) во звонкія гусельчки попрыгаетъ. ⁴
- Играетъ Соловей въ звончаты гусли.
- Бралъ Садко гусельшки яровчаты,
Яровчаты гусельки, звончаты.
- «Еще повеселея стану (Добрыня) играть въ гусли звончатыя!» ⁵
- Бросилъ (Созолей) свои звончаты гусли.
- Запгралъ Садко въ гусли звончаты. ⁶
- Запгралъ онъ (удалець) во гусли,
Запгралъ въ звончатыя свои.
- На козѣнахъ держитъ (молодой) гусли
Ой люли, звончатыя. ⁷
- Несетъ (Вапюша) гусли подъ полой,
Звончатыя подъ правую. ⁸
- «Ай, вы гусли, мои гусли звончаты!» ⁹
- Эхъ да, во звончаты онъ гусельшки
Онъ на(вы)прыгаетъ, да. ¹⁰
- Не ладно звончатыя (гусли) выговариваютъ. ¹¹

1) Кирѣевскій: Пѣсни. II, 8. «Перержавѣтъ» могутъ, разумѣется, только металлическія струны.

2) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I, III, 97.

3) Шейнъ: Русск. нар. пѣс. I, 354.

4) Кирѣевскій: Пѣсни. II, 7; V, 137; VII, 54.

5) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 319, 369; II, 19.

6) К. Даниловъ: Древн. рос. стих. 6, 237; ср. 236.

7) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I, III, 28, 97.

8) Пермскій сборн. II, 34.

9) Шейнъ: Русск. нар. пѣс. I, 354.

10) Пальчиковъ: Крестьянск. пѣс. № 42.

11) Изъ свадебной пѣсни, записанной въ Вышневолоцкомъ у., Тверской губ., и любезно сообщенной мнѣ А. Э. Волтеромъ.

Выше (стр. 16—17) приведено было нѣсколько примѣровъ изъ русскихъ пѣсень о тесаніи тонкихъ досокъ и о построеніи изъ нихъ гуслей звонкихъ, звончатыхъ, звончистыхъ.

Вслѣдствіе звонкости гусельныхъ струнъ, и игра на гусяхъ бываетъ «звонкая», напр.:

Да кому въ гусли поиграть?
Играть будетъ Петру-судырь...
Ой Петръ-отъ свѣтъ, позвончѣй! ¹
— Въ гусли играетъ князь (= женихъ) Иванъ,
Звончисто выпгрываетъ Кузьмичъ. ²

«Звонъ гуслей», «гусли звенятъ» — обычныя выраженія стараго русскаго гуслира Трофима Ананьева. ³

Изрѣдка въ былинахъ упоминается о «тетивочкахъ шелковыхъ», будто бы натягиваемыхъ на «струночки золоченыя» (ср. выше стр. 26). Полагаю, что такое выраженіе основывается на недоразумѣніи, объясняемомъ тѣмъ, что нынѣшніе пѣвцы былинъ не только уже давно гуслей не употребляютъ, но вѣроятно такъ-то и не видѣли; поэтому представленіе о болѣе сложномъ составѣ струнъ легко могло помрачиться у пѣвцовъ не-гуслиаровъ: не на «золотыя» (т.-е. металлическія) струны натягиваются шелковыя тетивы, а наоборотъ, на шелковыя (или кишечныя) струны наматывается или наворачивается тонкая металлическая проволока для басовыхъ нотъ; это практикуется и нынѣ по отношенію къ басовымъ струнамъ фортепіано, гитары, и т. п.

Вопросъ о томъ, изъ какого матеріала дѣлались струны древнѣйшихъ русскихъ гуслей, пока остается неразъясненнымъ, за неимѣніемъ на то указаній въ историческихъ памятникахъ. Что же касается старинныхъ преданій, былинъ и народныхъ пѣсень, то они другихъ гусельныхъ струнъ, кромѣ металлическихъ, не знаютъ, хотя по всѣмъ вѣроятіямъ первобытныя гусли снабжены были и болѣе первобытными струнами, напр.: волосяными (спле-

1) Потебня: Объясн. малор. и средн. нар. пѣс. 216.

2) Изъ только что упомянутой (стр. 28, прим. 11) свадебной пѣсни.

3) См. ниже, Глава III, в.

тенными изъ конскаго волоса), льняными, кишечными. Достойно вниманія, что на южно славянскомъ смычковомъ однострунномъ (или двуструнномъ) инструментѣ, именуемомъ гуслими, до сихъ поръ употребляются струны, сплетенныя изъ конскаго волоса.

Относительно способа игры на струнахъ русскихъ гуслей я говорилъ уже выше (стр. 13 — 15), что, судя по всѣмъ стариннымъ свидѣтельствамъ, преданіямъ, былинамъ и пѣснямъ, на струнахъ играли исключительно пальцами, а не какими либо перышками, палочками, молоточками, и т. п., а тѣмъ менѣе еще — смычкомъ.

ов. Шпенечки.

Въ приведенныхъ выше отрывкахъ изъ былинъ неоднократно говорится о «натягиваніи» или «налаживаніи» струнъ, т.-е. о настраиваніи гуслей. Настраиваніе всѣхъ струнныхъ инструментовъ производится обыкновенно слѣдующимъ образомъ: одинъ конецъ струны прикрѣпляется наглухо, а другой — къ колку (Wirbel), посредствомъ повертыванія котораго въ ту или другую сторону достигается бѣльшая или меньшая натянутость или напряженность струны, а слѣдовательно и бѣльшая или меньшая высота ея тона. Въ былинахъ колокъ носитъ названіе шпенечекъ. Такъ напр. Садкѣ-гусельнику, послѣ того какъ подъ звукъ его игры распясалось все подводное царство, причиняя тѣмъ много бѣдъ на морѣ, является «старикъ сѣдатый» (по другимъ пересказамъ — «старчище» или «Никола Можайскій», или Богородица), который увѣщаетъ Садко прекратить игру:

Говоритъ старикъ таковы слова:
 А ты струночки повыврай,
 А ты шпенечки повыломай,
 Скажи: «у меня струночекъ не случился,
 А шпенечковъ не пригодилось,
 Не во что больше играть:
 Приломались гуселки яровчаты».¹

1) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 378. Ср Гильфердингъ: Онежск. был. 396, 879.

Послѣднія слова подтверждаютъ простоту устройства гуслей: струночки и шпенечки, вотъ, кромѣ основы—«доски» (т.-е. голоснаго ящика)—исключительныя составныя части инструмента.

г) Играютъ на гусяхъ всегда сидя.

Въ русскихъ пѣсняхъ и былинахъ, также на старинныхъ изображеніяхъ, играющіе на гусяхъ всегда сидятъ во время игры: инструментъ или прислоняется играющимъ ко груди (ребромъ или плашмя), причемъ онъ однимъ краемъ (т.-е. ребромъ) упирается въ одно или въ оба колѣна, или онъ лежитъ плашмя на колѣнахъ играющаго, или, наконецъ, лежитъ передъ нимъ на столѣ.¹ Все это устраняетъ всякую возможность предполагать, чтобы древне-русскія гусли могли быть похожи на лютню, гитару и т. п. инструменты съ грифомъ; на такихъ инструментахъ весьма часто играютъ стѣя; въ стоячемъ же положеніи изображена и фигура, играющая на гитаровидномъ инструментѣ, на извѣстной древней фрескѣ Кіевского Софійскаго собора.² Напротивъ того, древніе русскіе гусяры всегда сидѣли во время игры, и это необходимо обуславливалось спеціальною, доскообразною формою инструмента. Слѣдующіе отрывки изъ пѣсень, въ которыхъ игрецъ-гусярь всегда садится передъ тѣмъ какъ начать игру, подтверждаютъ сказанное:

- И садился (Добрыня) близко печку близъ кирпичную,
И зыгралъ онъ въ гусельшка яровчаты.
- И сидитъ (Чурица) у зголовица високаго,
Играетъ въ гусельшки яровчаты.
- Сидѣлъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ...
Играетъ Соловей въ звончаты гусли.
- Онъ сидитъ Соловей на стулѣ черленоемъ,
На черленоемъ стулѣ золоченоемъ,
Играетъ молодець, забавляется ..

1) Единственное извѣстное мнѣ исключеніе представляетъ играющій стѣя гусярь, изображенный ниже (фиг. 1) на миниатюрѣ древняго Славянскаго псалтиря (XIII—XIV в.).

2) См. ниже фиг. 23.

— Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣгъ горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты. ¹

Терентьева жена приглашаетъ къ себѣ толпу скомороховъ,
поиграть и попѣть, и

— Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы.
— Посадили (мнимый посоль) Ставра противъ себя въ дубову скамью,
И началъ тутъ Ставрѣ (въ гусли) поигрывать. ²

Въ одной изъ хороводныхъ весеннихъ пѣсень поютъ:

Какъ садился молодець,
Какъ садился удалецъ
Противъ вдовушки (или: дѣвушки) на скамьѣ.
Заигралъ онъ во гусли...

По словамъ одной изъ плясовыхъ пѣсень, играющей на гу-
сляхъ сидитъ и держитъ гусли на колѣнахъ:

Во бесѣдѣ сидитъ старой,
Ой люли, постылой!
На колѣняхъ держитъ гусли,
Ой люли, лубяные...

Далѣе картина мѣняется:

Во бесѣдѣ сидитъ молодой,
Ой люли любезной!
На колѣняхъ держитъ гусли,
Ой люли, звопчатые ³...

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ, сей послед-
ній, вскочивъ на указанное ему княземъ Владиміромъ мѣсто,
именно «на печку на земляную»,

Положилъ гусельшкѣ на свои колѣна молодецкія,
Учалъ почалъ во гусельшкѣ выигрывать. ⁴

1) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 166, 265, 319, 331, 370. Ср. Гильфердингъ:
Онежск. был. 850, 1058 и др.

2) К. Даниловъ: Древн. рос. стих. 13, 91.

3) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. III, 97.

4) Гильфердингъ: Онежск. был. 582.

Въ другой, свадебной, пѣснѣ гусли находятся на столѣ передъ играющимъ на нихъ женихомъ («княземъ»): въ новой горницѣ дубовые столы, на столахъ скатерти бранья лежатъ,

На скатертяхъ гусли звончатая стоятъ (лежатъ?)

Въ гусли играетъ князь Иванъ ¹...

Что касается упомянутого выше присловенія гуслей и гуслеобразныхъ инструментовъ, во время игры, ко груди, то такой способъ держанія инструмента наглядно доказывается приведенными ниже изображеніями (фиг. 1, 2, 17, 18, 23, 24 и др.).

1) Изъ упомянутой выше (стр. 27, пр. 11) свадебной пѣсни. Нигдѣ и никогда, кромѣ даннаго случая, мнѣ не встрѣчалось выраженія: «гусли стоятъ». Здѣсь пѣвецъ, со словъ котораго пѣсня записана, употребилъ выраженіе «стоятъ» вѣроятно лишь во избѣжаніе повторенія слова «лежатъ», которымъ заключается предыдущій стихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Постепенное усовершенствованіе формы русскихъ гуслей.

Разсмотрѣвъ упоминаемыя въ произведеніяхъ народнаго творчества составныя части гуслей, обращаюсь къ изслѣдованію общаго внѣшняго вида даннаго музыкальнаго орудія. Постараюсь, насколько позволятъ нѣкоторыя сохранившіяся изъ прошедшихъ вѣковъ изображенія и описанія гуслей, прослѣдить различныя фазы развитія и усовершенствованія этого инструмента. Старинныя изображенія гуслей весьма немногочисленны, описанія же начинаютъ появляться лишь въ XVIII вѣкѣ. Мы видимъ, что матеріалы, которыми можно пользоваться, болѣе чѣмъ скудны.

а) Первобытныя русскія гусли.

Къ самымъ раннимъ художественнымъ памятникамъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на разсматриваемый предметъ, принадлежатъ миниатюры, украшающія славянскій псалтирь библиотеки А. И. Хлудова, относимый къ XIII—XIV вѣку¹. Здѣсь, между прочимъ, представленъ царь Давидъ, составляющій псалтирь: царственный пѣснопѣвецъ, самъ играющій на музыкальномъ инструментѣ (кажется на «лирѣ» или «рылѣ», *Dorfleuer*,

1) См. Прохоровъ: Русскія Древности. 1871 г. Кн. VI.

держа въ правой рукѣ не смычекъ, какъ полагають нѣкоторые, а вѣроятно — рукоятку («лиры»), окружень группами пѣвцовъ и музыкантовъ. Инструменты въ рукахъ послѣднихъ, разумѣется, не древне-еврейскіе, а принадлежащіе времени составленія изображенія, т.-е. употребительные въ XIII вѣкѣ, но вошедшіе въ употребленіе вѣроятно гораздо раньше. Образецъ для миниатюръ былъ греческій; но, судя по неправильному правописанію пмѣющихся мѣстами греческихъ подписей, рисоваль, по заключенію описавшаго псалтирь архимандрита Амфилохія¹, не грекъ, а русскій, незнакомый съ греческимъ языкомъ. Отсюда заключаемъ, что и инструменты, изображенные въ рукахъ играющихъ, быть можетъ, были въ данное время въ употребленіи въ Россіи. Наиболее интересна для насъ въ настоящемъ случаѣ одна изъ фигуръ группы лицъ, стоящей вправо отъ Давида (фиг. 1).

Фиг. 1.

Группа музыкантовъ изъ миниатюры Славянскаго псалтиря XIII—XIV вѣка библиотеки А. И. Хлудова.

одно изъ нихъ играетъ правой рукой на прислоненномъ плашмя ко груди музыканта пяти(?)-струнномъ доскообразномъ инструментѣ: другое — на духовомъ, третье — на тарелкахъ, что же

Группа эта состоитъ изъ четырехъ лицъ:

1) Древности. Тр. Моск. Археол. Общ. Т. III, стр. 2.

дѣлаетъ четвертос—не видно. Надъ группой надпись, заимствованная изъ 80-го псалма: «Псалтирь красенъ съ гусльми». Последнее слово, если не принимать его въ смыслѣ музыкальныхъ инструментовъ вообще (ср. выше, стр. 5), можетъ относиться только къ доско- или гусле-образному инструменту перваго изъ поименованныхъ лицъ данной группы. Въ другой группѣ (на той же таблицѣ), помѣщающейся ниже Давида, въ лѣвомъ углу, видимъ опять группу поющихъ и играющихъ и между ними музыканта, держаща-

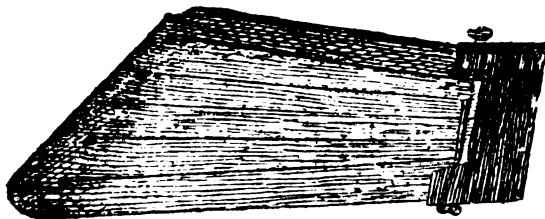
го на колѣнахъ прислоненный противоположнымъ концомъ ко груди продолговатый гуслеобразный (четырёх(?)-струнный) инструментъ, на которомъ онъ какъ будто бы играетъ пальцами обѣихъ рукъ (Фиг. 2).

Фиг. 2.

Группа музыкантовъ и пѣвцовъ изъ той же миниатюры, какъ Фиг. 1.

Оба эти инструмента представляютъ первобытную форму гуслей. Достоянно вниманія, что еще въ прошедшемъ столѣтїи и въ началѣ нынѣшняго въ русскомъ народѣ были въ употребленіи первобытныя гусли, по виду своему сходствовавшія съ инструментомъ, изображеннымъ на Фиг. 1. Въ 1795 году вышла книга Гютри о русскихъ древностяхъ, въ которой авторъ, между прочимъ, пишетъ: «гусли, по видимому, были первою попыткою, посредствомъ которой достигли до построенія инструмента, извѣстнаго подъ именемъ горизонтальной арфы». Самую цѣнную часть сообщенія Гютри составляетъ рисунокъ, изображающій простѣйшую форму гуслей, въ видѣ гусельной доски съ натянутыми

Фиг. 3.

Русскія первобытныя гусли конца XVIII вѣка.

надъ нею пятью струнами, здѣсь воспроизводимый¹ (Фиг. 3).

Таковы были вѣроятно тѣ ручныя старинныя гусли, которыя, по словамъ

былинъ и пѣсень, какъ было указано выше (стр. 10—11), носились играющими «подъ полой», «подъ мышкой», «подъ пазухой», и т. п. Такія же первобытнаго вида гусли описалъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія Фетисъ, вѣроятно получившій свѣдѣнія о нихъ отъ извѣстнаго композитора Боальдѣ, который въ 1803 году былъ въ Петербургѣ, въ качествѣ капельмейстера придворнаго оркестра; предположеніе это я основываю на томъ, что описаніе свое Фетисъ иллюстрируетъ нотнымъ примѣромъ русской пѣсни съ сопровожденіемъ гуслей, полученнымъ имъ отъ Боальдѣ. Вотъ что пишетъ Фетисъ: «Гусли или горизонтальная арфа представляютъ особенный инструментъ, состоящій изъ тонкой доски еловаго дерева, прикрѣпленной къ легкому ящику. Онѣ снабжены пятью струнами, настроеными слѣдующимъ образомъ:

la ut mi sol la.

Музыкантъ, играющій на гусяхъ, употребляетъ ихъ только для сопровожденія пѣнія медленныхъ мелодій или плясовыхъ пѣсень, наигрываемыхъ на гудкѣ². Упомянутое Фетиса о тонкой гусельной доскѣ совпадаетъ съ вышеприведенными (стр. 16—17) свидѣтельствами народныхъ пѣсень, о тесаніи тонкихъ досокъ, чтобы дѣлать гусли, также съ вышеприведеннымъ (тамъ же) названіемъ всего инструмента «гусельной

1) Guthrie: Dissertations sur les antiquités de Russie. 1795. P. 31. Tab. II, fig. 9.

2) Fétis: Résumé philosophique de l'histoire de la musique. CXXXIX—CXXX. Въ первомъ изданіи (1835) Biographie universelle des musiciens того же автора.

доской». Заключительныя слова Фетиса о сопровожденіи гуслиаи плясовыхъ пѣсень, наигрываемыхъ на гудкѣ (нынѣ замѣщенномъ скрипкой), подтверждаются словами нѣкоторыхъ народныхъ пѣсень, напр.:

У меня квартирушка веселая...
Играють два хлопчика на гуслиахъ,
А я добрый молодець на скрипцѣ;
Ты будешь, душа моя, танцовать¹...

Въ первобытной своей формѣ, снабженныя лишь пятью струнами, гусли, разумѣется, могли служить только для сопровожденія, для поддержки голоса пѣвца (или другаго болѣе богатаго звуками инструмента), а потому, конечно, пѣсня въ сочетаніи съ гуслиаи играла первую роль, а гусли — второстепенную. Это подтверждается опять словами народныхъ пѣсень, напр.:

Мы поидемъ во лужокъ, заведемъ кружокъ,
Милый съ гуслиаи, а я съ пѣснями.
Не придуть гусли противъ пѣсенокъ,
Не придетъ свекоръ противъ батюшки².

Пѣсни предпочитаютъ гуслиамъ, какъ отецъ — свекру. Въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ, о Садкѣ, пляшуть и поють подъ звуки гуслей:

— Тутъ-то въ терему скачуть-пляшуть,
Пѣсни поють, въ гусли наигрываютъ.
— Сталъ онъ (Садко) въ гусельшки наигрывать...
Сталъ царь Водяникъ поскакивать,
А царица Водяница поплясывать,
Красныя дѣвушки хорюводъ водять,
А мелкая четь въ присядку пошла.

Въ великорусской пѣснѣ поется:

Да кому въ гусли наиграть?
Да кому подъ нихъ поплясать?³

Въ Галицко-русской пѣснѣ молодець

На гуслиахъ грае, красно спиваетъ⁴.

1) Римскій-Корсаковъ: Сборн. русск. нар. пѣс. № 37.

2) Якушкинъ: Нар. русск. пѣс., 281.

3) См. у Потебни: Объясн. малор. и средн. нар. пѣс., 216.

4) Pauli: Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. 1839. I, 165.

Въ русскихъ былинахъ неоднократно читаемъ о гусельной игрѣ, сопровождающей пѣніе, напр.:

- Некому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игръ играть, напѣвокъ напѣвать
Про стары времена и про нынѣшны.
- Зачалъ (Добрыня) въ гусли играть, приговаривать.
- Учень по стрункамъ похаживать,
Учень онъ голосомъ поваживать, и т. п.¹

Въ Сказаніи о Задонщинѣ упоминаются «гусельныя слова», Боянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ пѣлъ пѣсни въ честь князей, сопровождая свое пѣніе игрою на струнахъ (гусяхъ). Фетисъ приводитъ въ высшей степени интересный примѣръ сопровожденія пяти-струнными гуслими народной малорусской пѣсни, записанный Боальдѣ (ср. выше, стр. 36): «Пораженный какъ оригинальностью мелодіи, такъ и тональною соотвѣтственностью гармоніи, Боальдѣ тщательно записалъ эту любопытную пьесу», говоритъ Фетисъ². Примѣръ этотъ здѣсь мною воспроизводится:

Пѣніе.

Гусли.

1) См. Скоморохи: 18, 28, 32—33, 38, 67—68. Ср. выше, стр. 22—23.

2) Rés. phil. de l'hist. de la mus. CXXXI. Данная мелодія принадлежитъ пѣсни: «Ахъ, подъ вишнею. подъ черешнею»... См. у Прача: Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами. 1815 г. Ч. I: пѣс. Малорос. № 4.

Впрочемъ, бывали русскіе народныя гуслеры, игравшіе на первобытныхъ гусляхъ свои импровизаціи не для пѣнія и не для плясокъ, но въ качествѣ самостоятельной гусельной музыки¹. Гусли въ формѣ, весьма близкой къ изображенной у Гютри (см. выше, фиг. 3), еще не такъ давно встрѣчались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи².

Вопросъ о первобытныхъ русскихъ гусяхъ значительно разъясняется разсматриваніемъ близко родственныхъ имъ, первобытныхъ, того же типа, инструментовъ сосѣдей нашихъ, а именно народовъ финскаго и литовскаго племенъ: Финновъ, Эстовъ, Литовцевъ и Латышей. Всѣ эти народы обладали, а отчасти и до сихъ поръ еще обладаютъ инструментами даннаго типа, нѣкоторые экземпляры которыхъ хранятся въ разныхъ музеяхъ и у частныхъ лицъ, любителей старины, подробно описаны и изображены въ специальныхъ статьяхъ и представляютъ для насъ въ данномъ случаѣ чрезвычайный интересъ. Обращаюсь къ разсмотрѣнію этихъ инструментовъ.

б) Кантеле Финновъ. — Каннель Эстовъ. — Канкель Литовцевъ. — Куанель Латышей. — Отношеніе этихъ инструментовъ къ русскимъ первобытнымъ гусямъ.

Финскій народный гуслеобразный инструментъ носить названіе

Kantele.

Древнѣйшія свѣдѣнія о финской кантеле почерпаемъ изъ древне-финскаго народнаго эпоса, собраннаго и изданнаго подъ общимъ именемъ «Калевала». Старикъ Вейнемейненъ, божественный представитель пѣнія, самъ строитъ кантеле, сперва изъ костей пойманной имъ чудовищной щуки, позже — изъ березоваго дерева.

1) См. ниже, Гл. III, в.

2) М. О. Пѣтуховъ слышалъ о существованіи гуслей въ Новгородской губерніи отъ В. В. Андреева, извѣстнаго виртуоза на балалайкѣ. Ниже описанъ будетъ экземпляръ гуслей, недавно добытый изъ Лужскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи.

Началь старый Вейнемейненъ
 Самъ вязать тѣ рыбы кости,
 Самъ онъ мастеромъ явился,
 Инструментъ онъ самъ устроилъ,
 Вещь на вѣчную отраду.
 Выгибъ ¹ кантеле откуда?
 Выгибъ — челюсти той щуки.
 Штифтики ² его откуда?
 Изъ зубовъ огромной щуки.
 Струны кантеле откуда?
 Изъ волосъ коня Хинси ³.

Утративъ инструментъ, сдѣланный изъ рыбьихъ костей,
 Вейнемейненъ дѣлаетъ новый изъ берёзы, плачущей о своей
 горькой судьбѣ.

Молвить старый Вейнемейненъ:
 «Ты не плачь, моя берёза,
 Не горюй въ зеленыхъ листьяхъ,
 Съ бѣлымъ поясомъ не плачься!
 Жребій твой вполне счастливый,
 Жизнь твоя вполне отрадна,
 Ты отъ радости заплачешь,
 Зазвучишь отъ удовольствій».
 Сдѣлалъ старый Вейнемейненъ
 Изъ березы этой гусли...
 Выгибъ кантеле онъ рѣжетъ,
 На утѣху этотъ ящикъ ⁴,
 Выгибъ дѣлаетъ онъ прочный,
 Весь въ прожилкахъ этотъ ящикъ.
 Молвить старый Вейнемейненъ,
 Говорить слова такіа:
 «Конченъ кантеле здѣсь выгибъ,
 Всѣмъ на радость этотъ ящикъ.
 Гдѣ же винтиковъ достану,

1) Точнѣе было бы: «выдолбъ», такъ какъ рѣчь идетъ здѣсь о выдолбленномъ на нижней поверхности инструмента голосномъ ящикѣ. Ср. ниже: «выгибъ» отождествляется съ «ящикомъ».

2) Ср. въ русскихъ былинахъ — «шпенечки» гуслей.

3) Руна 40. См. Павтеонъ литературы. 1888 г. Октябрь, стр. 483.

4) Т.-е. выдалбливаетъ ящикъ.

Гдѣ возьму колковъ хорошихъ?»
 На дорогѣ дубъ поднялся,
 На дворѣ онъ росъ высоко.
 Вѣтви равныя все были,
 Съ желудями были вѣтви,
 И на желудѣ по шару,
 А на шарѣ по кукушкѣ.
 И кукушка куковала:
 Пять тоновъ тамъ раздавалось,
 И текло изъ клюва злато,
 Серебро текло обильно
 На златистые пригорки,
 На серебристыя высоты.
 Тамъ для кантеле гвоздочки,
 Тамъ онъ взялъ колки для гусель.
 Молвить старый Вейнемейненъ,
 Говорятъ слова такія:
 «Есть для кантеле гвоздочки,
 Есть колки для новыхъ гусель;
 Все же кантеле не полно,
 Струнъ пяти въ немъ не хватаетъ.
 Гдѣ возьму я эти струны,
 Гдѣ я звучныя достану?»

Вейнемейненъ идетъ искать струны. Въ лѣсу онъ находитъ дѣвицу, которая поетъ въ ожиданіи своего возлюбленнаго. Онъ просить у дѣвы волосъ:

«Дай волосъ своихъ, дѣвица,
 Дай мудрей твоихъ нѣжнѣйшихъ,
 Чтобъ они пошли на струны,
 Были вѣчною утѣхой».
 И дала волосъ дѣвица,
 Подала своихъ мягчайшихъ,
 Подала ихъ пять, шесть, даже
 Полныхъ семь волосъ достала.
 Струны кантеле явились,
 Вѣчно будящая радость.
 Было кантеле готово...
 Началъ старый Вейнемейненъ:
 Онъ на кантеле играетъ...
 И звучить березы древо,

И звенить березы зелень (т.-е. деревянный корпус инструмента, голосной ящикъ, сооруженный изъ березы «въ зеленыхъ листьяхъ», ср. выше),

Кличеть золото кукушки (т.-е. колки, гвоздочки),

Восклицаеть волосъ дѣвы (т.-е. струны) ¹.

Изъ данныхъ отрывковъ древней народной поэмы заключаемъ, что кантеле строилась изъ березоваго дерева (мнѣ о построеніи кантеле первоначально изъ рыбьихъ костей, быть можетъ, имѣеть также какую нибудь древнюю фактическую подкладку, но нынѣ встрѣчаемые еще экземпляры этого инструмента всегда деревянные), что колки или гвоздочки были металлическіе, а струны волосяныя. Число струнъ, а слѣдовательно и тоновъ кантеле, точно опредѣлено цифрой 5 («Пять тоновъ тамъ раздавалосьъ», «струнъ пяти въ немъ не хватаетъ»), но дальше встрѣчаемъ намѣкъ и на большее число ихъ: 6 и даже 7 (дѣвушка даетъ Вейнемейнену 5, 6, даже 7 волосъ на струны). Въ качествѣ первобытнаго пяти-струннаго инструмента, состоящаго изъ ящика, струнъ и колковъ, кантеле весьма сближается съ первобытными русскими гуслими, также состоявшими изъ «доски» (т.-е. плоскаго ящика), струнъ и шпенечковъ (т.-е. колочковъ); подобно русскимъ первобытнымъ гуслимъ, кантеле была инструментъ ручной, небольшого размѣра («въ руки кантеле беретъ онъ», см. ниже), не смычковый («по струнамъ... всѣ пять пальцевъ пробѣгаютъ», см. ниже). Мы увидимъ далѣе, что нынѣшнія кантеле снабжены струнами металлическими, какъ и русскія гусли, которыя въ старину вѣроятно, какъ и кантеле Вейнемейнена, имѣли волосяныя струны, такъ какъ это наиболѣе первобытная форма струнъ. Я уже упоминалъ выше о томъ, что у южныхъ Славянъ до сихъ поръ смычковыя гусли имѣютъ струны, сплетенныя изъ конскаго волоса. Аналогія между финской кантеле и русскими старинными гуслими проявляется и въ способѣ игры: какъ русскіе гуслиры, такъ и финскіе игроки на кантеле играютъ сидя, держатъ инструментъ свой на колѣнахъ и перебираютъ

1) Руна 44. Пант. лит. 1888 г. Ноябрь. 522—525.

струны пальцами. Вотъ какъ описывается игра Вейнемейнена на кантеле въ Калевалѣ:

Старый вѣрный Вейнемейненъ...
 Сѣлъ на камень пѣснопѣнья...
 Взялъ онъ кантеле подѣ пальцы,
 Ставить выгибъ (т.-е. ящикъ) на колѣни...
 Пальцы быстро поднялся
 Высоко большой подвясся.

Нѣсколько далѣе опять читаемъ:

Старый вѣрный Вейнемейненъ
 Тотчасъ къ кантеле подходитъ
 И играть на немъ садится ¹.

И еще далѣе:

Сѣлъ тутъ старый Вейнемейненъ
 На сѣдалище изъ камня,
 На скамейку возлѣ двери.
 Въ руки кантеле беретъ онъ,
 Взялъ къ себѣ свою усладу,
 Повернулъ онъ выгибъ къ небу,
 А головку на колѣни,
 И привелъ въ порядокъ струны,
 И настроилъ ихъ, какъ надо ².
 Вотъ настроилъ эти струны,
 Стало кантеле въ порядкѣ.
 Взялъ онъ гусли на колѣни,
 Тамъ ихъ наискось поставилъ;
 По струнамъ ногтей десятокъ,
 Всѣ пять пальцевъ пробѣгаютъ,
 По струнамъ звучатъ съ весельемъ,
 Перепрыгиваютъ быстро...
 Онъ на кантеле играетъ
 Нѣжно, мягко водить пальцемъ,
 Большой палецъ выгибаетъ...
 Вотъ персты играютъ старца,
 Струны кантеле играютъ ³.

1) Руны 41, 42. Пант. лит. 1888. Октябрь. 486—487, 495.

2) Ср. ниже описаніе сохранившихся еще въ народѣ кантеле, объясняющее только что упомянутый приемъ для настройки струнъ.

3) Руна 44. Пант. лит. 1888 г. Ноябрь. 524—525.

Все это совпадаетъ съ упоминаемымъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ Сказаніи о Задонщинѣ «вскладаніемъ Бояномъ перстовъ на живыя струны», съ упоминаемой въ русскихъ пѣсняхъ игрой молодца на гусяхъ «бѣлой рукой», а равно и съ «подѣргиваніемъ» гусельныхъ струнъ или «похаживаніемъ» по струнамъ (разумѣется перстами), о которомъ рѣчь идетъ въ русскихъ былинахъ (ср. выше, стр. 13—15).

Асерби, описавшій свое путешествіе къ Нордкапу, упоминаетъ о видѣнномъ имъ финскомъ народномъ струнномъ инструментѣ (кантеле), который онъ однако называетъ болѣе новымъ именемъ Нагри, и въ которомъ онъ (хотя и несправедливо) предполагаетъ первообразъ арфы. Самое это предположеніе говоритъ въ пользу того, что Асерби дѣйствительно имѣлъ въ виду кантеле или горизонтальную арфу. Струны инструмента числомъ пять, какъ на кантеле Вейнемейнена, металлическія и настроены въ послѣдовательныхъ интервалахъ квинты, съ малой терціей:

la si do re mi.

Народъ этотъ, замѣчаетъ авторъ о Финнахъ, не счелъ нужнымъ дать инструменту больше струнъ, чѣмъ у него пальцевъ на рукѣ. На данныхъ пяти нотахъ (т.-е. на протяженіи квинты) они играютъ, пляшутъ и поютъ свои пѣсни¹.

Въ Сѣверномъ музеѣ (Nordiska Museet) въ Стокгольмѣ хранится нѣсколько экземпляровъ финскихъ кантеле съ 5, 8, 12 струнами, изображеніе и подробное описаніе которыхъ сдѣлано Густавомъ Ретціусомъ въ его книгѣ (на шведскомъ языкѣ): «Финляндія въ Сѣверномъ музеѣ». «Древнѣйшая форма (кантеле),

Фиг. 4.
Пяти-струнная финская кантеле (1/3 натуральной величины) Сѣвернаго музея въ Стокгольмѣ.

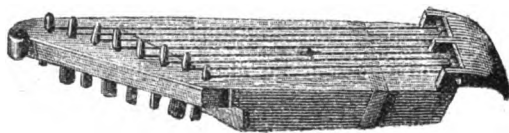
по словамъ Ретціуса, имѣетъ только пять струнъ и пять колочковъ, какъ на слѣдующемъ рисункѣ (фиг. 4):

1) Aserbi: Voyage au Cap-Nord par la Suede, la Finlande et la Laponie (trad. d'après l'original anglais par J. Lavallée). 1804. II, p. 53—54.—Нѣсколько мелодій такого рода, на тоникѣ sol, приведены въ моей книгѣ: Древн. индо-кит. гамма въ Азіи и Евр. 32.

она сдѣлана изъ куска березоваго дерева (длиною въ 60 сантиметровъ, шириною на узкомъ концѣ въ 7, а на самомъ широкомъ мѣстѣ въ 11 сант., а толщиною приблизительно въ 5 сант.), глубоко выдолбленнаго, въ видѣ длинной низкой коробки или ящика; углубленіе этого ящика открыто, т.-е. не покрыто никакою крышкою. Общій видъ инструмента изображенъ на приведенномъ рисункѣ». Сравнивая эту фигуру съ описаніемъ кантеле въ Калевалѣ, мы видимъ, что здѣсь «головкою» называется узкій конецъ, гдѣ наглухо прикрѣплены струны, а «выгибомъ» — ящикообразное углубленіе, выдолбленное въ нижней поверхности корпуса инструмента. Теперь понятно, что Вейнемейнепъ, настраивая свою кантеле (ср. выше, стр. 43), упиралъ головку инструмента въ колѣна, нижнюю, выдолбленную сторону корпуса инструмента обращалъ кнаружи, т.-е. вверхъ («къ небу»), и поворачивалъ колочки, натягивая или ослабляя тѣмъ соотвѣтствующія струны.

Другой экземпляръ кантеле Сѣвернаго музея, наиболѣе близко подходящій къ описанной древнѣйшей формѣ, также снабженъ пятью струнами, но выдолбъ его закрытъ тонкой деревянной дощечкой, такъ что корпусъ инструмента имѣетъ видъ доски, на нижней своей поверхности переходящей въ форму плоскаго закрытаго ящика. На верхней сторонѣ доски, надъ которой протянуты струны, вырѣзанъ голосникъ, въ видѣ крестообразной фигуры.

На третьемъ экземплярѣ кантеле Стокгольмскаго Сѣвернаго музея — 8 струнъ, вслѣдствіе чего инструментъ нѣсколько шире (фиг. 5).

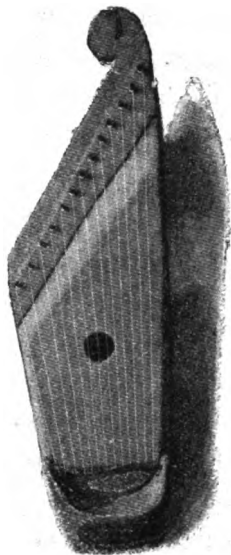

Фиг. 5.

Восьми-струнная финская кантеле ($\frac{1}{3}$ натур. величины) Сѣвернаго музея въ Стокгольмѣ.

Здѣсь колки имѣютъ иное положеніе, сравнительно съ предыдущими двумя экземплярами, а именно: головки ихъ находятся подъ доской, а тонкіе концы просовываются на верхнюю ея поверхность, въ предыдущихъ же экземплярахъ положеніе колковъ обратное. Далѣе встрѣчаются инструменты съ еще большимъ числомъ

струнъ, до 12 или даже до 16, вслѣдствіе чего они все болѣе расширяются и приближаются въ очертаніи своемъ къ формѣ арфы. Наконецъ, повѣйшія кантеле утрачиваютъ арфообразный свой видъ и получаютъ форму прямоугольнаго ящика¹.

Фиг. 6.

Тринадцати - струнная финская кантеле музея С.-Петербургской консерваторіи.

Въ Дерптскомъ отечественномъ музеѣ (Vaterländisches Museum) имѣются два экземпляра кантеле: пяти- и восьми-струнный (см. ниже, замѣчанія о нихъ проф. Веске).

Въ музеѣ С.-Петербургской консерваторіи также хранится недавно пожертвованная М. О. Пѣтуховымъ тринадцати-струнная финская кантеле, изображеніе которой, здѣсь приводимое (фиг. 6), послѣ всего только что изложеннаго, не требуетъ объясненія.

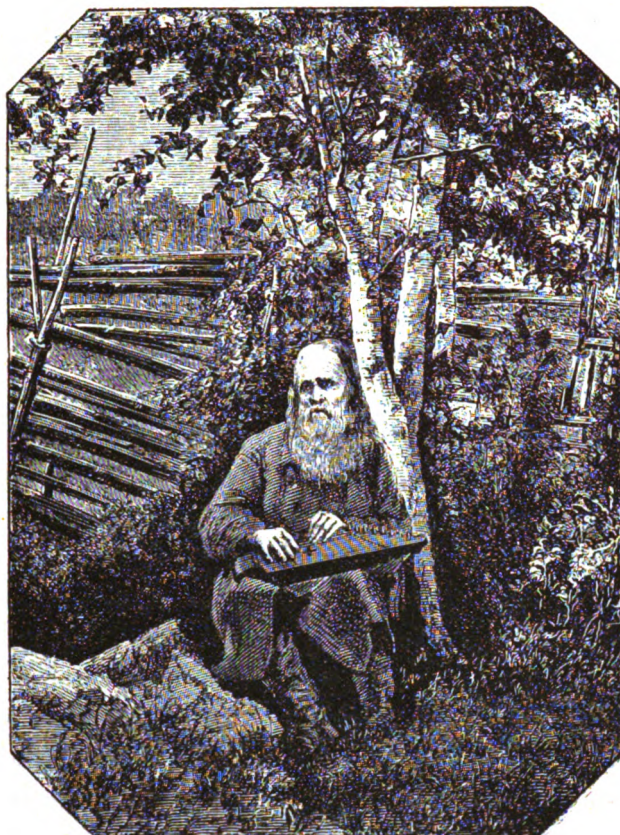
На Московской этнографической выставкѣ (1867 г.) былъ, между прочимъ, выставленъ карельскій (изъ Олонецкой губерніи) инструментъ кандала, т.-е. кантеле (у Вепсовъ kandel, ср. ниже), описываемый такъ: «кандала имѣетъ вышнее очертаніе небольшой арфы; но струны (изъ мѣдной проволоки) натянуты на резонансномъ ящикѣ съ кругообразнымъ прорѣзомъ. Всѣхъ струнъ 13». Строй инструмента остался неизвѣстенъ². Для большей наглядности, привожу еще изъ упомянутой выше книги Ретціуса (стр. 118) изображеніе старика, играющаго на кантеле; оно снято съ картинки, принадлежащей Сѣверному музею въ Стокгольмѣ (фиг. 7).

Прибавлю, что нынѣ въ «Тавастландѣ», т.-е. въ Тавастгусской губерніи, не встрѣчается и слѣдовъ кантеле. Сохранились рѣдкіе экземпляры ея только въ Карелии (нынѣшней Выборгской губерніи), преимущественно въ восточной ея части (ср. выше

1) Retzius: Finland i Nordiska Museet. 1881. 119—121.

2) Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи изд. Дашковымъ. 1868 г. I, стр. 163.

«кандала», карельскій инструментъ изъ Олонецкой губерні.), т.-е. на восточной окраинѣ Финляндіи. Всѣ описанные Ретціусомъ экземпляры получены Сѣвернымъ музеемъ изъ Карелии¹.

Фиг. 7.

Игрецъ на восьми-струнной финской кантеле.

Разсмотрѣнный финскій народный инструментъ извѣстенъ былъ издавна и среди Эстовъ; его описывали, въ качествѣ очевидцевъ, еще авторы конца прошедшаго и начала нынѣшняго

1) Retzius: Finl. i Nord. Mus. 116 sqq.

столѣтія. У Эстовъ онъ носить то же названіе, но въ сокращенной формѣ—

Kannel

(род. kandle, или въ поэтическомъ языкѣ—kandele). Шлегель въ 1788 году писалъ объ Эстахъ, что единственный извѣстный у нихъ инструментъ—волынка. «Впрочемъ—прибавляетъ онъ—есть у нихъ еще инструментъ, очень скудный по звуку: надъ кускомъ дерева протянуто нѣсколько проволочныхъ струнъ, на которыхъ играютъ помощью деревянной палочки»¹. Рѣчь очевидно идетъ объ эстонской каннели. Петри, издавшій въ 1802 году сочиненіе объ Эстляндіи и Эстахъ, видѣлъ еще въ рукахъ народа «жалкую» (elend), по его выраженію, «лежачую арфу», т.-е. очевидно ту же каннель, причѣмъ онъ утверждаетъ, будто бы Эсты заимствовали этотъ инструментъ (вмѣстѣ со скрипкою) у Нѣмцевъ. Авторъ упоминаетъ при этомъ случаѣ о знакомомъ ему Эстонцѣ, который самъ соорудилъ себѣ «лежачую арфу» и наигрывалъ на ней эстонскіе танцы и хоралы². Въ настоящее время, по устному сообщенію эстонскаго пастора въ Петербургѣ, доктора І. Гурта, данный инструментъ совсѣмъ исчезъ изъ употребленія въ Эстляндской губерніи, встрѣчается же онъ еще только у православныхъ Эстовъ, живущихъ въ сѣверо-западной части Псковской губерніи, въ углу, ограничиваемомъ съ сѣвера южнымъ берегомъ озера Пейпуса, а съ запада—восточной границей Лифляндской губерніи, и именуемыхъ сосѣднимъ русскимъ населеніемъ—«полувѣрцами». «У псковскихъ Эстовъ старинная эстонская арфа, считающаяся вымершею, употребляется еще въ большомъ числѣ экземпляровъ, замѣчаетъ проф. Веске (въ 1875 г.). Насчитываютъ ихъ въ окрестностяхъ до тридцати штукъ. Одинъ изъ экземпляровъ—продолжаетъ авторъ—я вывезъ изъ сосѣдней съ Raakwa деревни, отъ Kosta Mikk». Указавъ на существенную роль, которую играетъ каннель въ эстонскихъ пѣсняхъ,

1) Schlegel: Etwas über Form, Geist etc. der Esthnischen Nation, въ «Der deutsche Merkur» 1788. S. 431.

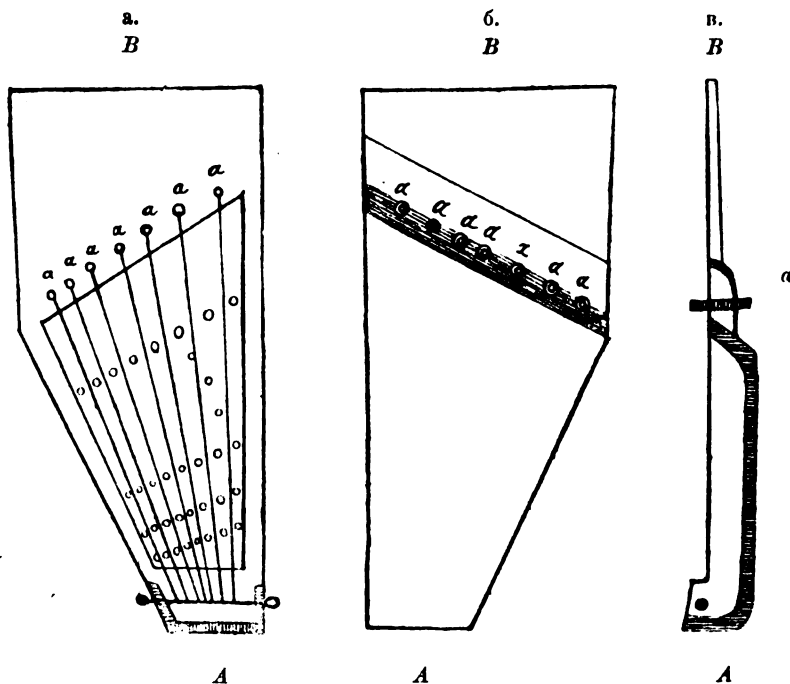
2) Petri: Esthland und die Esthen. 1802. II, S. 171, 173.

авторъ такъ описываетъ свой инструментъ: «арфа приготовлена изъ крѣпкаго стараго еловаго ствола, самымъ первобытнымъ образомъ. Длина ея—25 дюймовъ, ширина—въ болѣе узкомъ концѣ— $4\frac{1}{2}$ дюйма, въ срединѣ же инструмента—8 дюймовъ. Одна изъ длинныхъ сторонъ прямая, другая же, начиная отъ средины, заостряется къ болѣе узкому концу. Семь колковъ тянутся по инструменту по одной линіи наискось, такъ что длина наиболѣе длинной струны, у прямолинейной стороны, составляетъ 18 дюймовъ, а кратчайшей, у противоположной стороны—9 дюймовъ. Слѣдовательно длина струнъ, состоящихъ изъ мѣдной проволоки, возрастаетъ постепенно на 1 дюймъ. Толщина арфы въ томъ мѣстѣ, гдѣ натянуты струны, составляетъ приблизительно 2 дюйма, а у широкаго конца (внѣ колковъ)—около $\frac{1}{2}$ дюйма. Верхняя плоскость образуетъ прямую поверхность, а нижняя (у широкаго конца), начиная съ линіи колковъ, вырублена. Часть же, лежащая подъ струнами, толщиною въ 2 дюйма, выдолблена и покрыта тонкой голосной доской; послѣдняя во многихъ мѣстахъ, въ правильныхъ разстояніяхъ, снабжена мелкими дырочками. Арфа псковскихъ Эстовъ, прибавляетъ авторъ, во всѣхъ существенныхъ частяхъ построена, слѣдовательно, точно такъ, какъ находящаяся въ нашемъ (т.-е. дерптскомъ) отечественномъ музеѣ пятиструнная арфа изъ Финляндіи и восьмиструнная—изъ окрестностей Феллина, гдѣ она, по слухамъ, была въ употребленіи еще въ концѣ прошедшаго столѣтія; впрочемъ, она болѣе приближается къ финской арфѣ»¹.

Докторъ Гуртъ въ 1886 году видѣлъ въ Wilo küla (Псковскаго уѣзда) и срисовалъ экземпляръ эстонской каннели. Струны были металлическія, числомъ—7. Снятое г. Гуртомъ и любезно доставленное мнѣ изображеніе (фиг. 8) вполне поясняетъ только что приведенное описаніе такого же инструмента проф. Веске, съ тою только разницею, что здѣсь взаимное отношеніе длины струнъ нѣсколько иное, чѣмъ въ экземплярѣ проф. Веске. Къ

1) Weske: Bericht über die Ergebnisse einer Reise durch das Estland im Sommer 1875, въ Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. VIII Bd. 3. Heft. 1876. S. 44 sqq.

сожалѣнію, строй каннели ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не былъ опредѣленъ названными учеными. Какъ финская кантеле,

Фиг. 8.

Семи-струнная эстонская каннель: а—сверху, б—снизу, в—сбоку. Струны однимъ концомъ прикрѣплены наглухо къ поперечному пруту въ головкѣ (А) инструмента, другимъ — къ колкамъ (aaa...). Часть корпуса, лежащая подъ струнами, представляетъ голосной ящикъ. Верхняя доска по ту сторону ряда колокъ продолжается къ концу В, въ широкое крыло, внѣ голоснаго ящика, что ясно видно на изображеніи инструмента въ профилѣ (в).

такъ и эстонская каннель обыкновенно снабжены бываютъ дырочкой, черезъ которую пропускается веревка (или ушкомъ), съ цѣлью вѣшанія инструмента на гвоздь. Въ русскихъ былинахъ говорится о гусяхъ, висящихъ на гвоздикѣ (ср. выше, стр. 12).

Прибавлю еще нѣкоторыя свѣдѣнія объ эстонской каннели, сообщаемыя проф. Веске. «Владѣлецъ арфы (т.-е. каннели) рассказывалъ — пишетъ авторъ, что она — священный инструментъ. Если играть на ней въ присутствіи больныхъ, то они не умираютъ, за рѣдкими исключеніями; а игра въ присутствіи по-

койниковъ предохраняетъ прочихъ людей, на продолжительное время, отъ смерти¹... Арфа изготовлена самимъ Богомъ». Далѣе разсказывается, какъ Богъ вступалъ въ состязаніе со старцемъ злымъ духомъ (der alte Böse) относительно того, кто первый изобрѣтетъ музыкальный инструментъ. Богъ тотчасъ сорвалъ листь съ дерева, поднесъ его ко рту и сталъ весело наигрывать на немъ. Дьяволъ же сталъ строить волынку (Dudelsack) и употребилъ на это нѣсколько дней. Начали каждый играть на своемъ инструментѣ, и Богъ побѣдилъ дьявола, такъ какъ его флейта звучала лучше и раньше была готова. Еще разъ повторили они состязаніе въ томъ, кто скорѣе изобрѣтетъ инструментъ и чей будетъ лучше звучать. Богъ началъ строить арфу (т.-е. каннель), а дьяволъ рогъ. Богъ опять одержалъ надъ дьяволомъ побѣду: инструментъ его звучалъ гораздо лучше. Всѣ музыкальные инструменты (т.-е. всѣ извѣстные среди мѣстныхъ Эстовъ), въ томъ числѣ и гармоника, — созданы дьяволомъ, только древесный листь и арфа (каннель) получили звукъ свой отъ Бога². Въ этихъ словахъ проявляется уваженіе народа къ древнѣйшимъ музыкальнымъ орудіямъ, древесному листу и каннели, нынѣ уже почти совсѣмъ вытѣсненной новѣйшими инструментами³.

По словамъ одной изъ народныхъ пѣсень эстонскихъ, каннель,

1) Соответственно тому и русскіе гуслиры-скоморохи признавались народомъ кудесниками, знахарями. См. Скоморохи. 129 и сл.

2) Weske: Ber. üb. die Ergebn. ein. Reise durch d. Estland, 46.

3) Древесный листь въ старину служилъ и нынѣ еще служить, какъ первобытнѣйшее музыкальное орудіе, не только у Эстовъ, но и у Славянъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ народныя славянскія пѣсни, напр.:

Болгарск.: (Анна проходила черезъ грушевичную рощу)
Съсь крушѣвъ листецъ свирѣше = насвистывала на
листочкѣ грушевицы.

(Безсоновъ: Болгарскія пѣсни, во Временникѣ Имп. Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 22, стр. 82).

Галицко-Русск.: — Заграй же въ листочекъ.
— Урвала (вдова) листь, та й заграла.
— Войшовъ милый на гробочекъ—загравъ у листочекъ.

(Головацкій: Нар. пѣс. II, 331, 520, 765: ММ 22, 24.) На глубокую древность близко родственныхъ кантеле — каннели русскихъ гуслей было указано мною выше.

т.-е. корпусъ ея, дѣлается изъ разнаго дерева: изъ крушины, изъ клена, яблони, орѣшины или черѣмхи. По замѣчанію доктора Гурта, это не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ данныя названія дерева приведены ради свойственной эстонскому языку игры словъ. Во всякомъ случаѣ, однако, корпусъ каннели строится изъ дерева. Колки каннели, по словамъ той же пѣсни, дѣлаются изъ зубовъ щуки, а струны—изъ человѣческихъ волосъ. Нельзя не узнать здѣсь отголоска древнихъ мотивовъ, встрѣченныхъ нами въ вышеприведенныхъ отрывкахъ изъ Калевалы: Вейнемейненъ строить сначала свою кантеле изъ щучьихъ костей, колки (штифтики)—изъ щучьихъ зубовъ; а въ позднѣйшей, сооружаемой имъ изъ дерева (березы), кантеле струнами служатъ дѣвичьи волосы. Наконецъ крышка (вѣроятно крышка голоснаго ящика), по словамъ вышеупомянутой эстонской пѣсни, строится изъ львиной челюсти. Львиная челюсть здѣсь замѣнила щучью челюсть, изъ которой въ Калевалѣ Вейнемейненъ дѣлаетъ «выгибъ», т.-е. голосной ящикъ¹. Здѣсь очевидно произошла порча древняго преданія: левъ—звѣрь неизвѣстный Эстамъ—попалъ въ пѣсню, вмѣсто хорошо знакомой народу щуки, лишь вслѣдствіе неудачной поэтической вольности «цивилизованнаго» пѣвца, въ устахъ котораго древній мотивъ исказился.

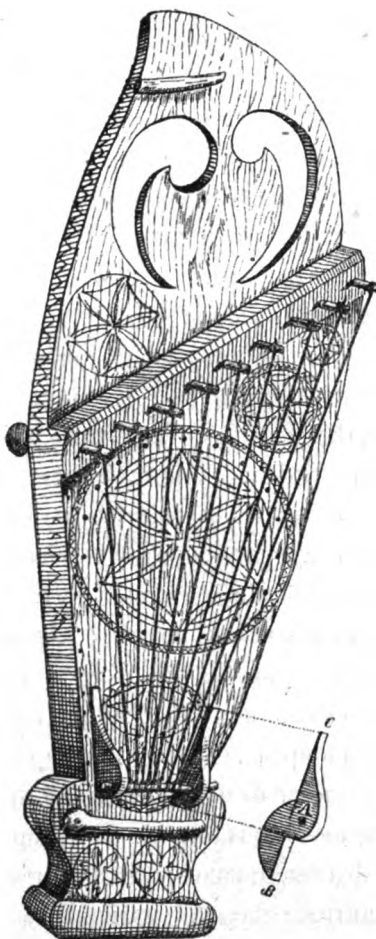
Совершенно того же типа музыкальный инструментъ, въ формѣ горизонтальной арфы, встрѣчаемъ у Литовцевъ, называющихъ его родственнымъ же именемъ

Kankles

или *kanklys* (также: *kankle*, *kanklai*, *kunkles*, и т. п.). Одинъ изъ весьма уже рѣдкихъ среди Прусскихъ Литовцевъ, почти исчезнувшихъ экземпляровъ этого инструмента изображенъ и описанъ въ издаваемомъ въ Кёнигсбергѣ журналѣ «*Neue Preussische Pro-*

1) См. у Hurt: *Vana Kannel (alte Harfe)*. 1886. II, 3, № 152.

vinzialblätter», 1847 (Bd. IV)¹: «Канклизъ (kanklys) или литовская арфа (см. фиг. 9), говорится тамъ, сдѣлана изъ массивнаго дерева и снабжена украшеніями, не лишенными вкуса. Наибольшая длина ея достигаетъ 2 футовъ 8½ дюймовъ, наибольшая ширина — 11¼ дюймовъ, а толщина — 1¾ дюйма. Корпусъ инструмента состоитъ изъ одного куска дерева и изготовленъ довольно красиво, если принять во вниманіе простоту орудій, которыми пользовался строитель инструмента, каковы: пила, драчъ, долото, рѣзакъ, обыкновенный ножъ, буравъ и циркуль. Составныя части инструмента скрѣплены гвоздями безъ клея и безъ всякаго примѣненія желѣза. (Нѣкоторыя желѣзныя части, нынѣ входящія въ составъ разсматриваемаго стариннаго инструмента, примѣнены уже позже, при его реставраціи.) Мѣстныя отступленія отъ симметрическихъ отношеній частей, при общемъ фантастическомъ видѣ инструмента, производятъ не непріятное впечатлѣніе. Въ инструментѣ можно отличить верхнюю часть, снабженную вырѣзами, и нижнюю, играющую какъ бы роль ножки². Къ

Фиг. 9.

Девяти-струнный прусско-литовскій канклезъ (приблизительно 1/6 натур. велич.) Археологическаго Общества Prussia въ Кѣнигсбергѣ.

1) Статья: Gotthold: Ueber die Kanklys und die Volksmelodien der Lithauer. S. 241 ff.

2) Въ другихъ случаяхъ эта послѣдняя часть, т.-е. «ножка», называется авторами «головкой» (см. выше, стр. 43 и 45, гдѣ рѣчь идетъ о «головкѣ» кантеле). Это зависитъ отъ субъективнаго взгляда описывателей.

ножкѣ прикрѣплялся снурокъ, надѣвавшійся на шею играющаго. Другой конецъ снурка вѣроятно прикрѣплялся повыше вырѣзовъ (на противоположномъ концѣ инструмента), посредствомъ вставной планочки. Правая рука играющаго находилась въ вырѣзахъ, игралъ же онъ на струнахъ, сопровождая пѣніе, одной лѣвой рукой. Такимъ образомъ играли на описываемомъ инструментѣ можетъ быть на ходу, или стоя. Гизевіусъ же, въ качествѣ очевидца, такъ описываетъ способъ игры на канклисѣ: играющій держитъ инструментъ стоймя («ножкой» внизъ) на колѣнахъ (слѣдовательно сидитъ при игрѣ), прислоняя спинку его къ лѣвому плечу. Большой палецъ правой руки, когда онъ не принимаетъ участія въ исполненіи аккордовъ, покоится внизу, у мѣста прикрѣпленія струнъ, и, вмѣстѣ съ другими пальцами, играетъ на болѣе высокихъ струнахъ (*giebt mit den übrigen Fingern die zum Spielen höhere Tonart an*¹). Указательный палецъ лѣвой руки, верхнею частью которой придерживается инструментъ, дѣйствуетъ при этомъ (обыкновенно на первой, самой низкой, струнѣ), давая тактъ и вмѣстѣ съ тѣмъ басъ. Число струнъ на данномъ инструментѣ—9, и всѣ онѣ кишечныя. Канклисъ, какъ рассказываютъ, употреблялась при всѣхъ торжествахъ, связанныхъ съ пѣніемъ, преимущественно же на свадьбахъ, жатвенныхъ празднествахъ и похоронахъ. Литовцы называютъ канклисъ «псаломной» или «Давидовой арфой», и увѣряютъ, будто бы именно таковою была арфа, на которой игралъ царь Давидъ². Въ виду сходства даннаго инструмента, въ главныхъ чертахъ, съ финской кантеле, нахожу излишнимъ входить въ болѣе подробное его описаніе, тѣмъ болѣе что приведенный рисунокъ наглядно показываетъ его устройство.

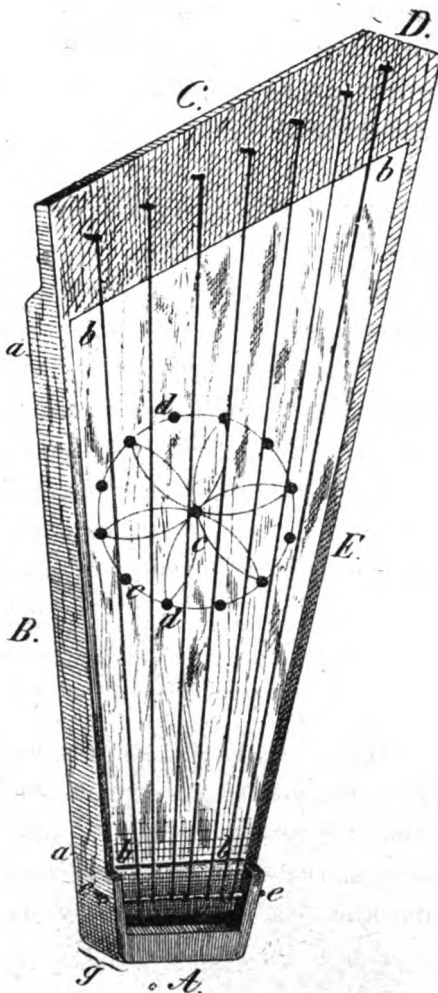
Лепнеръ въ 1690 г., въ числѣ музыкальныхъ инструментовъ Прусскихъ Литовцевъ, называетъ *Kanklos* о 9 или 12 мѣдныхъ струнахъ, причемъ сближаетъ его съ употреблявшимся у Нѣмцевъ струннымъ же инструментомъ—«*Schweinskopf*» (= свиная

1) Значеніе этихъ словъ очень темно.

2) Все вышесказанное о канклисѣ заимствовано изъ только что названной статьи Готгольда.

голова)¹, подѣ именемъ котораго слѣдуетъ очевидно понимать старинный инструментъ, который у Итальянцевъ назывался «свинымъ инструментомъ» (*Instrumento di rocco*, см. ниже).

Подобный же инструментъ и подѣ тѣмъ же названіемъ — канклесъ (или кунклесъ) въ старину былъ въ употребленіи и у Русскихъ Литовцевъ. Экземпляръ такого инструмента былъ представленъ на Московскую этнографическую выставку 1867 года. Въ описаніи народныхъ инструментовъ, красовавшихся на этой выставкѣ, названный литовскій инструментъ сближается съ карельской кантеле; здѣсь мы читаемъ между прочимъ: «и своею формою, и устройствомъ она (карельская кандала [ср. выше, стр. 46]) напоминаетъ намъ кункль (кунклесъ), присланный комитету графомъ Тышкевичемъ: этотъ весьма древній литовскій инстру-

Фиг. 10.

Семи-струнный русско-литовскій канклесъ (приблизительно $\frac{1}{4}$ натур. велич.) музея Литовскаго Литературнаго Общества въ Тильзитѣ. У головки (A) стѣнка *g* возвышается надъ голосной доской приблизительно на 1 сантиметръ; глубина голоснаго ящика (a) около $3\frac{1}{2}$ сант. Ящикъ закрывается тонкой голосной доской (bbbb) съ голосниками (dd), расположенными въ кругъ.

1) Lepner: Der Preusche Littauer oder Vorstellung der Namensherleitung, Kindertaufe, Hochzeit etc. der Littauer in Preussen kürzlich zusammengetragen (1690). 1744. S. 94.

ментъ — съ 8 желѣзными струнами»¹. Профессоръ Беценбергеръ нѣсколько лѣтъ назадъ подарилъ коллекціи Литовскаго Литературнаго Общества въ Тильзитѣ экземпляръ канклесъ, пріобрѣтенный имъ въ Русской Литвѣ, здѣсь изображаемый (фиг. 10)².

Ludwik z Rokiewia въ своемъ описаніи Литвы, поименовывая народные музыкальные инструменты Литовцевъ, дѣлитъ ихъ на заимствованные отъ другихъ народовъ и собственно народные, и причисляетъ гусли (gęsli), т.-е. канклесъ, къ первой категоріи, не указывая впрочемъ на то, въ какое время и откуда именно заимствованы канклесъ³. Слова этого автора повторены и въ статьѣ А. М(ихневича): Обряды и обыкновения въ Литвѣ⁴.

Въ пользу известной старины канклесъ свидѣтельствуемъ упоминаніе этого инструмента въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ литовскихъ, напр.:

- Ждешь-ли ты гуслей (канклиу) звучащихъ?⁵
- Звучатъ канклесъ (skamba kankleles)..
- Аистъ играетъ на канклесъ (gaudrelis kankliawo)⁶...

Однако нельзя не замѣтить, что среди Литовцевъ воспоминація о названномъ инструментѣ теперь, по крайней мѣрѣ, довольно слабы. Сохранилось, сколько мнѣ известно, одно только старинное письменное извѣстіе о литовскихъ канклесъ, относящееся ко второй половинѣ XVI вѣка (см. ниже, стр. 62).

1) Сбор. антроп. и этногр. стат. I, 163.

2) См. Bartsch: Dainu Balsai. Melodien litauischer Volkslieder. 1889. Т. II. S. xiv, Fig. IVa.

3) Ludwik z Rokiewia: Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów. 1846. Str. 199.

4) Ковенскія Губернскія Вѣдомости. 1859 г., № 10.

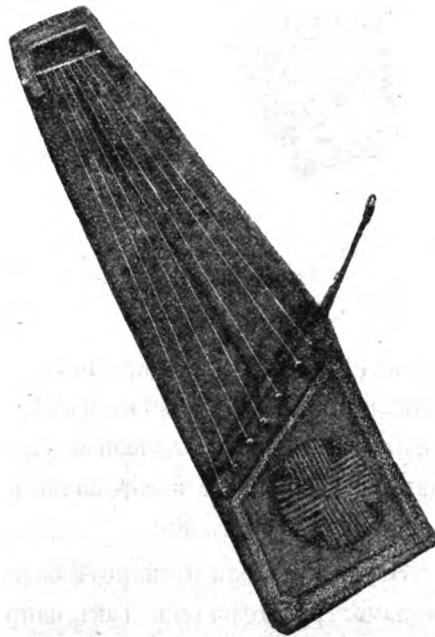
5) Юшкевичъ: Литовскія народныя пѣсни съ переводомъ на русскій языкъ, въ Прилож. къ XII т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ. № 1. 1867 г. Стр. 24.

6) Nesselman: Littauische Volkslieder. 1853. S. 15, 274.

Болѣе глубокіе слѣды описываемый инструментъ оставилъ въ народной жизни Латышей, называющихъ его

Kukles

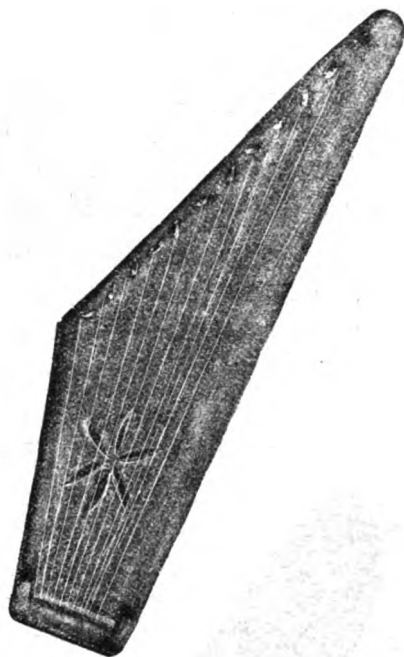
(выговаривается: к'уаклесь). «Куаклесь (по литовски канклас), замѣчаетъ Бривземніаксъ, есть весьма древній латышско-литовскій инструментъ, похожій на гусли. На немъ 5 — 10 металлическихъ струнъ, натянутыхъ на пустомъ ящикѣ съ прорѣзомъ. Потрогиваніемъ струнъ пальцами извлекаются звуки. Народныя пѣсни заставляютъ предполагать, что въ старину куаклэ пользовалась у Латышей большимъ уваженіемъ и распространеннымъ употребленіемъ, нынѣ же народный инструментъ этотъ весьма рѣдко встрѣчается въ латышскомъ краѣ»¹. Въ музей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества хранятся четыре экземпляра латышскихъ (частью можетъ быть и литовскихъ) гуслей, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, только одинъ, по словамъ секретаря Общества, оказывается внесеннымъ въ книги Общества съ точнымъ обозначеніемъ мѣста, откуда онъ привезенъ. Инструментъ этотъ отмѣченъ такъ: «Кукле» латышскій музыкальный инструментъ изъ Прельской волости Динабургскаго уѣзда, 25 сент. 1884 г. Изъ упомянутыхъ четырехъ

Фиг. 11.

Семи-струнный русско-литовскія (или латышскія) канклесъ (куаклесь) музея Имп. Русск. Геогр. Общ. (приблизительно 1/4 натур. велич.).

¹) Бривземніаксъ: Народныя пѣсни Латышей въ Сборн. антроп. и этногр. стат. II, 220.

Фиг. 12.

Двѣнадцати - струнный русско - литовскія (или латышскія) канклесъ (куаклесъ) музея Имп. Русск. Геогр. Общ. (приблизительно $\frac{1}{8}$ натур. велич.).

Другихъ она широкимъ крыломъ выступаетъ далеко за предѣлы упомянутой линіи. Привожу изображенія двухъ экземпляровъ, по одному изъ каждой означенной пары ихъ. Устройство инструментовъ очень просто, и изображенія ихъ (фиг. 11 и 12) не требуютъ дальнѣйшаго объясненія.

Звуки куаклесъ въ народѣ большею частью признаются жалобными, трогательными. Такъ напр. загадки (на слово kŭkles) постоянно говорятъ о плачевномъ, жалобномъ тонѣ этого инструмента:

- Въ лѣсу родился, въ лѣсу выросъ, на рукахъ носятъ — а все плачетъ (или: а возьмешь на колѣна, горько плачетъ).
- Въ лѣсу срубленъ, въ Ригѣ купленъ, на рукахъ жалобно баюкаемъ.

инструментовъ на одномъ 6, на двухъ—по 7, а на четвертомъ—11 струнъ (должно собственно считать этотъ инструментъ двѣнадцати-струннымъ, такъ какъ отверстіе въ доскѣ, рядомъ съ одиннадцатымъ колкомъ, указываетъ на недостающіе двѣнадцатый колокъ и двѣнадцатую струну). Струны металлическія (на однихъ инструментахъ мѣдныя, на другихъ — стальныя). Два изъ нихъ приближаются къ формѣ финской кантеле; а два другіе — къ формѣ эстонской каннели; а именно, у первыхъ двухъ доска внѣ линіи колковъ представляетъ лишь узкую полоску, между тѣмъ какъ у двухъ

- Въ лѣсу родился, въ лѣсу выросъ — на отцовскихъ рукахъ горько
плачетъ.
— Въ замкѣ купленъ, домой принесенъ, положи на колѣна — горько
заплачетъ.
— Когда возьмешь въ руки — плачетъ; когда положишь прочь — мол-
чить¹.

Въ пѣсняхъ также упоминается о жалобномъ звукѣ куаклесь, напр.:

Жалобно куаклесь звучали,
Еще жалобѣе свпрѣли²...

По словамъ другой пѣсни, утопаетъ въ морѣ дѣвушка, тѣло ея выбрасывается на берегъ, на этомъ мѣстѣ вырастаетъ дерево о девяти сукахъ. Изъ девятого сука мѣлодцы (или братья утопнувшей) дѣлаютъ гусли (куаклесь); играя на гусяхъ, мѣлодцы (или братья) говорятъ:

Жалобно звучать эти гусли,
Точно суженая одинокая³.

Или:

Трогательные звуки издають эти гусли...
Такъ плачетъ наша младшая сестрица,
Странствуя по чужой сторонѣ⁴.

Латышскія гусли нерѣдко называются народомъ золотыми, вѣроятно вслѣдствіе металлическихъ (мѣдныхъ, какъ бы золотыхъ) ихъ струнъ (мы видѣли что и на русскихъ гусяхъ струны обыкновенно называются «золотыми» или «золочеными»), напр.:

— Воронъ сидитъ на горѣ,
Играя на золотыхъ куаклесь.

1) Бривземніаксъ: Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, въ Извѣстіяхъ Импер. Общ. любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Моск. Университетѣ. Т. XL. Труды этнограф. Отдѣла. Кн. VI. 1881 г. Стр. 68.

2) Изъ латышской пѣсни, записанной и обязательно сообщенной мнѣ А. Э. Вольтеромъ.

3) Бривземніаксъ: Нар. пѣс. Лат. 181 (№ 938).

4) Спронгсъ: Памятники латышскаго народнаго творчества. 1868. Стр. 28.

- Сидитъ воронъ на дубѣ,
Золотыя куаклесь у него въ когтяхъ ¹.
— Воронъ сидитъ на дубу,
Играя на золотыхъ гусяхъ (коклес) ².
— Я подымусь на небо по вѣткамъ вербы, играя на золо-
тыхъ гусяхъ (kūkles) ³.

Куаклесь у Латышей служили не только для издаванія жалобныхъ звуковъ, но и сопровождали пляску. На это намекаетъ, между прочимъ, слѣдующая фраза изъ только что упомянутаго заговора отъ флюса:

Играй ангелъ на гусяхъ (kūkles), чтобы Марія (Матерь Божья)
пошла плясать.

Нѣкоторая связь игры на куаклесь съ танцами проглядываетъ и въ словахъ слѣдующей пѣсни:

Гуселышки (kukleitīs) звучать
На берегу рѣчки;
Мои братья сами
Игрели (гусяры, kuklatoji),
Я сама сестрицу
Танцовать вела ⁴.

Въ то же время куаклесь (какъ и русскія гусли) служили вѣроятно орудіемъ для вѣщихъ пѣвцовъ, кудесниковъ и чародѣевъ; на это намекаетъ напр. то обстоятельство, что разсматриваемый инструментъ встрѣчается въ когтяхъ ворона, вѣщей птицы, который отвѣчаетъ на предлагаемые ему людьми вопросы (см. только что приведенныя пѣсни о воронѣ, играющемъ

1) Бривземніаксъ: Нар. пѣс. Лат. 66 (№ 285), 67 (№ 287).—И въ русскихъ пѣсняхъ гусли иногда называются золотыми, напр.:

Поизволила душа Дуняша...
Въ золоты гуселышки играти.

(Терещенко: Быть русск. нар. II, 330.)

Що же такъ красно защебетали (колядовщики)...
Якъ златіи гусли, якъ сръбни струны.

(Головацкій: Нар. пѣс. III, II, 556.)

2) Спрогисъ: Пам. лат. нар. творч. 106.

3) Бривземніаксъ: Матер. по этногр. лат. плем. 219 (Изъ заговора отъ флюса).

4) Сообщено мнѣ Э. А. Вольтеромъ.

на золотыхъ куаклѣсь); находимъ его и въ рукахъ Чортовой матери, напр.:

Я видѣлъ Чортову мать,
Сидя на яблонѣ, она играла на куаклѣсь¹.

Далѣе, изъ народныхъ выраженій о куаклѣсь, видимъ, что инструментъ этотъ строился изъ дерева (ср. выше загадки: «въ лѣсу срубленъ», «въ лѣсу родился», и пѣсни, гдѣ говорится объ изготовленіи инструмента изъ древеснаго сука). На струнахъ куаклѣсь играютъ пальцами (въ упомянутой только что пѣснѣ: «у нея [Чортовой матери] пять пальцевъ, пять ногтей», т.-е. она играетъ пятью пальцами или ногтями). На куаклѣсь играютъ или сидя, держа инструментъ на колѣнахъ (см. выше въ пѣсняхъ: воронъ [играющій] «сидитъ на дубѣ», Чортова мать играетъ «сидя на яблонѣ», и въ загадкахъ: «положи [куаклѣсь] на колѣна — горько заплачетъ») или на ходу, причемъ вѣроятно, какъ у прусско-литовскихъ канклѣсь, къ инструменту прикрѣплялся снурокъ, надѣвавшійся на шею играющаго (ср. выше въ загадкахъ: «на рукахъ носятъ — а все плачетъ», или въ заговорѣ: я «подымусь [т.-е. буду восходить] на небо по вѣткамъ вербы, играя на гусляхъ»). Въ одной изъ латышскихъ пѣсень прямо говорится, что молодцы играютъ на ходу, въ полѣ:

Оттуда идутъ молодцы, играя на гусляхъ (куаклѣсь),
Черезъ пасѣку, заросшую клеверомъ².

Фактъ близкаго сходства, даже почти тождества первобытныхъ струнныхъ инструментовъ нѣсколькихъ народовъ, заселяющихъ сѣверо-восточную часть Европы, а именно гуслей Русскихъ, кантеле Финновъ, каннели Эстовъ, канклѣсь Литовцевъ и куаклѣсь Латышей, невольно наводитъ на предположеніе, что инструментъ даннаго типа первоначально вошелъ въ употребленіе въ средѣ одного котораго нибудь изъ названныхъ народовъ, а затѣмъ уже отъ него заимствованъ прочими, сосѣдними съ

1) Бривземніаксъ: Нар. пѣс. Лат. 46 (№ 157).

2) Спрогисъ: Пам. лат. нар. творч. 196 (№ 6).

нимъ народами. Это предположеніе находитъ себѣ до нѣкоторой степени подтвержденіе и въ извѣстномъ взаимномъ родствѣ приведенныхъ названій инструмента: куаклесъ производится отъ канклесъ, послѣднее близко роднится съ кантеле (или сокращеннымъ каннель), а кантеле въ свою очередь, какъ увидимъ ниже, близко родственно древне-славянскому гжель, гжсли.

Литовское *kankles* (*kanklys* или *kunkles*), по Курмашу, значитъ литовская арфа; *kanklauti* = играть на арфѣ; *kanklinikas* = тотъ, кто занимается арфой, т.-е. строитъ ее или играетъ на ней. Достоинно вниманія, что *kankles* (а тѣмъ болѣе и производное отъ него *kūkles* Латышей) изъ литовскаго языка необъяснимо. Существуетъ только созвучіе случайное въ звуко-подражательномъ *kankalas* = колокольчикъ, водяной пузырь, лопающийся съ трескомъ. Въ старинныхъ книгахъ литовскихъ XVI столѣтія (раньше этого времени не существуетъ литовскихъ письменныхъ памятниковъ) слово *kankles* пока не отыскано¹, за исключеніемъ, впрочемъ, одного мѣста: писатель второй половины XVI вѣка, переводчикъ евангелія и псалмовъ на литовскій языкъ, *Bretken*, на послѣднемъ листѣ своего перевода псалмовъ помѣстилъ названія современныхъ ему литовскихъ музыкальных инструментовъ: «*Nomina instrumentorum musicorum quorum usus in Lituania*». Въ числѣ поименованныхъ инструментовъ встрѣчается «*kankles — kewersche (= kurische) Harfe*»². Замѣчательно, что и въ числѣ старинныхъ прусско-литовскихъ словъ, собранныхъ Пирсономъ, не встрѣчаемъ ни одного, которое бы сближалось съ *kankles*³. Послѣднія обстоятельства говорятъ не въ пользу особенно большой древности даннаго инструмента, или по крайней мѣрѣ даннаго названія инструмента, у Литовцевъ. Впрочемъ, по высказанному мнѣ замѣчанію пастора латышской

1) Все это сообщено мнѣ Э. А. Вольтеромъ.

2) *Bezenberger: Beiträge zur Geschichte der Litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI und des XVII Jahrhunderts.* 1877. S. 356.

3) См. *Pierçon: Altpreussischer Wörterschatz.* 1875.—Ничего подобнаго не находимъ и въ нѣмецко-прусскомъ словарѣ начала XV вѣка, изданномъ Нессельманомъ (*Nesselmann: Ein deutsch-preussisches Vocabularium aus dem Anfange des XV Jahrh. въ Altpreussische Monatsschrift.* Bd. V. 1868).

церкви въ С.-Петербургѣ, г. Сандерса, нѣкоторая древность литовскаго слова *kankles* доказывается тѣмъ, что въ латышскомъ языкѣ оно перешло въ *kūkles*, а подобный переходъ ап въ ū свойственъ лишь стариннымъ литовскимъ, а не иноземнымъ словамъ, обыкновенно удерживающимъ ап. Во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго только что свидѣтельства Бреткена, жившаго во второй половинѣ XVI столѣтія, видно, что въ его время данный инструментъ уже былъ въ употребленіи въ Литвѣ.

Не менѣе достойно вниманія, что и финское *kantele* (или *kanpele*) не объясняется естественно изъ финскаго языка. Докторъ Гуртъ, знатокъ финскаго языка, находитъ, что слово *kantele* можетъ быть сближаемо съ *kanta* (финск.), *kanda* (эст.) = нести (*tragen*), кромѣ того — съ *kansi* (финск., отъ корня *kante*), *kaaz'* (эст.) = крышка (*Deckel*)¹. Но какая же тѣсная, естественная связь можетъ быть признаваема между словами: «носить» и «крышка», съ одной стороны, и гуслеобразнымъ инструментомъ — съ другой? Еще менѣе правдоподобнымъ оказывается высказанное будто бы нѣкогда академикомъ Шифнеромъ мнѣніе, что *kant-ele* могло бы быть выводимо изъ *Gans* (уменьш.: *Gänslein*), вслѣдствіе будто бы гусеобразной(?) формы этого инструмента, финское названіе котораго могло бы, слѣдовательно, быть относимо къ скандинаво-исландскому источнику. Замѣчу, что мысль эта въ основаніи не новая. Еще въ 1788 г. анонимный нѣмецкій авторъ статьи о музыкальныхъ инструментахъ Славянъ, имѣя въ виду подъ именемъ гуслей (*Hausle, Husly*) смычковый инструментъ западно-славянскій, писалъ слѣдующее курьозное разсужденіе: «Коренное слово, изъ котораго произошло названіе *Hausle* или *Husly*, — *Hus*, гусь, такъ какъ это музыкальное орудіе, въ своемъ грубомъ первоначальномъ видѣ, подражало гоготанію гусей... Оно состояло изъ грудной кости жаренаго гуся, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Богеміи называется *Hurf-auf*. Надъ этой грудной костью они натягивали нѣсколько струнъ и пилакали на нихъ смычкомъ, что конечно производило не очень

1) Сообщено мнѣ д-ромъ Гуртъ.

приятный тонъ. У Лужицкихъ Вендовъ этотъ инструментъ встрѣчается преимущественно еще въ такой первобытной формѣ. Они привязываютъ гусиную кость къ куску дерева и натягиваютъ надъ нею три струны (d, a, e), которыя настраиваются воткнутыми снизу колками»¹. Все это разсужденіе о происхожденіи слова «гусли» отъ «гусь» распадается, если принять во вниманіе, что данное общеславянское названіе музыкальнаго инструмента встрѣчается въ памятникахъ уже XI (предположительно и X) вѣка², а слѣдовательно несомнѣнно существовало въ языкѣ еще раньше, т.-е. въ такое время, когда смычковыхъ инструментовъ, а слѣдовательно и гудка, сооруженнаго изъ гусяной кости, Славяне еще не знали. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о происхожденіи слова «kantele» изъ «Gans», такъ какъ этотъ инструментъ не только не строится изъ гусяныхъ костей (какъ вышеупомянутыя западнославянскія гусли, введшія въ заблужденіе описывавшаго ихъ автора), но и ровно ничего гусеобразнаго собою не представляетъ.

Въ противоположность литовскимъ канклесъ и финской кантеле, обще-славянское названіе музыкальнаго инструмента — гжсли (русск. гусли) — вполне естественно объясняется изъ славянскаго языка, а именно изъ глагола гжсти (гудѣть), употребляющагося, какъ замѣчено уже раньше (стр. 3—5), преимущественно по отношенію къ звукамъ струнъ. Отсюда гудящій предметъ, т.-е. струна, получилъ названіе гжсль, а струнный инструментъ, какъ совокупность струнъ — гжсли (ср. выше, стр. 2). Это обстоятельство получаетъ въ данномъ случаѣ первоепенное значеніе и свидѣтельствуетъ въ пользу первенства, передъ прочими, славянскаго наименованія инструмента разсматриваемаго типа — «гжсли».

Я уже выше обратилъ вниманіе на сходство, почти тождество формы кантеле (каннель), канклесъ (куаклесъ) и гуслей, а равно и на близкое родство всѣхъ этихъ названій. Это невольно застав-

1) Etwas über die Instrumente der Slavischen Völker, besonders der Böhmen, въ Materialien zur alten und neuen Statistik von Böhmen. Heft VII, 1788. S. 98.

2) Гжсль, cithara, встрѣчается уже въ изданномъ Копитаромъ, относимомъ къ X (или XI) вѣку памятникѣ: «Glagolita Clozianus». См. у Куhač: Op. i pov. I, 59.

лжаетъ насъ отыскивать для всѣхъ приведенныхъ формъ и названій одинъ общій источникъ, а таковымъ, послѣ всего вышешлаго, являются старославянскія гжсли, имя которыхъ естественно производится изъ славянскаго же глагола гжсти. Славянскія гжсли, при первомъ же соприкосновеніи славянскаго племени съ финскимъ, относительно менѣе культурнымъ, легко могли быть заимствованы Финнами, именно Финнами западными, въ старину спускавшимися гораздо далѣе на югъ, чѣмъ въ настоящее время (у восточныхъ финскихъ племенъ мы инструментовъ, сходныхъ съ первобытными гуслими, кантеле, канклесъ, не встрѣчаемъ). Должно же было это произойти въ тѣ отдаленныя времена, когда Финны и Эсты еще составляли одну неразъединенную народную массу, т.-е. приблизительно около 1000 лѣтъ назадъ, если не ранѣе, такъ какъ данный инструментъ долженъ былъ привиться, войти въ обиходъ финскаго народа и укорениться въ немъ ранѣе его разъединенія на собственно-Финновъ и Эстовъ. Мы видѣли выше, что въ славянскихъ памятникахъ XI (и даже X) вѣка уже упоминаются гжсли, какъ обычное названіе музыкальнаго орудія, слѣдовательно самый инструментъ или по крайней мѣрѣ данное названіе струннаго инструмента у Славянъ еще гораздо древнѣе. Вспомнимъ свидѣтельства древнихъ писателей о славянскихъ гуслихъ, снабженныхъ нѣсколькими струнами (Феофилакта Симокатскаго [VII в.], Ибнъ-Даста [X в.], ал-Бекри [XI в.], авторовъ Слова о полку Игоревѣ [XII в.], Слова о Задонщинѣ [XIV в.], ср. стр. 14, 20—21), также свидѣтельства русскихъ былинь и пѣсень, подтверждающихъ, что старинныя русскія гусли были инструментъ совершенно одного типа съ финской кантеле. Предположеніе о заимствованіи рассматриваемаго инструмента Финнами у Славянъ подтверждается и финскимъ названіемъ его, необъясняемымъ удовлетворительно изъ финскаго языка, но естественно могущимъ быть произведеннымъ изъ славянскаго «гжсли»: начальное *g* непременно должно было у Финновъ превратиться въ *k*, такъ какъ финскій языкъ начальнаго *g* не знаетъ; *ж* (выговар.: ай, съ носовымъ н) должно было перейти въ *an*; наконецъ, славянское *s* легко могло у Финновъ

превратятся въ *t* (ср. выше: *kantē* отъ *kante*); такимъ образомъ изъ славянскаго

ГЖСЛЬ ИЛИ ГЖСЛИ

легко и естественно могло произойти финское

kantele,

а отсюда уже сокращенная форма *kannel*, употребительная рядомъ съ *kantele* у Финновъ и исключительно употребительная у Эстовъ.

Естественно было бы искать такого же происхожденія изъ гжслей и литовско-латышскихъ канклесъ — куаклесъ, принадлежащихъ къ совершенно тому же типу инструментовъ. Но здѣсь затрудненіемъ служить начальное *k* въ литовскомъ (и латышскомъ) названіи: если бы послѣднее произошло изъ славянскаго гжсли, то *z* не могло бы, по законамъ языка, превратиться въ *k*. О непосредственномъ заимствованіи Литовцами имени разсматриваемаго инструмента отъ Славянъ, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи; но не невозможнымъ оказывается посредственное заимствование, а посредствующимъ звеномъ могло бы служить финское названіе *kantele*, изъ котораго легко могло бы произойти литовское:

kankles,

а отсюда и латышское *kūkles*. Въ пользу такого перехода славянскаго гжсли черезъ посредство финскаго народа къ Литовцамъ говорить: 1) невозможность производства слова *kankles* изъ литовскаго языка, а слѣдовательно необходимость признанія этого слова иноземнымъ; 2) относительная новизна этого слова, почти не встрѣчаемаго въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ литовскихъ, восходящихъ лишь къ XVI вѣку, и совершенное отсутствіе въ прусско-литовскомъ языкѣ старинныхъ словъ, которыя бы сближались съ названіемъ *kankles*. Доннеръ, основываясь на большой распространенности между Финнами слова *kantele* (фин. *kantele*, вепс. *kandel*, эст. *kannel*, лив. *kandla*, лапл. *kad-delas*), также высказывается въ пользу финскаго происхожденія литовскаго *kankles*, заимствованнаго, по его мнѣнію, Литовцами у

Финновъ, «какъ и многія другія слова»¹. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на преимущественное употребленіе этого слова у Литовцевъ, какъ и у Славянъ («гусли»), во множественномъ числѣ (sing. kankle, plur. kankles). Не имѣя въ основаніи славянскаго древняго слова гжсли, мы конечно охотнѣе сдѣлали бы предположеніе о заимствованіи не Литовцами у Финновъ, а наоборотъ—последними у первыхъ даннаго инструмента и его названія, такъ какъ извѣстно большое вліяніе, вообще оказанное литовскимъ языкомъ на финскій; но принимая во вниманіе, что у Финновъ kantele — обычное музыкальное орудіе Вейнемейнена, въ древнѣйшихъ эпическихъ ихъ пѣсняхъ («рунахъ»); что, какъ мы только что видѣли, древнее финское названіе чрезвычайно распространено между разными западно-финскими народами; что и славянское слово гжсли, естественно переходящее въ kantele, было въ употребленіи уже въ древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ, и что съ этою древностью не могутъ спорить литовскія, сравнительно молодыя, kankles, склоняемся въ пользу предположенія о заимствованіи этого инструмента Литовцами у Финновъ, въ свою очередь перенявшихъ его отъ сѣверныхъ Славянъ.

Изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ, однако, чтобы сѣверные Славяне были сами изобрѣтателями гуслей. Мы видѣли выше, что къ числу наиболѣе употребительныхъ эпитетовъ гуслей въ пѣсняхъ русскаго народа принадлежитъ слово: «яворовыя», т.-е. сдѣланныя изъ явора (platanus). Яворъ — дерево, растущее въ южныхъ широтахъ; слѣдовательно, хотя первобытнѣйшая форма гуслей сохранилась наиболѣе долго у Великоруссовъ, т.-е. Славянъ сѣверо-восточныхъ, но принесены были они ими на сѣверо-востокъ (гдѣ и заимствованы были Финнами) съ юга; на югѣ же гусли вѣроятно Славянами заимствованы изъ Византіи. Миниатюра упомянутого выше славянскаго псалтиря XIII—XIV вѣка, исполненная по греческому образцу, представляетъ два инструмента (см. выше фиг. 1 и 2), весьма сходные съ первобытными

1) Donner: Ueber den Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen, въ Techmer's Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. Bd. I, 1884. S. 269.

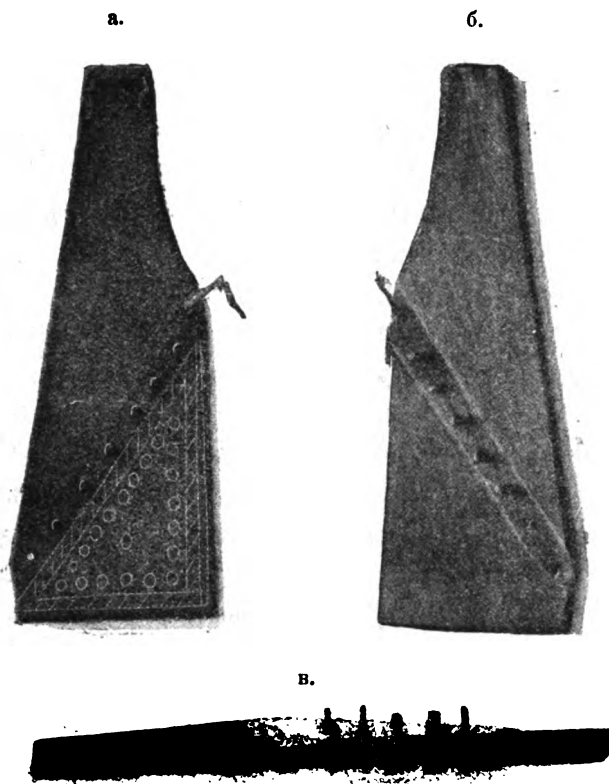
русскими гуслими и очевидно издавна употреблявшіеся въ Византіи, вмѣстѣ съ прочими тутъ же изображенными старинными струнными, духовыми и ударными музыкальными орудіями. Византія же пользовалась инструментами восточными, азіатскими. Изъ того же источника, т.-е. изъ сокровищницы далекаго востока, чрезъ посредство Мавровъ (а позже вслѣдствіе установившихся во времена крестовыхъ походовъ непосредственныхъ сношеній между западной Европой и Азіей), черпали разные предметы культуры, въ томъ числѣ и музыкальные инструменты, и западно-европейскіе народы; у послѣднихъ, какъ увидимъ ниже, уже на памятникахъ XI вѣка встрѣчаются изображенія струнныхъ инструментовъ, по типу своему сближающихся съ византійско-русскими гуслими или «лежащей арфой», вѣроятно заимствованныхъ западной Европой съ востока.

в) Экземпляръ первобытныхъ русскихъ гуслей музея С.-Петербургской консерваторіи.

Вскорѣ послѣ того, какъ все вышеизложенное было мною написано и отчасти сообщено аудиторіи на лекціяхъ моихъ, читанныхъ въ С.-Петербургской консерваторіи въ началѣ 1889 года, въ музей консерваторіи поступило драгоцѣнное пожертвованіе Петра Григорьевича Васильева, — экземпляръ дѣйствительныхъ русскихъ первобытныхъ гуслей, прибрѣтенный жертвователемъ у крестьянина С.-Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда, 2-го стана Яблонецкой волости, деревни Дѣвой Горки, Трофима Ананьева, по прозвищу «Скачѣкъ» (прозвище это онъ получилъ за свою необыкновенную способность много и быстро ходить). Всѣ приводимыя здѣсь свѣдѣнія о Трофимѣ и его гусяхъ, о строѣ послѣднихъ, о способѣ игры на нихъ, и т. д., обязательно доставлены мнѣ г. Васильевымъ, въ отвѣтъ на поставленные ему мною вопросы, которые я просилъ предложить старому гусяру.

Трофиму Ананьеву, по его словамъ, въ прошедшемъ году минуло уже 95 лѣтъ; онъ научился играть на гусяхъ у своего покойнаго дяди, Герасима Михѣева, и полагаетъ, что прибрѣтеннымъ у него г. Васильевымъ и нынѣ хранящимся въ музеѣ консерва-

торіи гуслимъ болѣе 150 лѣтъ; инструментъ этотъ долженъ, слѣдовательно, быть отнесенъ къ срединѣ или даже къ первой половинѣ XVIII столѣтія. Внѣшній видъ разсматриваемыхъ гуслей изображенъ на фиг. 13 (а, б, в). Онѣ состоятъ изъ доски съ

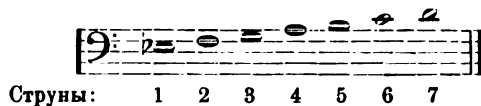
Фиг. 13.

Семи-струнная русскія первобытная гусли середины XVIII столѣтія музея С.-Петербургской консерваторіи (приблизительно $\frac{1}{11}$ натуральной величины): а—сверху (со стороны голосной доски), б—снизу (со стороны голоснаго ящика), в—сбоку (причемъ голосной ящикъ обращенъ кверху). Широкий конецъ, книзу отъ ряда колковъ, украшенный кружечками, составляетъ крыло инструмента, т.-е. продолженіе голосной доски внѣ голоснаго ящика; послѣдній же занимаетъ часть инструмента, лежащую кверху отъ ряда колковъ. Ни струнъ, ни поперечнаго желѣзнаго прутика для прикрѣпленія послѣднихъ у головки (узкаго конца) гуслей, на данномъ экземплярѣ нѣтъ. Колковъ сохранилось только пять.

прикрѣпленнымъ къ ней снизу, на пространствѣ, занятомъ струнами, голоснымъ ящикомъ. Длина доски 80 сантиметровъ, ши-

рина ея у головки—10 сант., на противоположномъ (широкомъ) концѣ—28 сант., а толщина голоснаго ящика—5½ сант. Струны числомъ 7 (по словамъ Трофима, могло ихъ быть и 8), какъ на всѣхъ инструментахъ разсматриваемаго типа, прикрѣплены однимъ концомъ наглухо у узкаго конца или головки, къ желѣзному поперечному пруту, продернутому черезъ бока головки, а другимъ—къ подвижнымъ вращающимся колкамъ, расположеннымъ въ рядъ, пересѣкающій наискось поверхность инструмента. Голосная доска снабжена нѣсколькими, изображенными въ видѣ черныхъ кружковъ, голосниками. По другую сторону ряда колковъ—доска, уже безъ ящика съ нижней стороны, продолжается въ довольно широкое крыло. Кружки и зигзаги на этомъ крылѣ служатъ для его украшенія. Трофимовы гусли, по своему очертанію, представляютъ сходство съ каннелю псковскихъ Эстовъ-полувѣрцевъ (см. выше, фиг. 8) и съ литовскими (латышскими) канклесъ (куаклесъ), изображенными на фиг. 11. На одномъ изъ краевъ гуслей находится отверстіе, черезъ которое продѣта веревочка, служившая для вѣшанія инструмента на гвоздь (ср. выше стр. 12, 50), какъ показано на рисункѣ. Струнъ на описываемыхъ гусяхъ не сохранилось.

Для возстановленія строя инструмента, г. Васильевъ заказалъ Трофиму новыя гусли, которыя и были изготовлены имъ въ прошдшее лѣто. Новый экземпляръ гуслей, нынѣ также пожертвованный г. Васильевымъ музею консерваторіи, предварительно переданъ былъ имъ для изслѣдованія на мѣстѣ, въ присутствіи Трофима, профессору С.-Петербургской консерваторіи Г. А. Мареничу, который доставилъ о нихъ г. Васильеву довольно подробный отзывъ, впоследствии подтвержденный имъ и мнѣ лично и здѣсь воспроизводимый. Данныя гусли имѣютъ 7 металлическихъ (изъ тонкой мѣдной проволоки) струнъ одинакой толщины. Строй и объемъ музыкальной скалы ихъ слѣдующій:

Гусли держатся играющимъ наискось на колѣнахъ, причеиъ край длиннѣйшей стороны инструмента упирается на колѣна;

крыло его оказывается въ такомъ случаѣ обращеннымъ къ лѣвой рукѣ играющаго, а головка — къ правой; корпусъ же инструмента покоится плашмя на животѣ играющаго. Ладовъ нѣтъ; но играющій ставитъ посрединѣ инструмента три пальца лѣвой руки, вертикально, между струнами: безымянный палецъ — между струнами 2-й и 3-й (fa—sol), средний — между 4-й и 5-й (la—si) и указательный — между 6-й и 7-й (do—re). Пальцы эти, касаясь лѣвымъ своимъ бокомъ струнъ fa, la и do, заглушаютъ ихъ и даютъ свободно звучать прочимъ струнамъ: mi-bémol, sol, si и ré; передвигая немного тѣ же пальцы въ другую сторону, т.-е. касаясь правымъ ихъ бокомъ струнъ sol, si и ré, играющій заглушаетъ эти тоны, а свободно звучать тогда прочія струны: mi-bémol, fa, la и do. Способъ игры Трофима довольно оригинальный: сложивъ одинъ на другой пальцы правой руки, большой, указательный и средний, онъ водить ими, какъ плектромъ, по струнамъ взадъ и впередъ у самой головки инструмента, бряцая по струнамъ ногтями (впрочемъ иногда онъ ударяетъ по струнамъ и мягкой стороной пальцевъ) и издавая постоянно, смотря по положенію пальцевъ лѣвой руки, одинъ изъ двухъ аккордовъ: fa-la-do или sol-si-ré, причемъ нижней струны (mi-bémol—«подголосокъ», по выраженію Трофима) онъ касается не всегда; но тонъ этотъ не перестаетъ во все время игры звучать, какъ педаль, и, смягчая рѣзкую, на нашъ слухъ, послѣдовательность чистыхъ квинтъ и сообщая ей своеобразную гармоническую неопредѣленность, придаетъ извѣстную прелесть данной послѣдовательности. Надо имѣть еще въ виду, что Трофимъ играетъ свои аккорды очень нѣжно. Игра его, положенная на ноты, имѣетъ, приблизительно, такой видъ:

Dolcissimo.

1) Я уже сказалъ, что mi-bémol (подголосокъ) хотя и не ударяется при каждомъ аккордѣ, тѣмъ не менѣе постоянно гудитъ, какъ педаль; вслѣдствіе этого г. Мареничъ, для выраженія производимаго этой нотой впечатлѣнія, изобразилъ ее въ примѣрѣ въ видѣ непрерывной педали.

Итакъ игра выходитъ у него не мелодическая (онъ не перебираетъ пальцами отдѣльныхъ струнъ), а аккордная, по преимуществу ритмическая. Отсюда истекаетъ чрезвычайная монотонность Трофимовой музыки, происходящая вѣроятно и оттого, что онъ уже давно пересталъ упражняться на гусяхъ и, за давностью лѣтъ, можетъ быть запомнилъ прочіе приемы игры; взявшись же вновь за инструментъ послѣ многолѣтней паузы, лишь вслѣдствіе настоятельной просьбы г. Васильева, онъ ограничился въ данномъ случаѣ однимъ только бречаніемъ на двухъ аккордахъ, съ прибавленіемъ къ нимъ диссонирующаго подголоска (mi-bésol) нижней струны. Въ настоящее время этимъ приемомъ игры исчерпывается все искусство Трофима. Забросилъ же онъ игру на своихъ гусяхъ вслѣдствіе насмѣшекъ молодежи надъ стариковской гусельной музыкой, вытѣсненной современной игрой на гармоникѣ.

Практиковавшаяся Трофимомъ игра на гусяхъ представляетъ соединеніе многихъ чертъ и приемовъ, отмѣченныхъ выше со словъ разныхъ авторовъ, по отношенію къ гусямъ, кантеле, канклесъ. Такъ напр. Вейнемейненъ (ср. выше, стр. 43) бралъ гусли на колѣна и тамъ ставилъ ихъ наискось, — очевидно такъ, какъ то дѣлалъ и Трофимъ. По словамъ Калевалы,

По струнамъ ногтей десятокъ
Всѣ пять пальцевъ пробѣгаютъ.

Упомянутое о ногтяхъ, быть можетъ, намекаетъ на удареніе струнъ ногтями, какъ игралъ и Трофимъ, причемъ только послѣдній не перебиралъ пятью пальцами струнъ, какъ Вейнемейненъ. Впрочемъ мы видѣли, что древніе русскіе гусяры, подобно Вейнемейнену, пускали десять перстовъ на струны, «похаживали» по струнамъ (ср. выше, стр. 14), словомъ перебирали струны, а не только бречали аккорды, какъ Трофимъ. Намекъ на игру на струнахъ ногтями встрѣчается и въ латышскихъ пѣсняхъ: о Чортовой матери, сидящей на яблонѣ и играющей на куаклесъ (см. выше, стр. 61), говорится въ пѣснѣ, вѣроятно не безъ причины:

У нея пять пальцевъ, пять ногтей.

Игра ногтями, т.-е. удареніе струнъ концами пальцевъ сто-

роной ногтей, быть может перемежавшаяся съ игрой мягкими концами пальцевъ, вѣроятно практиковалась ради большей звонкости, большей остроты звука: ноготь игралъ въ такомъ случаѣ какъ бы роль плектра или палочки, посредствомъ которой, по свидѣтельству Шлегеля (см. выше, стр. 48), играли въ старину на струнахъ своей каннели Эсты.

Далѣе, какъ на финской кантеле, такъ и на русскихъ гусяхъ (Трофимовыхъ, также на описанныхъ Фетисомъ, ср. выше, стр. 36), струны имѣли постоянную высоту, не подвергаясь повышенію посредствомъ нажима пальцами. Трофимъ игралъ аккорды. Аккорды исполнялись и на канклесъ прусскими Литовцами (стр. 54), а равно и русскими игрецами на первобытныхъ пяти-струнныхъ гусяхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ то видно изъ приведеннаго выше (стр. 38), записаннаго Боальдье примѣра сопровожденія на гусяхъ мелодіи пѣсни аккордами.

Трофимъ Ананьевъ былъ гусярь-любитель, а не по ремеслу; онъ никогда не игралъ въ собраніяхъ, публично, а всегда только у себя дома; притомъ, сколько можно было понять изъ его словъ, онъ всегда импровизовалъ: «когда взгрустнется, скажешь бывало:

«Эхъ, кто не былъ за Дунаемъ,
Тотъ горюшка не знаетъ!»

и начнешь звонить, что на душѣ есть.., а слезы ручьемъ текутъ». Это подлинныя слова его. Двустипшіе: «Эхъ, кто не былъ за Дунаемъ», и т. д., говорилось имъ скороговоркой, не подъ музыку. Надо имѣть весьма воспріимчивую къ музыкальнымъ звукамъ натуру, чтобы проливать слезы отъ игры, подобной Трофимовой. Впрочемъ, извѣстно, что народы первобытные нерѣдко поютъ пѣсни, составленныя всего изъ 2—3 тоновъ, и находятъ въ этомъ вполне художественное наслажденіе¹. Итакъ Трофиму гусли служили лишь для изліянія, въ чрезвычайно однообразныхъ звукахъ, грусти; инструментъ имѣлъ въ глазахъ его характеръ жалобный, каковой въ большей части приведенныхъ выше (стр. 58—59)

1) Ср. мою книгу: Древн. индо-кит. гамма въ Азіи и Евр., 27—28.

латышскихъ загадкахъ и пѣсняхъ приписывается и латышскимъ народомъ своимъ куаклесъ. Такая ограниченность взгляда на инструментъ выражается и въ томъ, что Трофимъ никогда не игралъ на гусяхъ ни сопровожденія къ пѣснямъ (или былинамъ), ни плясовой музыки. Въ этомъ проявляется его односторонность какъ гусяра, такъ какъ въ текстахъ былинъ и старинныхъ народныхъ пѣсень мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства тому, что звуками гуслей въ старину сопровождалась и пѣсни и пляски. Трофимъ, впрочемъ, говоритъ, что на гусяхъ можно играть «дьякскія», т.-е. духовныя пѣсни. Самъ же онъ таковыхъ сыграть не сумѣлъ.

На предложенные Трофиму вопросы, не знаетъ ли онъ, какого вида были гусли въ глубокую старину, какъ и при какихъ обстоятельствахъ на нихъ играли, не знаетъ ли онъ чегонибудь о псалтирѣ, о цимбалахъ (инструментахъ, родственныхъ гусямъ, см. ниже), онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, и могъ дать свѣдѣнія только о своей собственной игрѣ и своего дяди. Онъ прибавилъ, что ему неизвѣстно также, существуютъ ли въ настоящее время у кого либо гусли, подобныя его собственнымъ, но помнить, что лѣтъ пятьдесятъ назадъ ему говорили, что какой-то гусярь, также крестьянинъ и русскій (имени его не могъ припомнить, деревни также), возвращался домой съ гусями и былъ растерзанъ въ лѣсу хищными звѣрями; послѣ случайно нашли его шапку и обломки гуслей. Въ Лудоньской волости, въ деревнѣ Велень, онъ видѣлъ гусли у колониста-латыша; но тѣ гусли короче, струны на нихъ желѣзныя и ихъ много. Онъ очевидно видѣлъ многострунныя куаклесъ такой формы, какая изображена раньше на фиг. 12; на экземплярахъ латышскихъ (литовскихъ) куаклесъ музея Имп. Русск. Географическаго Общества наибольшее число струнъ достигаетъ двѣнадцати, но быть можетъ, что оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще увеличивалось: мы видѣли выше (стр. 46), что на позднѣйшей финской кантеле, вмѣсто первоначальной, такъ сказать, классической цифры струнъ — 5, число ихъ доходитъ до 16.

Сопоставляя все вышезложенное, приходимъ къ предполо-

женію, что первобытнѣйшая форма гуслей, съ относительно малымъ числомъ струнъ, вѣроятно заимствована Славянами изъ Византіи. У Славянъ заимствовали ее Финны (западные), отъ которыхъ, въ свою очередь, переняли ее Литовцы и Латыши. Наиболѣе первобытную форму представляютъ вѣроятно пяти-струнные гусли, изображеніе которыхъ находимъ у Гютри (см. выше, фиг. 3), — гусли, наиболѣе близко подходящія, по внѣшнему виду, къ древнѣйшей пяти-струнной кантеле Финновъ. Позднѣйшія многострунные кантеле, а равно и изображенныя выше (фиг. 9) прусско-литовскія, также многострунныя русско-литовскія канклесъ, и латышскія куаклесъ и даже каннель псковскихъ Эстовъ-полувѣрцевъ представляютъ уже болѣе или менѣе усовершенствованныя формы, какъ по увеличенному противъ 5 количеству струнъ, такъ и по развитію края доски, лежащаго по ту сторону ряда колковъ, вигъ струнъ и голоснаго ящика, въ форму болѣе или менѣе широкаго крыла. Такую, отчасти уже усовершенствованную форму, не смотря на сохраненную въ общемъ грубость и первобытность отдѣлки инструмента, представляютъ и семи-струнныя, снабженныя только что названнымъ крыломъ, гусли Трофима Ананьева, которыя, весьма сходствуя съ каннелью сосѣднихъ Эстовъ-полувѣрцевъ, быть можетъ, заимствовали свою болѣе развитую форму уже отъ Эстовъ. Если это предположеніе вѣрно, то судьба первобытныхъ гуслей выразилась бы въ слѣдующемъ странствованіи: изъ Византіи къ Славянамъ (гжсли), отсюда къ Финнамъ и Эстамъ (kantele, kannel), а отсюда къ Литовцамъ и Латышамъ (kankles, kùkles) и, быть можетъ, черезъ посредство Эстовъ-полувѣрцевъ — обратно съ Русскимъ, уже почти забывшимъ свой первоначальный инструментъ (гусли); послѣдній обратный переходъ можетъ относиться именно къ Трофимовымъ (и сходнымъ съ ними, бывшимъ въ употребленіи въ мѣстахъ, граничащихъ съ жилищами Эстовъ) гуслиамъ. Во всякомъ случаѣ нынѣ гусли въ рукахъ русскаго народа представляютъ весьма рѣдкое, исключительное явленіе¹.

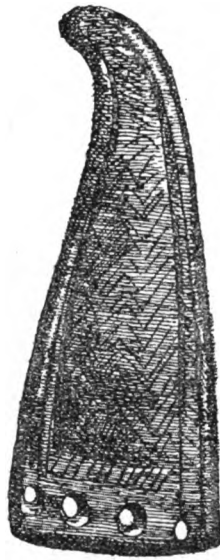
1) Интересно, что между сокровищами, выкопанными Шлиманомъ изъ открытыхъ имъ развалинъ Трои (Schliemann: Ilios Stadt und Land der Tro-

г) Psalterion.

Въ западной Европѣ издавна извѣстны были струнные инструменты, носившіе названіе Psalterion или Psalterium, заимствованные изъ греко-римскаго міра, въ свою очередь получившаго

janer. 1881. S. 472—473) находится два предмета (фиг. 14 а и б), принимаемые Шлиманомъ за обломки музыкальных инструментовъ, называемыхъ имъ «лирами».

а.

Оба предмета весьма небольшого объема, сдѣланы изъ слоновой кости, и представляютъ: первый—4, а второй—7 отверстій, какъ будто бы предназначенныхъ для колкогъ струнъ, которыхъ, слѣдовательно, въ первомъ случаѣ было 4, а во второмъ—7. Малый размѣръ обонхъ предметовъ показываетъ, что это не могли быть дѣйствительные музыкальные инструменты, а скорѣе

б.

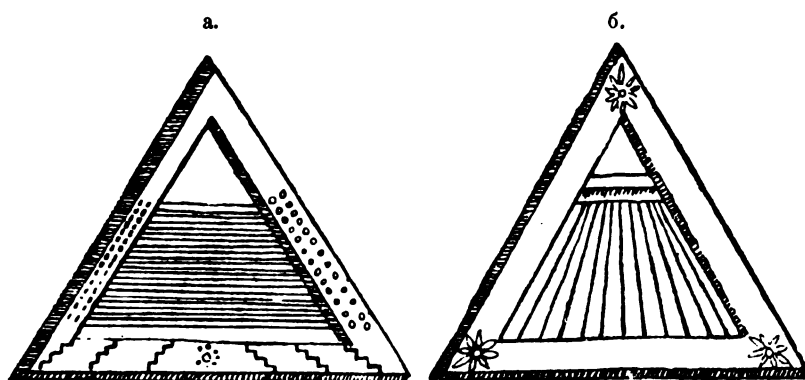

Фиг. 14.

Два предмета изъ слоновой кости (объясняемые какъ обломки моделей четырех-струннаго(а) и семи-струннаго(б)гуслеобразныхъ музыкальныхъ инструментовъ), вырытые изъ земли на мѣстѣ развалинъ Трои, на глубинѣ: а—26 и б—23 фут.

модели или миниатюрныя воспроизведенія таковыхъ. Во всякомъ случаѣ, если бы объясненіе Шлимана оправдалось, то мы имѣли бы доказательство тому, что типъ инструментовъ, подобный разсматриваемому нами типу гуслей — кантеле — канклесъ, извѣстенъ былъ уже въ древнія времена въ Малой Азіи. Въ ряду только что поименованныхъ станцій на пути странствованія гуслей слѣдовало бы, въ такомъ случаѣ, прибавить еще одно предшествующее звено — Малую Азію. Но и Малая Азія едва ли была мѣстомъ изобрѣтенія типа гусле-видныхъ инструментовъ, который, какъ мы увидимъ ниже, извѣстенъ былъ уже въ древнѣйшемъ, ассирійско-вавилонскомъ мірѣ и, вѣроятно, вмѣстѣ съ разными другими предметами культуры, откуда проникъ въ Малую Азію и далѣе — въ Европу. — Шлиманъ назвалъ описанныя модели инструментовъ «лирами»: это ошибка, такъ какъ греческая лира имѣла совершенно иную форму.

ихъ несомнѣнно съ востока. Наиболѣе употребительны были двѣ формы этого инструмента: треугольная и квадратная, а изъ нихъ первая вѣроятно древнѣйшая. По свидѣтельству св. Иеронима (IV в.), Psalterium имѣлъ форму греческой буквы дельты Δ^1 , т.-е. форму треугольную. Прэторіусъ² приводитъ изображенія псалтирей, заимствованныя имъ изъ стараго сочиненія (Musica), изданнаго въ нѣмецкомъ переводѣ Севастьяномъ Вирдунгомъ въ 1511 году. Авторъ этой книги утверждаетъ, что еще въ его время

Фиг. 15.

Средневѣковые треугольные псалтири: тринадцати-струнный (а) и одиннадцати-струнный (б), хотя у Прэторіуса послѣдній названъ десяти струннымъ (Ps. decachordum).

были въ употребленіи такіе инструмента; притомъ ему встрѣчались лишь треугольные псалтири. Судя по рисункамъ, псалтири представляли треугольную или четвероугольную рамку, въ которой натянута была струна, или параллельно одной (или двумъ) изъ сторонъ рамки (фиг. 15 а, 16) или вѣерообразно (фиг. 15 б).

Фиг. 16.

Средневѣковой квадратный десяти-струнный псалтирь.

1) См. у Walther: Musicalisches Lexicon. 1732. II, 501: «Psalterium».

2) Praetorius: Syntagma musicum. 1614. II, Col. XXXII, Fig. 2, 3, 4.

Фиг. 17.

Юноша, играющий на одиннадцати-струнном псалтирѣ, изъ рукописи IX или X вѣка (въ Штутгартѣ)

Фиг. 18.

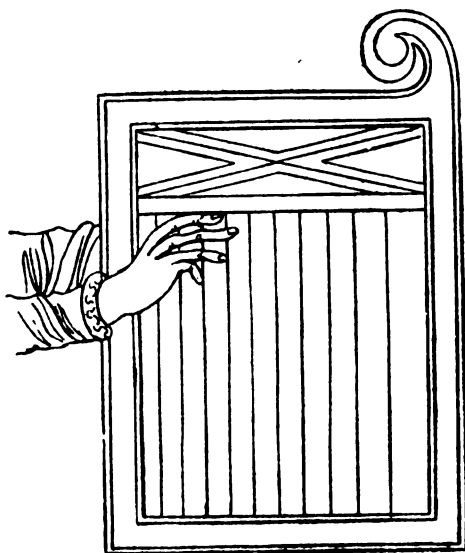
Игрецъ на десяти-струнномъ псалтирѣ особенной формы съ большимъ отрогомъ, покоющимся на плечѣ играющаго, изъ рукописи IX вѣка (въ Парижѣ).

Изъ словъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей, сравнивавшихъ псалтирь съ древней кюарой, заключаемъ, что въ старину псалтирь отличался отъ кюары тѣмъ, что имѣлъ голосной ящикъ вверху, между тѣмъ какъ у кюары онъ былъ внизу. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ (IV в.) говоритъ, что псалтирь издаетъ звукъ изъ верхней своей части (*cujus sonus altriusculus e superiore parte redditur*); св. Августинъ (IV—V в.) утверждаетъ, что названный инструментъ имѣетъ голосной ящикъ вверху (*psalterium habuisse superiore in parte sonorum lignum*), и противопоставляетъ его кюарѣ въ только что указанномъ смыслѣ¹; Беда (VIII в.) говоритъ тоже самое (*sciendum quod psalterio musico*

1) Walther: Mus. Lex.: «Psalterium».

instrumento cithara est contrarium, quae concavitatem [т.-е. выдольбъ, вогнутость, словомъ — голосной ящикъ] quam psalterium habet superius, inferius habet)¹. Слова эти, довольно темныя для насъ, принужденныхъ довольствоваться лишь старинными изображеніями соотвѣтствующихъ инструментовъ, становятся до известной степени понятными, если бросимъ взглядъ на нѣкоторые изъ приведенныхъ ниже старинныхъ рисунковъ струнныхъ инструментовъ западно-европейскихъ, сохранившихся въ рукописяхъ, начиная съ IX вѣка.

Изображенія эти показываютъ, что въ то время играющій держалъ инструментъ свой вертикально, упирая его на колѣна (фиг. 17, 18) или на какую нибудь стоящую передъ нимъ подставку (фиг. 19). Одною рукой онъ придерживалъ инструментъ, а другою — перебиралъ струны². Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно при указанномъ положеніи инструмента въ рукахъ играющаго, голосной ящикъ дѣйствительно какъ будто

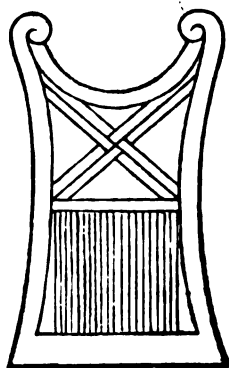
Фиг. 19.

Псалтирь въ рукахъ Давида, изъ рукописи IX вѣка (въ Анжерѣ). На картинкѣ надпись: «Hic est David filius Iesse tenens psalterium in manib(us) suis. Hec est forma psalterii» (Это Давидъ сынъ Исеевъ, держащій псалтирь въ рукахъ своихъ. Таковъ видъ псалтиря).

приходился вверху, соотвѣтственно вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ древнихъ авторовъ, напр.: въ фиг. 15а, б и 16 свободная отъ струнъ вершина треугольной или четвероугольной рамки

1) См. у Fétis: Hist. gén. de la mus. IV, 421 (1).

2) Reissmann: Illustrierte Geschichte der deutschen Musik. 1881. S. 47.— Coussemaker въ Ann. arch. de Didron. III, 77, 84, 85.

Фиг. 20.

Двадцати-струнный псалтирь, изъ рукописи IX вѣка (въ Булонѣ): «psalterium in modo clupei» (псалтирь въ видѣ щита).

Фиг. 21.

Давидъ — пастырь, играющій на девяти-струнномъ квадратномъ псалтирѣ, изъ греческаго рукописнаго псалтиря IX вѣка.

Фиг. 22.

Давидъ — пастырь, играющій на трехструнномъ четвероугольномъ псалтирѣ, изъ рукописнаго славянскаго псалтиря 1397 года.

выступаетъ какъ бы въ роли голоснаго ящика (хотя собственно таковымъ служила вѣроятно вся рамка), тоже и въ фиг. 17 и 19; въ фиг. 18, быть можетъ, роль голоснаго ящика исполняла верхняя полоса инструмента, продолжающаяся въ широкій отрогъ, который покоится на плечѣ игрока; фиг. 20 объясняется въ соотвѣтствующей рукописи, какъ псалтирь въ видѣ щита¹: верхній ко-

1) Coussemaker въ Ann. arch. de Didron. III, 85.

нецъ щита, быть можетъ, представлялъ собою голосной ящикъ (ср. родственную форму этого инструмента, фиг. 19).

Къ квадратнымъ (или четверугольнымъ вообще) псалтирямъ принадлежатъ и слѣдующіе два псалтиря (девяти- и трехструнный) въ рукахъ Давида, изображеннаго въ качествѣ пастыря, въ обоихъ случаяхъ сидящаго на возвышеніи, между тѣмъ какъ кругомъ его пасутся стада (фиг. 21, 22). Первое изъ этихъ изображеній заимствовано изъ греческаго рукописнаго псалтиря IX вѣка¹, второе—изъ славянскаго рукописнаго псалтиря конца XIV вѣка². Къ той же категоріи относится и большіихъ размѣровъ четверугольный псалтирь, находящійся въ рукахъ одного изъ музыкантовъ на древней фрескѣ Кіево-Софійскаго собора (фиг. 23), произведенія византійскихъ художниковъ XI вѣка (1037)³.

Замѣтимъ, что въ западно-европейскихъ манускриптахъ IX по XI в. царь Давидъ обыкновенно изображается играющимъ на квадратномъ псалтирѣ. Это, по замѣчанію Куссемакера, свидѣтельствуемъ въ пользу существовавшаго въ то время взгляда на псалтирь, какъ на орудіе наиболѣе благородное и наиболѣе приличное для прославленія Бога. Съ XII же столѣтія псалтирь въ рукахъ Давида обыкновенно замѣщается арфой⁴.

Въ то время какъ всѣ до сихъ поръ приведенные псалтири представляли треугольныя или четверугольныя рамки съ натянутыми на нихъ струнами, мы съ XI вѣка начинаемъ встрѣчать на западѣ Европы и специально гуслевидные инструменты, т.-е. состоящіе изъ плоскаго голоснаго ящика и голосной доски, надъ которой и параллельно плоскости которой протягиваются струны.

1) Кондаковъ: Миниатюры греческой рукописи псалтири IX вѣка изъ собранія А. И. Хлудова въ Москвѣ. 1878 г. Последняя таблица.

2) Весьма драгоцѣнный, по множеству украшающихъ его миниатюръ, экземпляръ этой рукописи составляетъ принадлежность музея Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

3) Закревскій: Описаніе Кіева. 1868 г. Листъ XII.—Ср. Кондаковъ: О фрескахъ гѣстницъ Кіево-Софійскаго Собора, въ Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества. Т. III, вып. III и IV, 1888 г.

4) Couvsemaker въ Ann. arch. de Didron. III, 85.

Фиг. 23.

Музыканты, плясуны и потѣшники съ древней (XI в.) фрески (византийскаго письма) Кіево-Софійскаго собора. Въ срединѣ группы, на первомъ планѣ, игрецъ на большомъ семи-струнномъ псалтирѣ.

а. б.

Фиг. 24.

Музыканты, играющіе на псалтиряхъ полукругломъ (семи(?) - струнномъ) и треугольномъ (пяти(?) - струнномъ) съ закругленными углами, изваянные, въ числѣ прочихъ музыкантовъ, на капители колонны аббатства св. Георгія въ Бошервилѣ (XII вѣка).

Таковъ напр. инструментъ, находящійся въ рукахъ одного изъ музыкантовъ, украшающихъ капитель колонны аббатства св. Георгія въ Бошервилѣ (Bocher-ville) въ Нормандіи (фиг. 24б). Памятникъ этотъ относится къ XII вѣку¹: Музыкантъ б играетъ на треугольномъ, съ закругленными углами, псалтирѣ. Число струнъ вѣроятно — 5, судя по количеству выступающихъ на верхней (при данномъ положеніи) сторонѣ треугольника колковъ. Голосной ящикъ очевидно лежитъ подъ самыми струнами, на что указываютъ голосники въ декѣ

1) Тамъ же: VI, 315.

инструмента¹. Сосѣдняя фигура (а) держитъ особаго рода псалтир-ревидный же инструментъ полукруглаго очертанія. Основаніемъ полукруга служитъ голосной ящикъ съ нѣсколькими голосниками.

Весьма интересный экземпляръ доскообразнаго треугольнаго псалтиря находимъ въ рукахъ жонглѣра, изображеннаго въ рукописи XI вѣка (фиг. 25)². На этомъ оригинальномъ изображеніи видимъ жонглѣра, одной рукой держащаго рожокъ, на которомъ онъ играетъ, а въ другой—треугольный псалтирь, по общему устройству своему, приближающійся, на сколько позволяетъ судить несовершенный рисунокъ, къ русскимъ первобытнымъ гусямъ, къ кантеле, канклесъ и тому подобнымъ, рассмотрѣннымъ выше, инструментамъ даннаго типа.

Всѣ только что приведенные псалтири во время игры держались вертикально, нерѣдко упираясь однимъ краемъ въ грудь играющаго, причемъ они или ставились на колѣна

Фиг. 25.

Жонглѣръ съ рожкомъ и треугольнымъ плоскимъ, доскообразнымъ псалтиремъ въ рукахъ, изъ рукописи XI вѣка (въ Парижѣ).

1) Сюда же, можетъ быть, слѣдуетъ отнести и инструментъ, изображенный на фиг. 18: вслѣдствіе несовершенства рисунка, трудно съ точностью опредѣлить, натянута ли въ немъ струны въ четверугольной сквозной рамкѣ, или надъ четверугольной голосной доской.

2) Тамъ же: III, 86.

или на подставку, или же плашмя прислонялись ко груди играющаго (фиг. 24). Въ послѣднемъ случаѣ инструменты эти (фиг. 24б) сближаются съ изображеннымъ выше (фиг. 1) инструментомъ гусяра на миниатюрѣ славянскаго псалтиря XIII—XIV вѣка.

Квадратные псалтири, по замѣчанію Куссемакера, въ западной Европѣ вовсе вышли изъ употребленія къ концу XI вѣка, а треугольные—съ XII вѣка получили названіе рота (Rota), вошедшее впрочемъ въ употребленіе уже въ IX вѣкѣ¹. Такимъ образомъ и самое названіе Psalterion на время, по крайней мѣрѣ, было оставлено. Но вслѣдъ затѣмъ начинается знаменательное время крестовыхъ походовъ (XII и XIII в.), имѣвшихъ столь сильное вліяніе на социальныя отношенія въ Европѣ вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на музыку и музыкальные инструменты европейскихъ народовъ. Въ особенности сильно было вліяніе послѣднихъ крестовыхъ походовъ. Пораженные богатствомъ и пышностью обычаевъ мусульманъ—говоритъ Куссемакеръ—крестоносцы вступали съ ними въ сношенія. Послѣднія расширялись и сдѣлались обычными между востокомъ и западомъ. Именно въ этотъ послѣдній періодъ труверы и менестрели, сопутствовавшіе крестоносцамъ, одни—въ качествѣ свиты знатныхъ рыцарей, другіе—увлеченные любовью къ странствованію и приключеніямъ, познакомились съ инструментами восточныхъ народовъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и арабскій *santir* или *pisantir*, и нынѣ еще употребительный въ Египтѣ. Это инструментъ струнный, состоящій изъ плоскаго деревяннаго ящика въ формѣ треугольника съ усѣченной вершиной. Металлическія струны прикрѣпляются къ колкамъ, воткнутымъ вдоль лѣваго бока инструмента. По струнамъ играющій бьетъ маленькими деревянными палочками съ насаженнымъ на концѣ каблучкомъ, иногда сдѣланнымъ изъ слоновой кости, иногда роговымъ; ударяютъ по струнамъ одною только выпуклою его стороною. Описанный инструментъ, будучи заимствованъ европейскими музыкантами, получилъ въ Европѣ сходное съ оригинальнымъ—*santir*, *pisantir*—названіе *Psalterium* (съ много-

1) Тамъ же: IX, 329—330.

численными вариантами: psalteire, psaltère, psaltri, salterion, salteire, saltère), — название вновь возродившееся, слѣдовательно, въ Европѣ, но при другихъ, чѣмъ прежде, обстоятельствахъ. Арабскій же santir сводится, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, къ древнѣйшему источнику, а именно къ библейскому инструменту phsanterin или psanterin, упоминаемому прор. Даніиломъ (III, 5, 10, 15) въ числѣ музыкальныхъ орудій вавилонскихъ.

Между музыкальными инструментами, изображенными на ассирийскихъ памятникахъ, встрѣчается одинъ, вѣроятно послужившій прототипомъ для позднѣйшаго арабскаго risantir. Инструментъ этотъ вмѣстѣ съ играющимъ на немъ музыкантомъ представленъ на фигурѣ 26.

Фетисъ, давая мѣсто этому рисунку въ своей Всеобщей исторіи музыки, замѣчаетъ, что художникъ несомнѣнно изобразилъ данный инстру-

Фиг. 26.

Музыкантъ, ударяющій палочкой по струнамъ гуслеобразнаго инструмента, съ ассирийскаго барельефа въ Куянджекѣ.

ментъ на память и не имѣя достаточно яснаго о немъ представленія, такъ какъ изогнутость, приданная имъ струнамъ, лишила бы ихъ звучности¹. Вѣроятно струны расположены были въ горизонтальной плоскости надъ голоснымъ ящикомъ, выпуклою стороною своею обращеннымъ внизъ. Углы, образуемые струнами, вѣроятно соотвѣтствовали мѣсту прикрѣпленія ихъ къ

1) Fétis: Hist. gén. de la mus. I, 335. Cp. 325.

колкамъ и перегибу, затѣмъ, внизъ свободныхъ концовъ струнъ. У другихъ (арфообразныхъ) инструментовъ, изображенныхъ на томъ же памятникѣ, концы струнъ, украшенные такими же привѣсками (а, а, а. . .) какія представляетъ данный рисунокъ, дѣйствительно висятъ свободно ниже рамки инструмента. Европейскій средневѣковой псалтирь представляетъ нерѣдко форму, близко сходную съ только что описанной формой арабскаго сантира, съ тою лишь разницею, что по струнамъ его не ударяли палочками или молоточками, а играли на нихъ обыкновенно непосредственно пальцами, рѣже рвали струны перышками или палочками. Привожу примѣры изображенія псалтирей въ формѣ трапецій, изъ рукописей XIII и XIV вѣковъ (фиг. 27, 28, 29). Фигура 27 заимствована

Фиг. 27.
Игрецъ на трапецевидномъ псалтирѣ—изъ пѣсенника (Chansonnier) XIII вѣка парижской національной библиотеки.

Фиг. 28.
Женщина, играющая палочками на трапецевидномъ (четырнадцати (?) струнномъ) псалтирѣ, изъ чешской рукописной Велиславовой библии XIII—XIV вѣка. Картинка изображаетъ сестру Ааронову съ подругами, играющихъ и поющихъ. Голосная доска псалтиря снабжена тремя круглыми голосниками.

изъ пѣсенника (Chansonnier) XIII вѣка¹, фиг. 28 и 29—изъ миниатюръ чешской рукописной библии конца XIII или начала XIV вѣка².

1) Lavoix fils: Histoire de la musique. P. 107.

2) Památky archaeologické a místopisné. Díl. X, ročn. I, 1874. Tab. 23.—Památky. Listy pro archaeologii a historii. Nove řady roč. I, Seš. 3 (1871). Tab. 6.—

Въ первомъ случаѣ (фиг. 27) инструментъ однимъ краемъ упирается о колѣна, а другимъ — о грудь играющаго. Во второмъ

(фиг. 28) онъ также упирается въ грудь играющей на немъ женщины, которая подѣргиваетъ струны не пальцами, а игральными палочками. Третій (фиг. 29)

инструментъ представленъ въ моментъ его настраиванія. Данная фигура изображаетъ Ювала, «отца всѣхъ играющихъ на гусяхъ и свирѣли» (Быт. IV, 21). Во второмъ и третьемъ изъ только что названныхъ инструментовъ, — бока представляютъ частью вогнутое, частью волнистое очертаніе. Замѣчу, что у Чеховъ

псалтири получали иногда совершенно своеобразную форму, какъ по очертанію (полуовальному, или угловато-овальному), такъ и по необыкновенному расположенію струнъ: таковы напр. слѣдующіе псалтири съ вѣерообразно расходящимися струнами, встрѣчающіеся въ рукахъ играющихъ въ чешскихъ миниатюрахъ XIII и XIV столѣтій¹ (фиг. 30 и 31).

Фиг. 29.

Ювалъ, настраивающій двадцати-струнный псалтирь, изъ той же чешской библіи. Волнистая линия контура голосной доски и отверстие (голосникъ) въ послѣдней показываютъ, что данный инструментъ дѣйствительно псалтирь, а не арфа, за которую можно было бы принять его съ перваго взгляда, по общему арфообразному его виду.

Сходные съ фиг. 29 инструменты, арфообразные, съ голосной доской, параллельной плоскости, въ которой натянуты струны, извѣстны были и въ западной Европѣ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ миниатюръ въ рукописяхъ XIV вѣка. См. у Coussemaker, въ Ann. arch. de Didron VII, 249, 250. Авторъ называетъ эти инструменты ротами (rotea).

1) Památky archaeol. a místop. Dil. IV (1860). Obr. 5, Fig. 9; Dil. X, ročn. 1 (1874). Tab. 23.

Фиг. 30.

Женщина, играющая на псалтирь съ вѣрообразно расположенными струнами, изъ выше приведенной (фиг. 28) картинки чешской Велиславовой библии. Въ срединѣ голосной доски круглый голосникъ.

Фиг. 31.

Ангель, играющій на псалтирь съ вѣрообразно расположенными струнами, изъ чешскаго Razionale 1312 года. Въ срединѣ голосной доски — голосникъ.

Возвращаюсь къ псалтирямъ болѣе правильнаго очертанія. Вотъ (фиг. 32—36) цѣлая серія изображеній средневѣковыхъ западно-европейскихъ псалтирей, представляющихъ развитіе первоначальной треугольной или точнѣе — трапецевидной формы.

Фиг. 32 представляетъ только корпусъ инструмента съ колками, выступающими на одной изъ его сторонъ, но безъ струнъ. Голосная доска инструмента снабжена нѣсколькими голосниками. Въ фиг. 33 и 34 псалтирь изображенъ въ рукахъ играющихъ, которые стоятъ и, держа инструментъ вертикально, прислоненнымъ ко груди, подпираютъ его обѣими руками. Въ первомъ случаѣ играющій перебираетъ, подѣргиваетъ струны пальцами, во второмъ — маленькими палочками или перышками. Въ фиг. 35 псалтирь опять въ вертикальномъ положеніи покоится на колѣнахъ играющей на немъ пальцами, сидящей Венеры. Наконецъ въ послѣдней картинкѣ (фиг. 36), принадлежащей XIV вѣку, изображенъ Младенецъ Исусъ, играющій пальцами же на псалтирь,

Фиг. 32.
Пятнадцати(?)-струнный псалтирь въ рукахъ фигуры, изваянной на большихъ дверяхъ Амьенскаго собора, XIII вѣка¹.

Фиг. 33.
Игрецъ на четырнадцати-струнномъ псалтирѣ, изъ рукописи XIV вѣка (въ Брюсселѣ). Инструментъ поддерживается руками играющаго.

Фиг. 34.
Ангелъ, играющій палочками или перышками на многострунномъ псалтирѣ, съ живописи Гемлинга (XV вѣка) на ракъ св. Урсулы въ Bruges.

1) О числѣ струнъ, не изображенныхъ на инструментѣ, судимъ по количеству отиѣченныхъ колокъ. Во время игры инструментъ держался въ обратномъ положеніи, т. е. узкимъ концомъ внизъ, а широкимъ — вверхъ.

Фиг. 35.

Венера, играющая, сидя на многострунномъ псалтирѣ, покоящемся узкимъ основаніемъ своимъ на колѣнахъ играющей, изъ рукописи XIV вѣка.

который лежитъ передъ нимъ горизонтально¹. Струны псалтирей, по свидѣтельству Герсона (Gerson: Opera omnia. T. III, p. 627), были серебряныя или состояли изъ смѣси золота съ серебромъ. Онѣ издавали острые звуки и требовали мягкой игры. Число струнъ на псалтиряхъ не было точно опредѣлено и подвергалось большимъ колебаніямъ. Въ то время какъ древнѣйшіе псалтири имѣли 6, 10, 12, 15 струнъ, уже въ XIII вѣкѣ число послѣднихъ достигало иногда до 32, а въ XVI столѣтіи даже до 76, или вѣрнѣе до 38 паръ струнъ (такъ какъ въ данномъ случаѣ онѣ настраивались попарно)². Прэторіусъ приводитъ слѣдующее изображеніе псалтире-образнаго трапецевиднаго

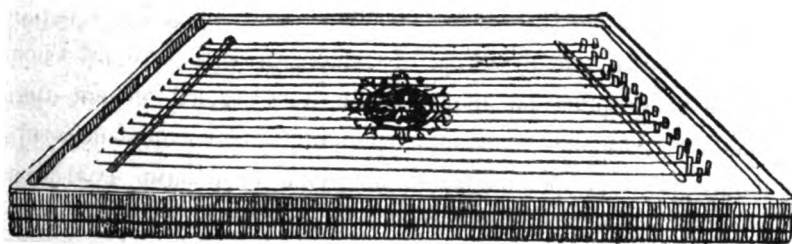
1) Всѣ эти изображенія взяты изъ неоднократно уже названной мною статьи Куссемакера, въ Ann. arch. de Didron. III, 269; IX, 330—334.

2) Fétis: Hist. gén. de la mus. V, 154.

Фиг. 36.

Младенецъ Исусъ среди толпы ангеловъ-музыкантовъ играетъ на псалтирѣ, лежащемъ передъ Нимъ горизонтально, изъ миниатюры XIV вѣка (въ Парижѣ).

Фиг. 37.

Трапецевидный струнный инструментъ, характеризуемый Прэторіусомъ такъ: «родъ цимбала, но играется пальцами» (Eine Art eines Hackebrets, wird aber mit Fingern gegriffen).

инструмента (фиг. 37), сближаемаго имъ съ цимбалами (ср. ниже, «Прибавленіе»), не давая ему, однако, спеціальнаго названія¹. Еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія въ Америкѣ былъ въ употребленіи очевидно именно этотъ инструментъ, сохранившій старинное названіе *Psalterion* или *Salterion* и состоявшій изъ трапецевиднаго (вышиною въ 4 дюйма) ящика съ голосной доской и протянутыми въ немъ металлическими струнами, въ объемѣ трехъ октавъ. Инструментъ лежалъ горизонтально передъ игрокомъ, ударявшимъ по струнамъ пальцами².

д) Гусли-псалтирь.

Олеарій, путешествовавшій по Россіи въ 1630-хъ годахъ и составившій подробное описаніе своего путешествія въ Московію, сообщаетъ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о замѣченныхъ имъ на пути музыкальныхъ увеселеніяхъ русскаго народа. На боярскихъ свадьбахъ русскихъ, по его словамъ, играла разная музыка, между прочимъ — на инструментѣ, называемомъ псалтирь (*Psaltir*)³. Иноземное названіе инструмента указываетъ на заимствованіе его извнѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что упоминаемый Олеаріемъ псалтирь русскихъ музыкантовъ, слышанный имъ въ первой половинѣ XVII столѣтія, но конечно вошедшій въ Россію въ употребленіе гораздо раньше этого времени, былъ одинъ изъ видовъ заимствованнаго съ востока трапецевиднаго, съ закругленными сторонами, *Psalterium*'а. Это доказывается и даннымъ Олеаріемъ изображеніемъ музыканта, играющаго на такомъ инструментѣ. Должно замѣтить, что въ Россію получила наибольшее распространеніе, такъ сказать, полное право гражданства, именно указанная трапецевидная форма псалтиря, съ закругленными обыкновенно кнаружи сторонами, вслѣдствіе

1) Praetorius: Synt. mus. II, Col. XXXVI, Fig. 1.

2) Schilling: Encyclopädie der gesammten musikalischen Wissenschaft. 1836. V, 566—567: «Psalter».

3) Olearius: Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung. 1656. S. 215.

чего инструментъ нерѣдко получалъ полукруглое очертаніе (иногда, впрочемъ, встрѣчаются изображенія треугольныхъ псалтирей съ прямыми или слегка вогнутыми боками). Сказанное подтверждается имѣющимися описаніями и изображеніями русскаго музыкальнаго инструмента — псалтиря изъ XIV, XVI, XVII и XVIII столѣтій, а равно и сохранившимися экземплярами его изъ XIX вѣка. Я указывалъ уже раньше на то, что слово гусли нерѣдко выражало собою вообще струнные инструменты; тѣмъ легче могло оно, даже въ смыслѣ болѣе спеціальнаго названія, быть даваемо и близко-родственному древнерусскимъ гуслимъ псалтирю.

Гусли-псалтирь треугольной формы изображаются на русскихъ миниатюрахъ уже XIV вѣка, въ рукахъ, или точнѣе на груди или на животѣ, играющихъ на нихъ пальцами царя Давида

Фиг. 38.

Заглавная буква Д,—миниатюра изъ рукописнаго псалтиря XIV вѣка, изображающая играца на треугольныхъ гуслиахъ-псалтирѣ.

Фиг. 39.

Заглавная буква Т,—миниатюра изъ того же псалтиря, какъ и Фиг. 38, также изображающая играца на треугольныхъ гуслиахъ-псалтирѣ.

или другихъ лицъ. Таковы напр. слѣдующіе рисунки, заимствованные изъ рукописнаго псалтиря XIV столѣтія (Фиг. 38, 39) и

Фиг. 40.

Заглавная буква Д, — миниатюра изъ служебника XIV вѣка, изображающая играца на трапецевидныхъ съ закругленными углами, почти полукруглыхъ гуслихъ-псалтирь.

изъ служебника того же вѣка (фиг. 40). Первая и третья изъ этихъ фигуръ изображаютъ заглавную букву Д, а вторая — заглавную же букву Т¹.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такой же формы «гусли» были въ употребленіи въ Россіи и въ XV вѣкѣ, такъ какъ форма эта повторяется и въ рисункахъ XVI столѣтія. Таковы напр. слѣдующія изображенія (фиг. 41 и 42). Эти двѣ картинки Новгородской работы заимствованы изъ Макарьевской Четвы - Миней за августъ (въ Синодальной библиотекѣ № 997), писанной по повелѣнію преосвященнаго архіепископа Новгородскаго и Псковскаго, Макарія, въ 1542 году. Надъ первой изъ нихъ (фиг. 41) помѣщена надпись слѣдующаго содержанія: «Царь Давидъ пасяше овцы и играша въ гусли егда бѣ младъ у отца своего Іесѣя». Вторая (фиг. 42) изображаетъ царя Давида, сидящаго съ гуслими въ рукахъ на престолѣ, окруженнаго толпою поющихъ и играющихъ на разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ². Въ русскомъ азбучникѣ XVI столѣтія находимъ слѣдующее опредѣленіе: «Псалтирь во Евреяхъ бѣ сотворенъ сосудъ древянъ, на немъ же бяху десять струнъ и нарицашеся той сосудъ по гречески псалтирь,

1) Прохоровъ: Русск. древн. Кн. VI, стр. 59—61 (ср. относящіяся сюда рисунки).

2) Буслаевъ: Историческіе очерки русской народной словесности и искусства 1861 г. II, стр. 325 (ср. рис. 1 и 2 сюда относящіяся).

а по славенски пѣсневецъ». Въ Словарѣ Беринды (1627 г.) псалтирь переводится между прочимъ словами: пѣсница, арфа¹.

Изображенія гуслей-псалтиря на русскихъ миниатюрахъ XIV вѣка доказываютъ, что данный видъ гуслей былъ въ это время уже въ употребленіи въ Россіи. Вѣроятно, не только о первобытныхъ до-скообразныхъ гусляхъ, но и о такихъ гусляхъ-

псалтиряхъ говорится въ духовныхъ поученіяхъ и соборныхъ постановленіяхъ, по крайней мѣрѣ начиная съ XIV вѣка, напр. въ посланіи игумена Памфила (1505 г.), порицавшаго «струнное гуденіе»², т. е. гусельную игру; въ поученіи митрополита Даниила (1522—1539), осуждавшаго лицъ духовнаго званія, играющихъ «въ гусли, въ домры»³, и т. д.; въ Стоглавѣ (1551), пори-

црѣдѣ въ пасѣ шѣ ѡвцы и ѡгаша
гусли еѣга в ѣмла ѡ ѡчасво
ѣго іѣсѣа

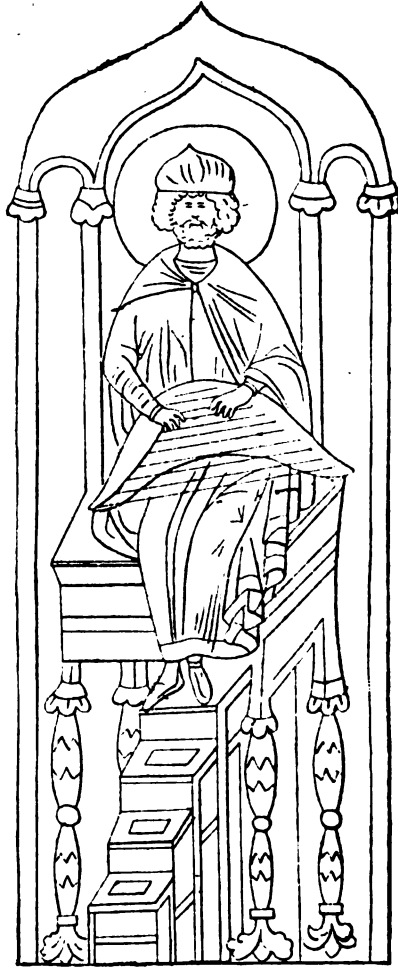
Фиг. 41.

Давидъ-пастырь, окруженный стадомъ, играетъ пальцами на полукруглыхъ одиннадцати-струнныхъ гусляхъ-псалтирь, покоящихся у него на колѣнахъ, — миниатюра изъ Макарьевской Четвы-Минеи 1542 г.

1) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. II, в, 85, 180.

2) Дополненіе къ Актамъ историческимъ, изд. Археогр. Коммис. 1846—1875. I, 18.

3) Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Григорьемъ Кушелевымъ-Безбородко. IV (1862 г.). Стр. 201.

Фиг. 42.

Царь - Давидъ, возсѣдающій на престолѣ, окруженный хорами пѣвцовъ и музыкантовъ, здѣсь не изображенныхъ, держитъ на колѣнахъ полукруглыя одиннадцати-струныя гусли-псалтырь, на которыхъ играетъ пальцами, — миниатюра изъ того же памятника, какъ фиг. 41.

цающемъ «гусли и смыки и сопѣли и всякое гуденіе»; также въ старинныхъ русскихъ повѣстяхъ, притчахъ, сказкахъ, и т. п.; напр. въ повѣсти о прекрасномъ Девгеніи читаемъ: «нача (Девгеній) веселится во всю ночь, и повелѣша людемъ своимъ въ тинпаны и въ набаты бить, и въ сурны играти, сія рѣчь трубить и въ гусли играти»; старый мужъ, сватаясь къ дѣвицѣ, по словамъ старинной притчи, обращается къ дѣвицѣ со слѣдующею рѣчью: «і сотворю тебѣ пиръ великїи і на пиру велю всякую потѣху играти гусельникомъ и трубникомъ и пляску»; въ сказкѣ объ Иванѣ Пономаревичѣ (изъ сборника рукописей Буслая) читаемъ: «нача (Иванъ) в гусли играти преславны игры»¹, и т. п.

Обращаюсь къ изображенію псалтыря XVII вѣка. Гусельники, игравшіе при дворѣ царя Михаила Ѳедоровича², претерпѣвали,

1) Тамъ же: II (1860), 319, 387, 453.

2) Изъ именъ гусельниковъ, потѣшавшихъ своею игрою царя Михаила Ѳедоровича, сохранились слѣдующія: Уѣзда, Богдаска Власьевъ (1626 г.),

какъ замѣчено мною было уже раньше, довольно опасную конкуренцію въ лицѣ подвизавшихся на одномъ съ ними поприщѣ органиковъ, клавикордниковъ, цимбальниковъ, скрипотчиковъ, а потому нѣтъ сомнѣнiя, что они запасались инструментами болѣе усовершенствованными, а именно псалтире-образными, многострунными гуслими. Такой формы гусли (Psaltir, по свидѣтельству Олеарiя) мы встрѣчаемъ въ началѣ XVII вѣка въ рукахъ русскихъ гусяровъ на свадьбахъ, а также при кукольной комедiи, у уличныхъ музыкантовъ, какъ видно изъ рисунка (фиг. 43), заим-

Фиг. 43.

Народныя сельскiя увеселенiя первой половины XVII вѣка, изъ описанiя путешествiя въ Московiю Олеарiя. На первомъ планѣ представленiе кукольной комедiи. Направо два музыканта, играющiе одинъ на псалтирѣ, другой — на гудкѣ. Налѣво — игры молодежи. На заднемъ планѣ — представленiе медвѣжьей комедiи¹.

Любимъ Ивановъ (1629 г.). См. у Забѣлина: Домашнiй бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII стол. 1872 г. Стр. 441.

1) Подробное описанiе кукольной и медвѣжьей комедiй см. Скоморохи. 105 и сл., 118 и сл.

ствованнаго у Олеарія¹. Инструментъ, называемый «псалтирь» (Psaltir), по описанію Олеарія, почти имѣетъ видъ цимбаловъ (Hackebret). Его держатъ на колѣнахъ и играютъ на немъ пальцами, какъ на арфѣ². Слова эти вполне поясняются даннымъ рисункомъ.

Въ царствованіе царей Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемъ гусли (и другія музыкальныя орудія), какъ въ рукахъ скомороховъ, такъ и въ домахъ москвичей, богатыхъ и бѣдныхъ, встрѣчаемъ ихъ и среди крестьянъ,—у послѣднихъ вѣроятно въ простѣйшей, первобытной ихъ формѣ. При обоихъ названныхъ царяхъ, въ особенности же при Алексѣе Михайловичѣ, начавшееся еще въ XV вѣкѣ преслѣдованіе скомороховъ, главнѣйшихъ представителей инструментальной игры, достигаетъ высшаго предѣла: воздвигается усиленное, энергическое гоненіе противъ скомороховъ и ихъ музыки, а также противъ музыкальныхъ инструментовъ вообще. По свидѣтельству Олеарія, патріархъ (Иоасафъ) повелѣлъ не только запретить игру кабачьимъ музыкантамъ (скоморохамъ) и разбивать и уничтожать ихъ инструменты, гдѣ таковыя попадутся, но и вообще запретилъ Русскимъ всякаго рода инструментальную музыку, приказавъ въ домахъ вездѣ отобрать музыкальныя инструменты и сжечь ихъ на Москвѣ рѣкѣ. Распоряженіе это, однако, не распространялось на дома Нѣмцевъ, а также на палаты боярина Никиты Ивановича Романова, которому патріархъ многого приказывать не осмѣливался и который имѣлъ у себя разные музыкальныя инструменты³. Въ царской грамотѣ (1648 г.) приказывалось, чтобы «скомороховъ съ м(д)омрами и съ гусли и съ волюнками и со всякими игры... въ домъ къ себѣ не призывали», и далѣе въ той же грамотѣ читаемъ: «А гдѣ объявятся домры и сурны и гудки и гусли и хари (= маски) и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды, и тыбъ тѣ бѣсовскіе велѣлъ вынимать и, изло-

1) Olcarius: Verm. Mosc. und Pers. Reisebeschr. 193.

2) Тамъ же: 215.

3) Тамъ же: 302.

мавъ тѣ бѣсовскіе игры, велѣлъ жечь»¹. Въ 1657 году ростовскій митрополитъ Іона особою «памятью» предписывалъ, чтобы скомороховъ не было «и въ гусли бѣ и въ домры и въ сурны и въ волюнки... не играли, а буде... учнутъ... скомрахи въ гусли и домры... играть,... и темъ скомрахомъ... быть отъ него святителя въ великомъ смиреніи и наказаніи безъ пощады и во отлученіи отъ церкви»². Въ Наказѣ монастырскимъ прикащикамъ (XVII в.) предписывалось крестьянамъ, подъ угрозою пени, чтобы они (крестьяне) «въ сопѣли и въ гусли, и въ гудки и въ домры... не играли и въ домѣхъ у себя не держали»³. Изъ этихъ свидѣтельствъ усматриваемъ, что гусли, въ числѣ прочихъ музыкальныхъ инструментовъ, въ данную пору (въ XVII в.) были распространены какъ между скоморохами, такъ и въ средѣ народа, и пользовались немалымъ расположеніемъ послѣдняго. Власти вторгались въ дома мирныхъ гражданъ и вырывали изъ ихъ рукъ и уничтожали находимыя тамъ музыкальныя орудія. Но послѣдняя мѣра могла имѣть только временное значеніе: при ослабленіи преслѣдованій несомнѣнно заводились новые инструменты, взамѣнъ уничтоженныхъ. Доказательствомъ тому служатъ многочисленныя свидѣтельства писателей XVIII вѣка, неоднократно упоминающихъ о русскихъ гусяхъ, которыя у иноземныхъ авторовъ получаютъ обыкновенно названіе арфы или точнѣе: лежачей арфы, горизонтальной арфы, также встрѣчающіяся изображенія псалтиревидныхъ гуслей на народныхъ картинкахъ, въ родѣ нижеслѣдующей (фиг. 44). Подъ этой картинкой, изображающей обезьяну въ роли учителя музыки, помѣщена надпись, неудобовоспроизводимая въ полномъ ея составѣ. Надпись начинается такъ: «Котъ вступилъ внауку: взялъ іноту вруку. а кошка за гусли села», и т. д.⁴ Инструментъ, на которомъ лапками играетъ кошка, есть трапе-

1) Ивановъ: Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ. 1850 г. 296 и сл.

2) Акты собранные и изданные археографическою экспедиціею. 1836 г. IV, № 98.

3) Акты юридическіе, изд. археографическою комиссіею. 1838 г. № 334.

4) Ровинскій: Русскія народныя картинки. Атласъ: № 267.

циевидная горизонтальная арфа, или гусли-псалтирь, совпадающія по виду съ вышеупомянутымъ цимбаловиднымъ инструментомъ, описаннымъ и изображеннымъ у Прэторіуса (см. выше, фиг. 37).

Фиг. 44.

Русская народная картинка съ иностраннаго оригинала. Кошка играетъ лапками на трапецевидныхъ гусяхъ-псалтирь.

Авторъ сочиненія «Das veränderte Russland», первое изданіе котораго вышло въ 1721 году, описывая современные ему нравы Русскихъ, перечисляетъ «обычные» ихъ инструменты: охотничій рогъ (Jagdhorn), бубны (Paucken), гусли (Harffen) и волюнки (Sackpfeiffen)¹. Разумѣется, подъ именемъ арфы здѣсь слѣдуетъ понимать гусли или гусли-псалтирь. — По свидѣтельству путешественника Лебрёна (1732 г.), самыми обычными были у Русскихъ тѣ же инструменты: гусли (la harpe), бубны (les timbales), волюнка (la cornemuse) и охотничій рогъ (le cor de chasse)². Можетъ быть, впрочемъ, свѣдѣнія эти, столь точно совпадающія со свидѣтельствомъ предыдущаго автора, по-

1) Изд. 2-е, 1744 г. I, 414.

2) Lebrun: Voyages. 1732. III, 113.

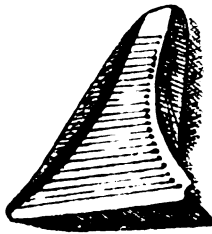
черпнуты изъ только что приведеннаго сочиненія сего послѣдняго.—Георги, въ концѣ XVIII вѣка описывавшій Россію со стороны культурной, такъ выражается о русскихъ гусяхъ: «Гусли—лежачая арфа съ металлическими (собственно «проволочными») струнами (Drathsaiten). Въ общемъ строеніи своемъ гусли имѣютъ большое сходство съ вошедшимъ въ употребленіе въ южной Германіи псалтиремъ (Psalterium). Они представляютъ уже всѣ діатоническіе интервалы. Весь объемъ ихъ достигаетъ нѣсколькихъ тоновъ свѣше двухъ октавъ. Полутоновъ нѣтъ; чтобы добыть таковой, щиплютъ струну близъ кобылки (Steg). Струны этой лежачей арфы, по внѣшнему виду сходной съ цимбалами (Hackebrett, см. ниже), не ударяются молоточками, какъ у цимбаловъ, но играютъ пальцами. Это представляетъ то преимущество, что гуденіе струнъ заглушается сразу помощью наложенія на нихъ части ладони, между тѣмъ какъ концы пальцевъ касаются другихъ струнъ. Въ разныхъ полкахъ, прибавляетъ Георги, я находилъ нѣкоторыхъ солдатъ, игравшихъ на гусяхъ съ достаточнымъ искусствомъ»¹. Не подлежитъ, слѣдовательно, сомнѣнію, что Георги видѣлъ въ Россіи инструментъ, сходный съ упомянутымъ выше (фиг. 37), изображеннымъ у Прэторіуса, и въ то же время близко сходствующій съ приведенными выше русскими гусями-псалтирями, также съ изображенными на вышеприведенной народной картинкѣ (фиг. 44).

Профессоръ Императорской Академіи Наукъ, Г. Ф. Миллеръ, по возвращеніи своемъ въ 1743 году изъ камчатской экспедиціи, описывая бытъ живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, поименовываетъ и ихъ музыкальныя орудія. При этомъ онъ замѣчаетъ слѣдующее: «изъ игральныхъ инструментовъ первой у нихъ есть на подобіе лежачей гарфы², видомъ

1) Georgi: Bemerkungen über Russland in Rücksicht auf Wissenschaft, Kunst, Religion und andere merkwürdige Verhältnisse. 1788. I, 363.

2) Лежачей или горизонтальной арфой называютъ гусли, между прочимъ, еще слѣдующіе авторы: Штелинъ (въ 1770 г.), Гютри (въ 1795 г.), Фетисъ (въ 1835 г.), Энциклопедическій лексиконъ (въ 1838 г.) и др. Соотвѣтствующія цитаты помѣщены въ другихъ мѣстахъ настоящей статьи.

полумѣсяца, объ 18 струнахъ. Такіе инструменты употребительны и у Русскихъ, которые называются гуслими»¹. Здѣсь очевидно рѣчь идетъ не о первобытной формѣ гуслей съ небольшимъ числомъ струнъ, а объ усовершенствованной многострунной ихъ формѣ, имѣющей очертаніе трапеціи съ закругленными углами и сторонами, въ родѣ гуслей-псалтиря, изображенныхъ выше на колѣнахъ у царя Давида, въ фиг. 41 и 42. Число струнъ—18 совпадаетъ съ только что приведеннымъ свидѣтельствомъ Георга о русскихъ псалтиривидныхъ гусяхъ, настроенныхъ діатонически и имѣвшихъ объемъ двухъ октавъ съ прибавкой еще нѣсколькихъ тоновъ, что и составитъ всего около 18 струнъ. Подтвержденіемъ свидѣтельства Миллера можетъ служить интересный фактъ, что

Фиг. 45.

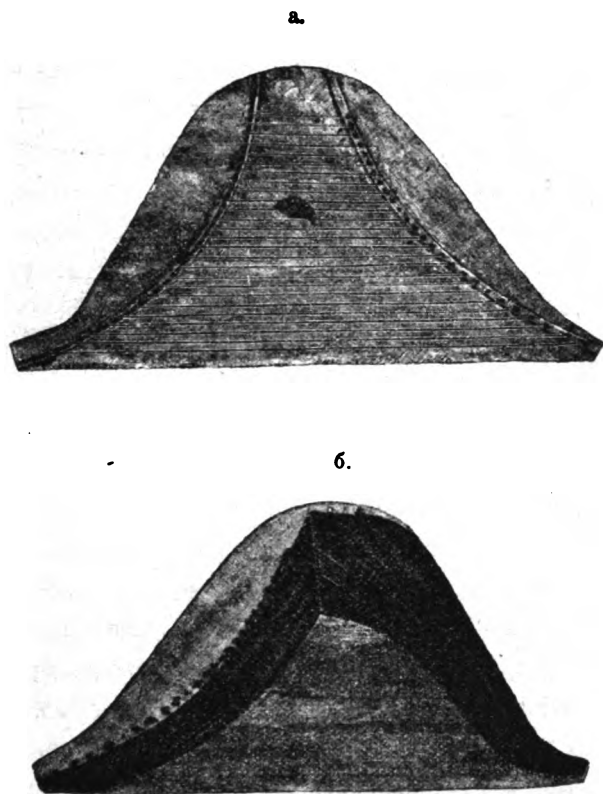
Черемисскія двадцатитрех-струнные почти полукруглыя гусли, съ фотографическаго ихъ изображенія въ полупрофилѣ.

еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ Костромской губерніи у одного черемиса найдены были 23-струнные гусли сходной формы, изображеніе которыхъ въ полуоборотѣ здѣсь воспроизводится съ фотографическаго снимка, полученнаго мною отъ М. О. Пѣтухова (фиг. 45). Оригиналъ этого инструмента, къ сожалѣнію, не былъ своевременно пріобрѣтенъ для какой нибудь русской коллекціи, а сдѣлался достояніемъ музея Брюссельской консерваторіи. Что данный инструментъ заимствованъ отъ Русскихъ, доказываетъ его русскимъ названіемъ—гусли. По словамъ Миллера (см. выше), упомянутый имъ, сходный съ русскими гуслими, инструментъ у Татаръ называется гусли, у Черемисовъ—кюселѣ, у Чувашъ—гюсселѣ², словомъ восточные инородцы заимствовали у Русскихъ псалтиривидныя гусли вмѣстѣ съ ихъ русскимъ названіемъ, почти не измѣнившимся въ ихъ устахъ.

1) Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ. 1791 г. Стр. 80.—Ср. статью того же автора: «Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ Казанской губерніи», въ Ежемесячныхъ академическихъ сочиненіяхъ 1756 г., 2-я половина, стр. 145.

2) Опис. жив. въ Каз. губ. яз. нар. 80.

Привожу изображеніе такого же инструмента, снятое съ экземпляра, принадлежащаго музею Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и полученнаго Обществомъ въ даръ въ 1865 году отъ В. А. Подгурскаго. Это Чувашскія гусли изъ Василь-Сурскаго уѣзда Нижегородской губ. ¹ (фиг. 46 а, б).

Фиг. 46.

Чувашскія двадцатишести-струнныя почти полукруглыя гусли музея Имп. Русск. Геогр. Общ. (приблизительно $\frac{1}{11}$ натур. величины): а — сверху (со стороны струнь), б — снизу (со стороны голоснаго ящика). Для большей наглядности нижняя сторона инструмента снята нѣсколько сбоку: съ лѣвой стороны рисунка (б) видно продолженіе, внѣ голоснаго ящика, голосной доски, снабжен-ной колками; вся остальная часть рисунка представляетъ голосной ящикъ, имѣющій плоское, почти треугольное дно и нѣсколько изогнутыя стѣнки, на рисункѣ очень затѣянные. Недостающія, оборванныя на оригиналѣ струны воспроизведены на фигурѣ а.

1) См. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ. 1865 г. Т. I, стр. 151.

Гусли эти имѣютъ 26 струнъ и совершенно сходны съ вышеупомянутыми 23-струнными гусями, приобретенными отъ костромскаго черемиса; онѣ приближаются и къ формѣ полумѣсяца, съ которою въ прошедшемъ столѣтїи сравнивалъ Миллеръ гуслеобразный инструментъ нашихъ восточныхъ инородцевъ. Драгоценный экземпляръ этотъ совершенно наглядно воспроизводитъ оригиналъ, съ котораго въ началѣ XVII вѣка срисовывалъ русскій псалтирь Олеарій (ср. выше, стр. 97, фиг. 43), а равно и «гусли», изображавшіяся на русскихъ миниатюрахъ начиная съ XIV вѣка (ср. выше, фиг. 40—42). Въ полу-профилѣ видъ этого инструмента совпадаетъ съ вышеприведенной фиг. 45.—Въ числѣ музыкальныхъ инструментовъ, доставленныхъ на Московскую этнографическую выставку 1867 года, были и чувашскія гусли о 34 струнахъ¹. Строй этихъ гуслей-псалтирей восточныхъ народовъ къ сожалѣнію не былъ опредѣленъ на мѣстѣ (хранящіеся въ музеяхъ экземпляры обыкновенно разстроены до неузнаваемости строя, или даже вовсе лишены всѣхъ или многихъ струнъ); но, въ виду того, что это — инструменты, очевидно заимствованные у Русскихъ, имѣемъ основаніе предполагать, что строй ихъ діатоническій, какъ у оригинальнаго инструмента, русскихъ «гуслей—лежачей арфы», описанныхъ Георги (ср. выше, стр. 101), а можетъ быть, именно у снабженныхъ бѣльшимъ количествомъ струнъ, и хроматическій, какъ у болѣе усовершенствованныхъ, клавирообразныхъ русскихъ гуслей (см. ниже, стр. 106 и сл.).—И такъ, въ то время какъ западныя Финны въ древнѣйшія времена заимствовали у Русскихъ первобытную, простѣйшую форму гуслей, получившихъ у нихъ производное отъ «гусли» названіе «kantele», финскіе народы восточные (Черемисы), также Чуваши и Татары заимствовали отъ Русскихъ, въ позднѣйшія времена, усовершенствованную форму гуслей (псалтирь), удержавъ и русское названіе этого инструмента вполне или почти безъ измѣненія — «кюселъ», «гюссль», «гусли».

1) См. Сборн. антропол. и этн. свѣд. I, 163.

е) Новѣйшія усовершенствованныя русскія гусли.

Въ XVIII столѣтія гусли появляются въ продажѣ у инструментальныхъ мастеровъ, строившихъ и другіе музыкальные инструменты, салонные и оркестровые, западно-европейскіе. Такъ напр. въ 1752 году встрѣчаемъ газетное объявленіе отъ музыкальныхъ инструментовъ мастера Икгольма, предлагающаго публикѣ: «клавицимбалы, клавикорты, гусли, контрбасы и скрипицы»¹. Само собою разумѣется, что упомянутыя здѣсь гусли представляли уже инструментъ усовершенствованный, барскій, стоявшій на болѣе или менѣе одинаковомъ художественномъ уровнѣ съ прочими, рядомъ съ ними поименованными музыкальными орудіями. Ригельманъ, писавшій въ концѣ XVIII столѣтія, говоритъ о малорусскихъ городскихъ музыкантахъ, искусно игравшихъ на разныхъ инструментахъ, между прочимъ и на гусяхъ: «изъ нихъ (Малоруссовъ) много музыкантовъ бываетъ — пишетъ онъ. Игра ихъ болѣе на скрипкахъ, на скрипичномъ басѣ, на цимбалахъ, на гусяхъ, на бандурѣ, на люгнѣ, притомъ и на трубахъ»². Здѣсь рѣчь идегъ, вѣроятно, уже о гусяхъ въ послѣднемъ, наиболѣе усовершенствованномъ фазисѣ ихъ развитія, такъ какъ во второй половинѣ XVIII вѣка (если не раньше) установилась форма этого инструмента, удерживающаяся и понынѣ у городскихъ жителей въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда еще употребляютъ гусли, какъ музыкальный инструментъ. «Еще недавно — писалъ въ 1856 году Кулишъ — на гусяхъ игрывали въ Малороссіи дворяне стараго вѣка; теперь вы ихъ найдете только у священниковъ; а одинъ только разъ, именно въ 1853 году, я встрѣтилъ этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпаго пѣвца-нищаго, въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи»³. Трапецевидная форма гуслей-псалтиря продолжаетъ удерживаться по отношенію къ рамкѣ, въ которой заключаются струны, но самая рамка вмѣ-

1) С.-Петербургскія Вѣдомости 1752 г. № 85.

2) Прибавленіе къ Лѣтописному повѣствованію о Малой Россіи 1785—1786 г., въ Чтеніяхъ Имп. Общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ 1847 г. Апрель, стр. 87.

3) Кулишъ: Записки о южной Руси. 1856. I, стр. 189, прим.

щается въ плоскій продолговатый четверугольный ящикъ. Подъ струнами, во всю ширину ящика распространяется голосная доска (въ псалтиревидныхъ гусяхъ только сравнительно узкими полосами выступающая за предѣлы рамки), снабженная тремя или болѣе голосниками. Ящикъ обыкновенно закрывается крышкой и ставится на столъ, или же снабжается четырьмя ножками, по одной на каждый его уголъ. Привожу нѣкоторыя свидѣтельства современниковъ о такихъ гусяхъ послѣдней конструкціи. Штелинь, съ 1738 года состоявшій профессоромъ историческаго класса Императорской Академіи Наукъ¹ и, въ качествѣ очевидца, сообщившій многія интересныя свѣдѣнія о музыкѣ и театрѣ въ Россіи въ прошедшемъ столѣтіи, даетъ слѣдующее описаніе гуслей, употреблявшихся въ барскихъ домахъ въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка: «Гусли или лежачая арфа — пишетъ Штелинь — по устройству, виду и величинѣ совершенно сходны съ обыкновеннымъ клавиромъ (клавикордами), съ тою только разницею, что онѣ не снабжены тангентами². На мѣдныхъ струнахъ, натянутыхъ въ гусяхъ какъ у клавира и прикрѣпленныхъ къ желѣзнымъ колкамъ или шпенечкамъ, иногда настроенныхъ уже и въ полутонахъ, играютъ пальцами обѣихъ рукъ: пальцы касаются струнъ, или рвутъ ихъ. При соблюденіи, во время игры, попеременнаго *Piano* и *Forte*, что имѣетъ мѣсто въ исполненіи лучшихъ игроковъ, звукъ гуслей бываетъ дѣйствительно весьма пріятный, полный, и издали сходствуетъ съ органнымъ регистромъ закрытыхъ трубъ. Вслѣдствіе того гусли употребляются во многихъ знатныхъ домахъ для застольной музыки и производятъ такой же эффектъ, какъ

1) См. Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ. V (1889), стр. 4.

2) Клавиръ (или клавикорды) состоялъ изъ плоскаго четверугольнаго ящика, покоившагося на ножкахъ или на особенной подставкѣ. Надъ этимъ ящикомъ натянуты были струны (по двѣ на каждый тонъ), которыя приводились въ колебаніе посредствомъ металлическихъ (мѣдныхъ или желѣзныхъ) палочекъ (тангентовъ), прикасавшихся къ струнамъ на подобіе смычка. Тангенты же приводились въ движеніе посредствомъ клавишей (*claves*), расположенныхъ рядомъ, въ видѣ обычной фортепіанной клавиатуры, — отсюда и названіе «клавиръ». См. подробное описаніе клавира у Schilling: *Encycl. der ges. mus. Wiss.* IV, 132 sqq.: «Klavier».

совокупность трехъ или четырехъ инструментовъ; онѣ превосходятъ лучшій клавесинъ, издавая болѣе продолжительный и шире раздающійся тонъ. Притомъ же многіе русскіе мастера или гуслисты нынѣ до того усовершенствовали свою игру, что съ большою бѣгlostью и пріятностью, въ полныхъ аккордахъ, исполняютъ новѣйшія итальянскія произведенія: театральные балеты, оперныя аріи и цѣлыя партиты»¹.

Георги, свидѣтельство котораго о псалтиревидныхъ гусяхъ приведено мною выше (стр. 101), упоминаетъ и объ усовершенствованныхъ гусяхъ, снабженныхъ полутонами (ср. выше, сходныя слова Штелина), прибавляя, что соответствующія имъ струны натянуты были нѣсколько ниже струнъ діатоническихъ (т.-е. на уровнѣ нѣсколько болѣе низкомъ, чѣмъ послѣднія). При проведеніи пальца *glissando* по струнамъ, звучали, вслѣдствіе того, только струны діатоническаго звукоряда; что же касается полутоновъ, то ихъ во время игры приходилось выщипывать въ промежуткахъ между прочими струнами². О звукѣ гуслей тотъ же авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что гусли звучатъ пріятно, что на нихъ можно многое разыгрывать, и что, вслѣдствіе того, онѣ еще иногда встрѣчаются и слушаются въ хорошихъ домахъ (слова эти писаны 20 лѣтъ спустя послѣ вышеприведеннаго свидѣтельства Штелина). «Внѣ столицы гусли часто служатъ для застольной музыки, или сами по себѣ, или съ пѣніемъ», прибавляетъ Георгі³.

1) Stählin: Nachrichten von der Musik in Russland, вѣ Haygold's Beylagen zum neuveränderten Russland. II. 1770. § 19.

2) Georgi: Bemerk. üb. Russl. I, 364.

3) Georgi: Versuch einer Beschreibung der russischen kaiserlichen Residenzstadt St.-Petersburg. 1790. II, 396.— Не останавливаясь здѣсь на описаніи гуслей, нашедшемъ себѣ мѣсто въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» 1838 г. Т. XV, стр. 254, такъ какъ составитель данной статьи о гусяхъ въ сущности только повторилъ отчасти, и то съ грубой ошибкой, вышеприведенное (стр. 101) описаніе гуслей Георгі. Послѣдній авторъ говоритъ, что на гусяхъ играютъ не палочками, какъ на цимбалахъ, а прямо пальцами; а авторъ статьи о гусяхъ въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ сообщаетъ, будто бы на гусяхъ играютъ «или перебирая струны пальцами, или ударяя по струнамъ двумя металлическими палочками». Это сообщеніе невѣрно, такъ какъ, судя по всѣмъ преданіямъ, рисункамъ и удержавшейся еще практикѣ игры на гусяхъ, очевидно,

Гусельная игра въ XVIII столѣтїи пользовалась вниманіемъ и при дворѣ. Такъ напр. около 1730 года придворнымъ гуслистомъ былъ Маньковскій, упоминаемый Марковичемъ въ 1733 году, по случаю имѣвшей мѣсто въ этомъ году свадьбы этого виртуоза¹. Въ 1738 году послѣдовалъ именной Высочайшій указъ гвардіи майору Шипову объ учрежденіи въ Малороссіи школы, въ которую набирались, для пополненія придворнаго хора, обладавшія лучшими голосами дѣти; здѣсь послѣднихъ обучали пѣнію и «струнной музыкѣ», именно игрѣ на скрипкѣ, гусяхъ и бандурѣ, и обученныхъ тому и другому отправляли въ Петербургъ ко двору². Вѣроятно изъ среды питомцевъ этой школы происходили и нѣкоторые придворные гуслисты XVIII столѣтїя. Около 1780 года въ должности придворнаго гуслиста состоялъ Трутовскій, положившій, между прочимъ, на музыку стихотвореніе Державина «Кружка»³.

что «палочекъ» никогда для игры на русскихъ гусяхъ не употребляли. Авторъ данной замѣтки очевидно, измѣняя слова Георги, имѣлъ въ виду цимбалы (иногда дѣйствительно неточно называвшіеся гусями), по струнамъ которыхъ играютъ палочками. Собственно-же гусли всегда игрались пальцами.

1) Марковичъ: Дневныя записки. 1859 г. I, 414 (подъ 1733 годомъ).

2) Вотъ подлинныя слова этого указа: «Вы требуете резолюціи, оставшихъ за отсылкою сюда пѣвчихъ четырехъ человекъ содержать ли, или распустить, на что во Всемилостивѣйшую Нашу резолюцію вамъ повелѣваемъ... Изъ упомянутыхъ пѣвчихъ оставить одного регента, который бы въ пѣніи четвероголосномъ и партесномъ былъ совершенно искусенъ, и учредить небольшую школу, въ которую набирать со всей Малой Россіи изъ церковниковъ, тако жъ изъ казачьихъ и мѣщанскихъ дѣтей и изъ прочихъ и содержать всегда въ той школѣ до 20 человекъ, выбирая, чтобъ самыя лучшіе голоса были, и велѣть ихъ оному регенту обучать Кіевскаго, тако жъ и партеснаго пѣнія, а притомъ сыскавъ искусныхъ мастеровъ изъ иностранныхъ и изъ Малороссійскихъ, и велѣть изъ оныхъ же учениковъ обучать и струнной музыкѣ, а именно на скрипкѣ, на гусяхъ и на бандурѣ, дабы могли на оныхъ инструментахъ съ нотъ играть и которые пѣнію, тако жъ и на струнной музыкѣ обучены будутъ, изъ тѣхъ по вся годы лучшихъ присылать ко Двору нашему человекъ по 10, а на тѣ мѣста паки вновь набирать, и пока тѣ учителя тамо въ школѣ обучать будутъ, давать имъ надлежащее жалованье, а ученикамъ опредѣлить на пропитанье и платье и обувь, сколько потребно по вашему разсужденію изъ Мало-Россійскихъ доходовъ (Первое Полное Собраніе Законовъ. Т. X, стат. 7656).

3) Державинъ: Записки 1743—1812, съ примѣчаніями Бартенева. 1860 г. Стр. 131, примѣч.

Въ XIX вѣкѣ, въ первой его половинѣ, еще встрѣчались въ народѣ первобытныя гусли, описанныя Фетисомъ, изображенныя Гютри, и экземпляръ которыхъ, недавно поступившій въ собственность музея С.-Петербургской консерваторіи, описанъ и изображенъ мною выше (см. стр. 68 и сл.) и нынѣ представляетъ исключительную рѣдкость. Псалтири, т.-е. треугольныя или трапеціевидныя, или приближающіяся къ формѣ трапеціи, съ закругленными сторонами («видомъ полумѣсяца»), гусли вѣроятно еще попадались въ Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка; теперь же онѣ встрѣчаются, и то весьма рѣдко, только у инородцевъ, занимавшихъ этотъ инструментъ у Русскихъ, но удерживавшихъ эту форму нѣсколько долѣе, подобно тому, какъ Финны, Эсты, Литовцы и Латыши еще удерживаютъ форму инструмента, близкую къ древнѣйшимъ первобытнымъ русскимъ гуслимъ. Гораздо болѣе употребительными были въ началѣ XIX вѣка въ Россіи клавирообразныя гусли. По словамъ одного изъ торговцевъ музыкальными инструментами на Толкучемъ рынкѣ въ Петербургѣ, еще въ 70-хъ годахъ нашего столѣтія приносилось на рынокъ для продажи множество клавирообразныхъ гуслей большей или меньшей величины, которыя покупались лавкой за безцѣнокъ и потомъ, за полнымъ отсутствіемъ спроса на нихъ, пролежавъ долгое время въ лавкѣ, уничтожались, какъ ненужный хламъ. Такія гусли и нынѣ еще встрѣчаются у нѣкоторыхъ любителей старины, въ особенности же среди нашего духовенства, между представителями котораго еще въ самое послѣднее время были и есть замѣчательные виртуозы-натуралисты (я бы могъ назвать нѣсколько именъ), играющіе на гусяхъ, не зная нотъ, выучившись своему искусству на слухъ, по преданію, и такимъ же образомъ передающіе его новѣйшимъ поколѣніямъ. Бывали у насъ, впрочемъ, и виртуозы, заботившіеся о болѣе рациональномъ изученіи игры на гусяхъ. Таковымъ является Ѳедоръ Кушеновъ-Дмитревскій, издавшій въ 1808 году

ж) Школу для гуслей¹.

Школа эта заключаетъ въ себѣ, кромѣ основныхъ элементарныхъ свѣдѣній о нотныхъ знакахъ, счетѣ, музыкальныхъ терминахъ вообще, еще примѣры для упражненій (экзерсисы и гаммы простыми и двойными нотами, для каждой руки отдѣльно и обѣихъ вмѣстѣ), наглядно знакомящіе насъ съ техникой игры на клавироподобныхъ гусяхъ, а также цѣлый рядъ пьесъ, преимущественно — переложеній для гуслей любимыхъ пѣсень и арій того времени, танцевъ, а равно и нѣсколькихъ духовныхъ пѣсень.

Школа Кушенова-Дмитревскаго представляетъ библиографическую рѣдкость. Находившійся въ рукахъ моихъ экземпляръ принадлежалъ князю В. Ѡ. Одоевскому и послѣ его смерти поступилъ въ бібліотеку Румянцевскаго музея. Знакомствомъ своимъ съ этой школой я обязанъ любезности г. Директора Императорской публичной бібліотеки, А. Ѡ. Бычкова, который, по просьбѣ моей, приказалъ выписать на время школу изъ бібліотеки Румянцевскаго музея въ Петербургъ. Въ виду рѣдкости этого сочиненія, считаю не лишнимъ познакомить читателей съ полнымъ заглавіемъ его, съ изображеніемъ гуслей въ немъ помѣщенномъ, съ заглавіемъ важнѣйшихъ отдѣловъ школы, а равно и съ полнымъ перечнемъ заключающихся въ немъ пьесъ для гуслей, который имѣетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что показываетъ, какія пѣсни и аріи пользовались около 1800 года наибольшою любовью русской публики.

1) Еще раньше Кушенова-Дмитревскаго, въ 1802 г., было издано другое руководство къ игрѣ на гусяхъ Померанцевымъ, подъ заглавіемъ: Азбука или способъ самый легчайшій учиться играть на гусяхъ по нотамъ, безъ помощи учителя, по которой можно обучиться въ непродолжительномъ времени и быть знающимъ ноты, и искуснымъ на ономъ инструментѣ игрокомъ, съ приложеніемъ Рускихъ пѣсень. Сочин. Максима Померанцева. М. 1802. 5 руб. Сочиненіе это, отмѣченное въ Росписи російскимъ книгамъ для чтенія изъ бібліотеки Александра Смирдина 1828 г., стр. 423, мнѣ не удалось найти ни въ одномъ изъ петербургскихъ книгохранилищъ. Судя по цѣнѣ обѣихъ названныхъ школъ: Кушенова-Дмитревскаго (10 руб.) и Померанцева (5 руб.), первая вѣроятно гораздо объемистѣе второй.

1. *Заглавный листъ.*

Новѣйшая
Полная школа
или
Самоучитель
для гуслей,

по которому легчайшимъ способомъ безъ помощи учителя, самому собою можно научиться правильно и вѣрно играть на гусляхъ, съ присовокупленіемъ новыхъ Русскихъ пѣсень, такъ же Арій и Хоровъ изъ Русалки, Кондръ-тансовъ, Польскихъ, Вальсовъ, Кадрилей и проч. Сочиненное извѣстнымъ Россійской публикѣ Любителемъ сего инструмента

Г. Ѳедоромъ Кушеновымъ-Дмитревскимъ.

Содержащій въ себѣ слѣдующія наставленія:

1) Начальныя правила азбуки и какъ держать положеніе тѣла въ игрѣ; 2) Изъясненіе всѣхъ знаковъ употребляемыхъ при игрѣ въ нотѣ; 3) О разчетѣ нотъ; 4) Примѣры для упражненія съ пассажами состоящія изъ 11 уроковъ; 5) Примѣры для знанія тоновъ употребляемыхъ въ музыкѣ; 6) Изъясненіе всѣхъ вообще Итальянскихъ терминовъ, которые наблюдаемы должны быть при игрѣ всякой пѣсы съ прибавленіемъ Духовныхъ сочиненій для гуслей положенныхъ.

Съ изображеніемъ гравированнаго вида гуслей и руки для означенія названія пальцевъ.

Печатано съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

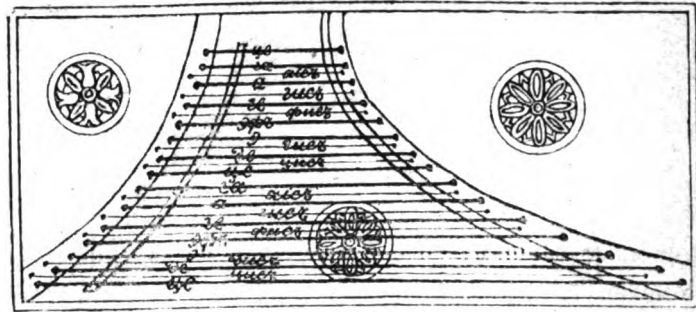
Въ Санктпетербургѣ

при Императорской Академіи Наукъ 1808 года.

(На оборотѣ заглавнаго листа):

Видъ гуслей¹ (фиг. 47).

1) Струны, настроенныя въ діатоническомъ порядкѣ, лежація въ болѣе высокой плоскости, въ отличіе отъ протянутыхъ нѣсколько ниже, дающихъ хроматическіе тоны, ради наглядности, означены здѣсь сравнительно болѣе толстыми чертами. Ф.

Фиг. 47.

Видъ усовершенствованныхъ клавирообразныхъ гуслей начала XIX столѣтій, съ сокращеннымъ, ради наглядности, до двухъ октавъ объемомъ инструмента.

На семъ рисункѣ показаны двѣ октавы, заключающія въ себѣ 15 струнъ полныхъ тоновъ и 10 полутоновъ; но недолжно разумѣть, чтобъ гусли имѣли только двѣ октавы; сей видъ для одного только лучшаго понятія о семъ инструментѣ, здѣсь изображенъ. Гусли дѣлаются о четырехъ съ половиною, о пяти и болѣе октавъ.

(Слѣдуетъ изображеніе руки съ обозначеніемъ названія пальцевъ цифрами: 1 для большаго пальца, 2 для указательнаго, и т. д.: 3, 4, 5).

2. Текстъ.

О нотахъ.

О упражненіи.

(Здѣсь, между прочимъ, помѣщены наставленія для учащагося, какъ должно держать свое тѣло во время игры, выписываемое мною вполнѣ):

(стр. 2) При игрѣ наблюдать должно: чтобы не сидѣть голову наклоня и спину согнувши, дабы симъ средствомъ соблюсти могъ всякой потребное устроеніе тѣла своего, и тѣмъ самымъ не препятствовать свободному дышанію, что весьма важно въ отношеніи къ здоровью; сверхъ же того и самыя труднѣйшія сочиненія чтобъ играны были безъ малѣйшаго какого нибудь не приличнаго расположенія тѣла, и остерегаться еще долженъ, чтобы плеча и голова никакого движенія не дѣлали; конечно что есть привычка многихъ, не только что любителей музыки; но и преискуснѣйшихъ

того ремесла людей, отъ коихъ паче всего предостерегаетъ примѣръ хорошаго учителя, который собою повода къ тому не подаетъ.

(Слѣдуютъ: ученіе о нотныхъ знакахъ, азбука и примѣры для упражненія, а именно — гаммы и пассажи въ простыхъ и двойныхъ нотахъ, для каждой руки отдѣльно и обѣихъ вмѣстѣ).

3. Ноты для цулей.

(Стр. 34)

Новыя русскія пѣсни

такъ же аріи и хоры изъ Русалки, кондрь-тансы, вальсы, кадрили и прочее.

- На толь что бы печали.
- Ты велишь мнѣ равнодушнымъ.
- (» 35) — Кто могъ любить такъ страстно.
- Взвѣйся выше понесися.
- (» 36) — Я вечеръ въ лугахъ гуляла.
- Ахъ на горѣ на горѣ.
- (» 37) — За горами за долами и
- Я цыганка молодая.
- Маршъ общѣ армейской.
- (» 38) — Кондрь-тансъ.
- (» 39) — Екосесь.
- Выду я на рѣченьку.
- (» 40) — Я когда была дѣвицей.
- (» 41) — Чѣмъ я тебя огорчила.
- Арія изъ оперы Русалки:
- Приди о Князь ты мой драгой.
- (» 43) — Вальсъ.
- Аріи же изъ оперы Русалки:
- Мущины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнуть.
- (» 44) — Отнюдь я не стану грѣшить
- Съ чертами чтобъ дружбу водить.
- (» 45) — Вы къ намъ вѣрность никогда не хотитѣ сохранить
- или: Ъхавъ козакъ за Дунай.
- Во полѣ Береза стояла.
- По мосту мосту.
- (» 46) — Ахъ на чтожь было.
- Ахъ таланъ ли мой таланъ такой.
- Волга рѣченька глбока.
- (» 47) — Польской казакъ
- или: Кадриль.

— Россіими лѣтять странами!
 На златыхъ крылахъ молва!
 Солнце(а) новаго лучамъ
 Освѣщается Москва!
 Александръ Елисавета
 Восхищаете (вы?) насъ.
 Польской.

(Стр. 50)

Духовныя сочиненія
 положенныя для гуслей.

— О всецѣтая Мати.
 — Нынѣ силы Небесныя.
 — Иже Херувимы.

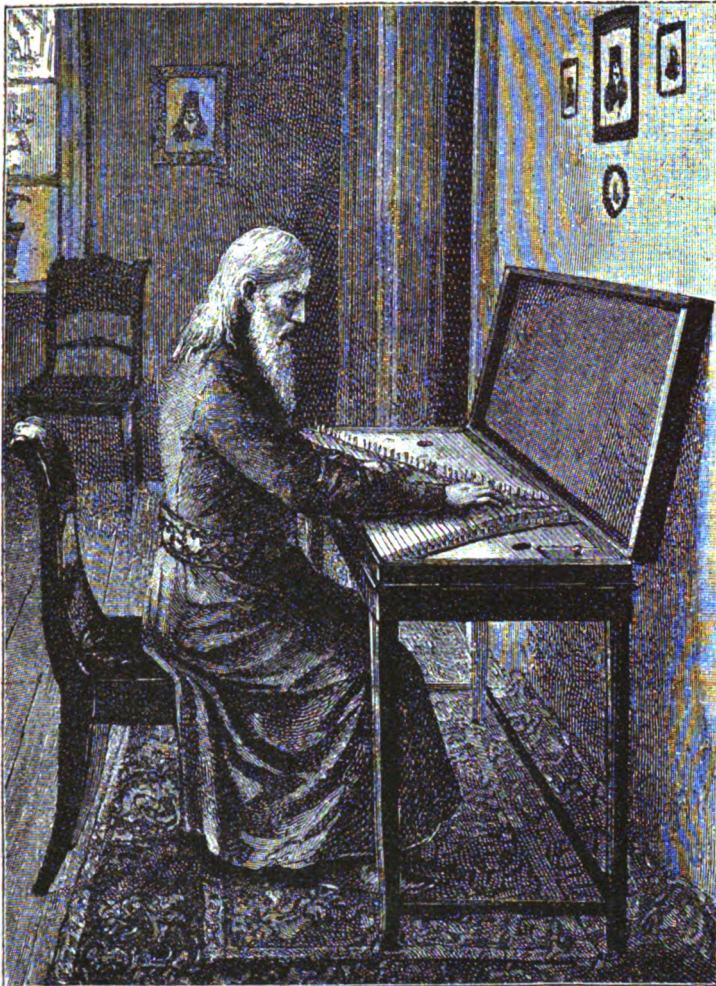
Всѣ поименованныя пьесы представляютъ технику довольно сходную съ фортепیانной техникой малой трудности и легко и удобно могутъ быть исполняемы на фортепiano.

Наглядное понятіе о технику игры на гусяхъ читатель получить изъ нижеслѣдующихъ, въ особомъ приложеніи, примѣровъ упражненій и пьесъ для гуслей, заимствованныхъ мною изъ школы Кушенова-Дмитревскаго.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ привести здѣсь изображеніе играющаго на клавирообразныхъ гусяхъ (фиг. 48), нынѣ принадлежащихъ М. О. Пѣтухову¹.

Я кончилъ историческій очеркъ нашего народнаго музыкальнаго инструмента—гуслей. Наибольшую трудность представляло опредѣленіе первоначальной, первобытной формы гуслей въ тѣ времена, изъ которыхъ не сохранилось ни экземпляровъ самаго инструмента, ни даже изображеній его. Приведенныя мною выше (стр. 61 и сл.) соображенія о томъ, что старинныя народныя гуслевидныя инструменты обитателей сѣверо-западнаго угла Россіи: Финновъ, Эстовъ, Литовцевъ и Латышей, близко сходны между собой, какъ по внѣшнему виду, такъ и по названіямъ (кантеле, каннель, канклесъ, куаклесъ), исходятъ изъ еще болѣе древняго, иноземнаго источника, а именно изъ древне-славянскихъ гжслей,

1) Изображеніе это заимствовано изъ журнала «Нива». 1888 г. №33, стр. 824.

Фиг. 48.

Клавириобразныя гусли на ножкахъ, подъ руками игрока изъ духовнаго званія. Изображеніе даннаго инструмента снято съ экземпляра принадлежащаго М. О. Пѣтухову.

естественно ведутъ къ заключенію, что послѣднія, какъ инструментъ, послужившій образцомъ для только что поименованныхъ финско-литовскихъ музыкальныхъ орудій, должны были имѣть такую же форму, тотъ же типическій видъ плоскаго ящика и голосной доски съ натянутыми надъ ней струнами. Таковыми дѣйствительно являются русскія первобытныя гусли въ былинахъ и пѣс-

няхъ, по словамъ которыхъ онѣ дѣлаются изъ тонкихъ досокъ, и сами называются тонкими или даже доской, досочкой гусельной (ср. выше, стр. 16—18); таковыми же являются первобытныя гусли въ рукахъ народа, судя по вышеописанному экземпляру гуслей музея С.-Петербургской консерваторіи, а равно и по изображенію гуслей у Гютри и описанію ихъ у Фетиса (стр. 35—37, 68 и сл.). Таковыми были очевидно тѣ легкія, ручныя гусли, которыя, по выраженію пѣсень и былинь, носились гусярами подъ полой, подъ мышкой, подъ пазухой, даже въ карманѣ, которыя удобно вѣшались на гвоздикѣ, съ которыми въ рукахъ гусяръ могъ съ легкостью вспрыгивать на «мѣсто скоморошское», на «печку муравлену» (стр. 10—12, ср. 31). Что русскія первобытныя гусли не были инструментомъ смычковымъ, или балалайко- или гитаро-образнымъ, мною доказано выше. Что онѣ не были инструментомъ, похожимъ на древній треугольный или четверугольный греко-римскій psalterion, состоявшій изъ рамки съ натянутыми въ ней струнами и всегда державшійся вертикально во время игры, доказывается общими всѣмъ стариннымъ русскимъ пѣснямъ выраженіями о томъ, что гусли во время игры лежали на колѣнахъ игравшаго или на столѣ передъ игравшимъ, который всегда и непремѣнно сидѣлъ во время игры, — приемъ, наиболѣе удобный и до сихъ поръ обыкновенно соблюдаемый игроками на гусливидныхъ доскообразныхъ инструментахъ народовъ сѣверо-западнаго угла Россіи. Если представленныя мною соображенія о заимствованіи Финнами гуслей у Русскихъ вѣрно, то древность нашего инструмента въ первобытномъ его видѣ должна быть опредѣлена по меньшей мѣрѣ въ тысячу слишкомъ лѣтъ.

Вторую стадію развитія разсматриваемаго инструмента представляютъ уже гораздо болѣе обильныя струнами гусли-псалтирь. Въ то время какъ заимствованный съ востока псалтирь на западѣ Европы удержалъ по преимуществу форму трапеціи, нерѣдко съ вогнутыми боковыми сторонами, въ Россіи, вслѣдствіе закругленія угловъ у вершины трапеціи, псалтирь получалъ по преимуществу форму почти полукруга (Иногда, впрочемъ, гусли-псалтирь получали въ Россіи и треугольную форму, ср. фиг. 38

и 39). Кромѣ того въ рукахъ играющихъ въ западной Европѣ обыкновенно широкое основаніе трапеціи оказывается обращеннымъ кверху, а въ Россіи наоборотъ — книзу. Полукруглый псалтирь является изображеннымъ на русскихъ миниатюрахъ XIV и XVI вѣковъ и на картинкѣ у Олеарія (XVII в.); таковымъ же описывается онъ (какъ инструментъ «на подобіе лежачей гарфы, вѣдомъ полумѣсяца») въ XVIII вѣкѣ и встрѣчается еще въ наше время въ рукахъ заимствовавшихъ его у Русскихъ, восточныхъ народовъ: Черемисовъ, Чувашей, Татаръ, даже сохранившихъ еще русское названіе, лишь съ незначительными искаженіями: гюсселѣ, кюсселѣ, и т. п. (стр. 102). И такъ, въ то время, какъ древнѣйшая доскообразная форма гуслей заимствована у Русскихъ западными Финнами и (отъ нихъ) Литовцами, удержавшими ее до нашихъ дней, позднѣйшая, болѣе усовершенствованная форма (многострунная гусли-псалтирь) заимствована и также отчасти удерживается еще до настоящаго времени восточными Финнами и другими народами, заселяющими сѣверо-восточныя окраины Россіи. Въ то время, какъ первобытныя гусли именуется тонкими, доской или досочкой гусельной, гусли-псалтирь, какъ орудіе занимающее гораздо болѣе объемъ, снабженное гораздо болѣе глубокимъ и пространнымъ голоснымъ ящикомъ, вѣроятно, вслѣдствіе такого вида своего, называются современными авторами уже «гусельнымъ сосудомъ». Вспомнимъ объясненіе псалтиря изъ стариннаго русскаго азбуковника: «во Евреяхъ бѣ сотворенъ сосудъ древянъ, на немъ же бяху десять струнъ» (стр. 94), — авторъ этого объясненія очевидно, называя данное орудіе «сосудомъ», имѣлъ въ виду обычный въ то время въ рукахъ русскихъ гусяровъ объемистый, съ широкимъ и глубокимъ голоснымъ ящикомъ, псалтирь. Въ «Бесѣдахъ св. Кесарія» (славянскій переводъ греческаго оригинала относится къ XIV вѣку) читаемъ между прочимъ: «всякъ же гуслиный съсудъ... удареніемъ руки правится»¹. Въ гра-

1) Рукопись Московской Духовной Академіи, № 156, л. 131. — Въ греческомъ оригиналѣ, по справкѣ, сообщенной мнѣ проф. И. В. Помяловскимъ, стоитъ: «Всякое музыкальное орудіе» (Πάν δὲ μουσικὸν ὄργανον). Переводчикъ можетъ быть въ данномъ случаѣ руководствовался извѣстнымъ ему сосудообразнымъ видомъ русскаго музыкальнаго орудія — псалтиря.

мотѣ царя Алексѣя Михайловича (1648 года) упоминаются: «домры и сурны и гудки и гусли и хари и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды»¹. Гудебный сосудъ въ видѣ тѣхъ широкихъ полукруглыхъ гуслей-псалтиря, какія изображены на фиг. 40—43, едва ли возможно было носить подъ полой, подъ пазухой, въ карманѣ, какъ старинную первобытную «гусельную досочку»; съ такимъ «гусельнымъ сосудомъ» въ рукахъ едва ли Добрыня могъ бы съ легкостью вспрыгнуть на «печку муравлену», такой обширный «гудебный сосудъ» едва ли могъ бы получать названіе «гусельной досочки». Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что многострунный, «видомъ полумѣсяца», псалтирь, называемый многими авторами именемъ — «гусли», составляетъ уже вторую стадію развитія гуслей, — форму, посредственно или непосредственно заимствованную Русскими, какъ и западной Европой, съ востока, изъ Азіи, въ періодъ, слѣдовавшій за эпохой крестовыхъ походовъ.

Наконецъ, въ XVIII вѣкѣ, находимъ гусли еще значительно усовершенствованныя, получившія форму, сходную съ клавиromъ (стр. 105 и сл.), но только безъ клавишей. Такого усовершенствованнаго вида гусли не только сохранились до нашего времени въ рукахъ многихъ любителей старины, но даже мѣстами еще практически примѣняются.

Окончивъ свой очеркъ, предлагаю читателямъ еще разъ окинуть взоромъ нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ рисунковъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

- Фиг. 3 и 13 — первобытныя гусли, досковидныя;
 » 38—46 — гусли-псалтирь, полукруглыя (иногда треугольныя или трапецевидныя);
 » 47 и 48 — новѣйшія усовершенствованныя гусли, клавирообразныя.

Въ этой послѣдовательности рисунковъ намъ наглядно раскрывается вся исторія развитія русскихъ гуслей.

1) Ивановъ: Опис. госуд. арх. стар. дѣлъ. 296 и сл.

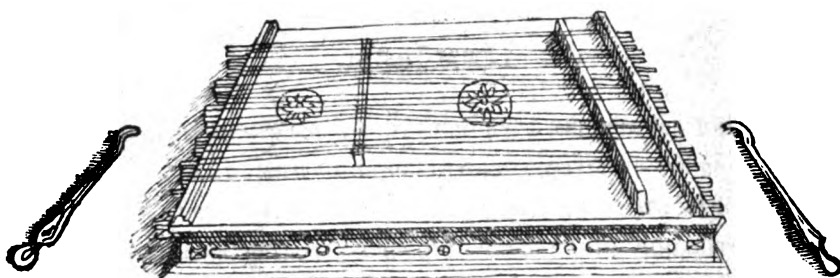
ПРИБАВЛЕНІЕ

Цимбалы.

Считаю не лишнимъ упомянуть о близко родственномъ русскимъ гуслиамъ-псалтирю инструментѣ — цимбалахъ. Впервые инструментъ этотъ упоминается въ Россіи въ началѣ XVII вѣка, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, составляя въ это время, вмѣстѣ съ органами (введенными уже въ концѣ XV вѣка при царѣ Іоаннѣ III), необходимую принадлежность царской потѣшной палаты. При послѣдней, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, состояли постоянные игроки на этихъ инструментахъ: цимбальники и органные мастера. Въ 1614 году цимбальникомъ потѣшной палаты былъ Томило Михайловъ Бѣсовъ, позже Милетій Степановъ (1626—1632) и Андрей Андреевъ (1631 г.)¹. Едва ли въ данныхъ случаяхъ подъ именемъ «цимбалы» слѣдуетъ подразумѣвать старинный клавишный инструментъ *sembalo* или *clavicembalo*, но вѣроятно именно инструментъ *simbal*, т.-е. извѣстные до сихъ поръ въ Россіи и въ другихъ мѣстахъ «цимбалы». Весьма вѣроятно, что первое появленіе цимбаловъ въ Россіи относится къ болѣе раннему времени. Цимбалы (*Cimbal*, *Salterio tedesco*, *Hackebrett*) — инструментъ старинный и очевидно заимствованъ съ востока, а именно изъ арабскаго *Santir* или *Pisantir* (см. выше, стр. 84), имя котораго, какъ замѣчено мною было раньше, въ Европѣ отождествилось съ похожимъ по звуку *Psalterion*. Мерсэнь (*Mersenne*), музыкальный ученый XVI столѣтія, описываетъ цимбалы еще подъ именемъ *Psalterium*, какъ треугольный инструментъ, съ натя-

1) Забѣлинъ: Дом. бытъ русск. царицъ. 442.

нутыми на немъ 13 хорам¹ частью мѣдныхъ, частью стальныхъ струнъ, по которымъ ударили палочками. Подъ тѣмъ же именемъ (ср. *Salterio tedesco*) извѣстны были цимбалы въ Германіи еще и въ XVIII столѣтіи². Прэторіусъ (въ началѣ XVII в.) даетъ весьма, впрочемъ, несовершенное изображеніе этого инструмента, называя его однако уже нѣмецкимъ именемъ *Hackbret* (фиг. 49)³. Инстру-

Фиг. 49.

Цимбалы,—рисунокъ снятъ съ довольно неудовлетворительнаго изображенія ихъ у Прэторіуса (1614 г.). По бокамъ инструмента двѣ палочки, которыми ударили по струнамъ.

ментъ этотъ въ первобытномъ видѣ извѣстенъ былъ уже въ IX вѣкѣ въ Санктъ-Галленѣ и первоначально ограничивался объемомъ лишь 4 или 5 тоновъ съ одиночными для каждого тона струнами⁴.

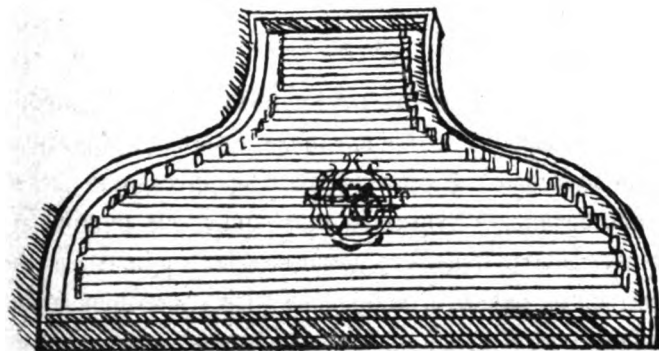
1) Хорамъ струнъ называются пары, иногда и тройки, струнъ одинаково настроенныхъ, какъ у нашего фортепіано.

2) См. Walther: *Mus. Lex.* II, 502: «*Psalterium*».

3) Praetorius: *Syntagma musicum.* 1614—1619. II, col. XVIII, Fig. 3.

4) Reissmann: *Illustr. Gesch. d. deut. Mus.* 140—141.—Прэторіусъ упоминаетъ о старинномъ итальянскомъ инструментѣ, получившемъ у простаго народа названіе *instrumento di porco* (*Sau- oder Schweinetorff*), т. е. «свиной инструментъ» (свиной горшокъ). Царяно (въ XVI в.) называлъ его *instrumento di alto Basso*. Форма этого инструмента (фиг. 50) приближается къ вышеприведеннымъ фигурамъ псалтирей (фиг. 28, 32—37, 44). Кишечныя струны, числомъ до 30, съ обоихъ концовъ прикрѣплялись къ подвижнымъ колкамъ. Играющій ударялъ по струнамъ палочкой (Praetorius: *Synt. mus.* II, 98.—Ср. Walther: *Mus. Lex.* I, 30: «*Alto basso*»). — Лепнеръ (1690 г.) сближаетъ прусско-литовскій *Kanklos* съ нѣмецкимъ такъ называемымъ *Schweinetorff*, подразумевая очевидно подъ этимъ именемъ только что рассмотрѣнный «*Schweinetorff*», «*instrumento di porco*» (Lepner: *Der Preusche Littaner.* 94). Подтверженіемъ тому, что этотъ инструментъ дѣйствительно былъ въ употребленіи у Курляндскихъ Латышей въ XVII столѣтіи, служитъ свидѣтельство

Цимбалы (Hackebrett), по словамъ Музыкальной Энциклопедіи Шиллинга, имѣютъ видъ продолговатаго четверугольнаго ящика, обыкновенно до 4 футовъ длины, 3—3½ фут. ширины и 1 фут. высоты. Голосная доска распространяется по всему ящику и снабжается двумя отверстіями — голосниками. Надъ этой доской протягиваются струны (мѣдныя или стальные), однимъ концомъ прикрѣпляемые посредствомъ петель къ желѣзнымъ штифтикамъ, а другимъ — къ подвижнымъ деревяннымъ колкамъ. Струны первоначально натягивались по одной для каждаго тона, но съ теченіемъ времени, притомъ уже издавна, онѣ удваивались или даже утраивались для каждаго тона (ср. выше: «хоры струнъ»). Строй ихъ первоначально былъ діатоническій, а позже сдѣлался хроматическимъ. Объемъ ихъ составлялъ 3, позже 4 октавы отъ С до $\overset{\text{III}}{\text{c}}$. Играющій на цимбалахъ ударяетъ по струнамъ двумя легкими деревянными палочками (отсюда и нѣмецкое названіе

Фиг. 50.

Старинный гуслеобразный такъ называемый «свиной инструментъ» (Schweinskopf, instrumento di porco). Струны перебираются пальцами.

пастора Бурггардта, записавшаго въ церковную книгу свою, между 12 апрѣля и 3 мая 1666 г., слѣдующія слова, относящіяся до его поѣдки въ Нидденъ: «На великій праздникъ Благовѣщенія я отправился въ Нидденъ, чтобы тамъ произнести проповѣдь... Утромъ я самъ ходилъ отъ дома къ дому, понуждая ихъ приходить. Одинъ изъ нихъ, по имени Скирбе, стоялъ передъ дверью, дѣлая инструментъ, называемый ими «свиной головой» (Schweins Kopf). См. у Bezzenberger: Die kurische Nehrung und ihre Bewohner. 1889. S. 213—253. Цитату эту обязательно сообщилъ мнѣ академикъ А. А. Куникъ.

Hackebrett=рубильная доска), снабженными на концах продолговатыми головками, съ тою цѣлью, чтобы послѣднія распространяли свой ударъ на обѣ или на всѣ три струны каждаго «хора». Одна сторона молоточковъ обтянута сукномъ или войлокомъ, для того чтобы возможно было достиженіе piano. Forte цимбаловъ чрезвычайно пронзительно. Неспособный къ тонкимъ оттѣнкамъ выраженія, инструментъ этотъ преимущественно употребляется для сопровожденія или для пополненія звука, въ особенности при танцахъ, гдѣ онъ вполне умѣстенъ и можетъ замѣнять оркестръ. Рѣзкій тонъ цимбаловъ уже издавна навлекъ на нихъ порицанія музыкантовъ. Оттомаръ Луцивій (въ 1536 г.) въ своей Musurgia выражается о цимбалахъ такъ: «instrumentum ignobile propter ingentem strepitum vocum» (инструментъ неблагородный вслѣдствіе великаго его грохотанія)¹. Въ одной изъ галицко-русскихъ коломіекъ громкій гулъ цимбаловъ, въ противоположность тонкому звуку скрипокъ, охарактеризованъ слѣдующимъ стихомъ:

На скрипочки тири-рири, на цимбалы бамъ, бамъ².

Вслѣдствіе вульгарности тона цимбаловъ, они пренебрегались западными музыкантами прошедшихъ столѣтій. Прэторіусъ, посвятившій музыкальной органографіи значительную часть своего извѣстнаго сочиненія Syntagma musicum и описавшій массу различнѣйшихъ инструментовъ, даже не счелъ нужнымъ нѣсколько остановиться на описаніи цимбаловъ, какъ «не принадлежащихъ собственно къ музыкѣ», и ограничился лишь приведеннымъ выше (фиг. 49) весьма несовершеннымъ изображеніемъ даннаго инструмента. Замѣтимъ, что въ это самое время цимбалы, какъ интересная новинка, входили въ употребленіе въ русской царской потѣшной палатѣ (см. выше, стр. 26, 121). Маттесонъ, сто лѣтъ спустя послѣ Прэторіуса, называя «шаловливые» цимбалы въ числѣ поименованныхъ имъ музыкальныхъ орудій, прибавляетъ,

1) Schilling: Encycl. der ges. mus. Wissensch. III, 414: «Hackebrett».

2) Головацкій: Нар. пѣс. III, II, 448.

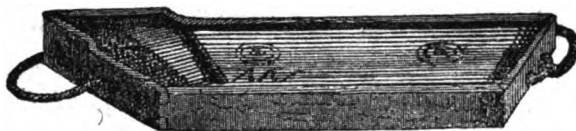
что они достойны «быть пригвожденными въ подозрительныхъ домахъ»¹.

Въ Германіи въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія цимбалы встрѣчались еще въ Турингіи, среди горныхъ жителей, а равно и въ оркестрахъ странствовавшихъ музыкантовъ. Но уже и въ то время они все болѣе и болѣе выходили изъ употребленія. Нынѣ еще находимъ цимбалы въ значительномъ употребленіи въ цыганскихъ оркестрахъ въ Венгріи² и Румыніи. Мнѣ пришлось однажды [въ 1881 г.] въ Софіи слышать прибывшій туда изъ Румыніи оркестръ, состоявшій изъ 3-хъ скрипокъ, контрабаса, свирѣли (т.-е. связанныхъ въ одинъ рядъ маленькихъ, постепенно

1) Mattheson: Das neu eröffnete Orchester. 1713. S. 280: «Die tändelnden Hackbretter sollen in die verdächtigen Häuser angenagelt werden».

2) Вотъ какъ Францъ Листъ описываетъ игру венгерскихъ цыганъ: Оркестръ ихъ — говорить онъ — въ прежнія времена состоялъ изъ нѣсколькихъ инструментовъ, разнообразныхъ и совокупляемыхъ между собою ad libitum; но основу его составляли скрипка и цимбалы, т.-е. родъ доски, снабженной струнами, которыя натянуты въ системѣ, аналогичной системѣ струнъ четверугольнаго фортепiano, и ударяются палочками, помощью которыхъ извлекается громкій металлическій тонъ... Какъ на скрипкѣ, такъ и на цимбалахъ удобно исполняются мелизматическія фигуры, трели и пассажи при каждой педали. Встрѣчаемъ описаніе цимбаловъ, точное и вполнѣ соответствующее нынѣшнему ихъ виду, въ первыхъ повѣствованіяхъ о цыганахъ. О нихъ упоминается уже въ XV вѣкѣ... Скрипка и цимбалы составляютъ главный интересъ цыганскаго оркестра, остальные же инструменты обыкновенно служатъ лишь къ удвоенію гармоніи, къ усиленію ритма и вообще къ сопровожденію; по большей части они состоятъ изъ флейтъ, кларнетовъ, нѣсколькихъ мѣдныхъ инструментовъ, віолончели, контрабаса и вторыхъ скрипокъ, смотря по обстоятельствамъ. Первая скрипка изливается въ пассажахъ, поражаемыхъ напризною изобрѣтательностью виртуоза, а цимбальникъ ритмизируетъ этотъ бѣгъ, принимая на себя заботу обозначать то ускореніе, то замедленіе темпа, то энергію, то мягкость выраженія. Онъ управляетъ съ необычайною ловкостью и быстротою фокусника маленькими деревянными молоточками, которыми пробѣгаетъ по мѣднымъ и стальнымъ струнамъ... Цимбальникъ раздѣляетъ съ первымъ скрипачемъ право развивать извѣстные пассажи, продолжать до безконечности извѣстныя варіаціи, подчиняясь минутному своему настроенію. Онъ неотмѣнно принадлежитъ къ числу виртуозовъ-солистовъ банды, какъ выражается цивилизованный цыганъ. Время отъ времени появляются и виртуозы на віолончели или кларнетѣ, вступающіе въ состязаніе съ первымъ скрипачемъ и цимбальникомъ, также предающіеся неограниченной импровизаціи. Нѣкоторые изъ нихъ даже приобрѣтали себѣ громкую извѣстность, но въ общемъ они всетаки составляли лишь исключенія (Liszt: Des Bohémiens et de leur musique en Hongrie. 1859. P. 245—247).

удлиняющихся трубочек), гитары, лютнеобразнаго инструмента и цимбаловъ. У Чеховъ въ концѣ прошедшаго столѣтія въ числѣ музыкальныхъ инструментовъ называется *Symbal* (oder «*Nackbret*»)¹. У южныхъ Славянъ цимбалы (*cimbalo*, *cimbule*) встрѣчаются еще въ Крайнѣ, Хорватіи и Босніи. Привожу здѣсь изображеніе цимбаловъ (фиг. 51), на которыхъ игралъ стран-

Фиг. 51.
Южно-славянскіи цимбалы.

ствовавшій съ 1850-хъ годовъ въ теченіи 25 лѣтъ, со своимъ инструментомъ, по Хорватіи, Славоніи, Сербіи,

Босніи и Венгріи, извѣстный цимбальникъ, мусульманинъ Мустафа, бѣлградскій уроженецъ

Подробное описаніе этихъ цимбаловъ даетъ Кугачъ, изъ книги котораго заимствовано приведенное изображеніе. Въ пѣсняхъ южныхъ Славянъ инструментъ этотъ упоминается рѣдко². Чаще онъ называется въ пѣсняхъ нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ, именно Мораванъ, напр.:

— <i>Zabréte mně na husle,</i>	Заиграйте мнѣ на гусяхъ,
Take na <i>cimbálek.</i>	Также на цимбалкахъ.
— <i>Vlk na piščelky tudlikal,</i>	Волкъ наигрываетъ на дудочкѣ,
A <i>nedvěd' hrál na cimbál</i> ³ .	А медвѣдь игралъ на цимбалахъ.
— <i>Zahrajte mi na cimbále</i> ⁴ .	Заиграйте мнѣ на цимбалахъ.

У Лужицкихъ Сербовъ цимбалы (*symbal*) были въ употребленіи въ старину, а теперь совсѣмъ исчезли⁵.

Среди русскаго народа цимбалы преимущественно распространены были въ Малой и Галицкой Руси, хотя они небезызвѣстны были и въ Великой Руси. Въ великорусскихъ пѣсняхъ,

1) *Mater. zur alt. u. neuen Stat. v. Böh. VII, 97.*

2) *Kuňáč: Op. i pov. I, 117 sqq.*

3) *Sušil: Mor. nar. pis. 616, 695; cp. 598, 683.*

4) *Bartoš: Nové národní písně moravské. 1892. Str. 32; cp. 124.*

5) *Haupt und Schmalzer: Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz. 1841. I, S. 219.*

весьма часто упоминающихъ о гусяхъ, лишь изрѣдка рѣчь идетъ о цимбалахъ; въ малорусскихъ же и галицко-русскихъ пѣсняхъ также упоминаются гусли, но чаще—цимбалы, притомъ нерѣдко вмѣстѣ со скрипками, составляющими очевидно любимое сочетаніе съ цимбалами. Въ Галиціи, на Старомъ Покутѣ, въ Коломыйскомъ и Станиславскомъ округахъ, также извѣстна была «тройственная музыка», состоявшая изъ скрипокъ, баса и цимбаловъ¹ (Ср. вышесказанное о составѣ оркестровъ венгерскихъ цыганъ, гдѣ главную роль также играютъ скрипка и цимбалы). Самый фактъ проникновенія названія цимбаловъ въ многочисленныя народныя пѣсни мало- и галицко-русскія свидѣтельствуетъ о большой распространенности и популярности этого инструмента среди простаго народа въ юго-западной Руси. У Великоруссовъ цимбалы упоминаются преимущественно въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ, очевидно вслѣдствіе того, что они оглашали собою свадебныя шествія, пляски и пиры, напр.:

- Съ подкамушка съ подбѣлаго, ручеекъ бѣжить,
Съ подкамушка съ подбѣлаго цимбалами бьютъ.
Вотъ знать мою любезную Елизаветушку къ вѣнчанію ведутъ².
- Въ горницѣ во свѣтличкѣ,
Два голубя (= эмблема молодыхъ) сидятъ...
Для нихъ во лѣтавы бьютъ,
Во цимбалы играютъ.

Или:

- И льютъ и пьютъ,
Въ цимбалы играютъ³.

Въ Малой и Галицкой Руси цимбалы встрѣчаются въ пѣсняхъ свадебныхъ, житейскихъ, плясовыхъ, праздничныхъ, веселыхъ, въ коломійкахъ и др., напр.:

Свадебн.: — Ой чня жъ то родина
Кругомъ діжы (= бочки) ходила,

1) Wojcicki: Pieśni ludu Bialo-Chrobotów, Mazurów i Rusi nad Bugu. 1886. II. Str. 360.

2) Терещенко: Быть русск. нар. II, 160.

3) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. ш, 126, 177.

- Зъ скрипками, зъ цимбалами,
 Зъ молодыми боярами?
 — Дружку горою ведутъ
 Зъ скрипками, зъ цимбалами,
 Зъ молодыми боярами ¹.
 — Не йдигь, молодыци,
 До насъ вилецъ (= свадебную вѣтеу) выты.
 Завьемо мы самы,
 Зъ скрипками, зъ цимбалами,
 Зъ молодыми боярами ².
 — Возмѣтъ скрипки, цимбалы,
 Заведѣтъ мя до мамы.
Житейск.: — Ой заграй ми на скрипочки та на цимбалочки ³.
Плясов.: — Коби скрипки, цимбалы,
 Тоби ножки скакали ⁴.
Празднич.: — До дому (въ корчмы) иду,
 Якъ пчола гуду,
 А за мною молодою
 Идутъ хлопцы чередою
 Та въ цимбалочен тнутъ, тнутъ, тнутъ...
Весел.: — Селянскія дочки
 Заграли въ скрипочки,
 Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!
 На цимбалы Илько,
 На басы Гаврилко,
 Провѣлъ реве, взявши дуды;
 А Гараснѣмъ трубитъ въ губы;
 Боже ихъ спаси!

Далѣе говорится о пляскахъ Луки съ Галкой, Танаса съ Катериной, Кузьмы съ Ириной и многихъ другихъ паръ,

Гопки вышпнають,
 Крокомъ присѣдають,

1) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западный Край. Юго-западный отдѣлъ. IV, №№ 1116 (стр. 1135), 1139.

2) Метлинскій: Народныя южно-рускія пѣсни. 1854 г. Стр. 183.

3) Головацкій: Нар. пѣс. II, 563, 670.

4) Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни. 1836 г. Стр. 134.

А Микола плече въ руки,
 Подскакуючи до Любки,
 Боже ихъ спаси! ¹

Цимбалы, это «instrumentum ignobile» (ср. выше, стр. 124), вмѣстѣ съ другими музыкальными орудіями, гремятъ и грохочутъ здѣсь, возбуждая веселую толпу къ плясанію, кричанію, скаканію и рукоплесканіямъ. Приведенные примѣры пѣсень подтверждаютъ сказанное выше о преимущественномъ назначеніи цимбаловъ, пополнять своимъ звукомъ игру другихъ инструментовъ, въ особенности при танцахъ.

Въ восьмидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія, Ригельманъ писалъ о малорусскихъ музыкантахъ, что они играли на разныхъ инструментахъ, между прочимъ и на «цымбалахъ»². Францъ Листъ въ пятидесятихъ годахъ нашего столѣтія видѣлъ цимбалы въ рукахъ малорусскихъ крестьянъ. По его словамъ, инструментъ этотъ былъ весьма распространенъ въ то время между послѣдними. Играющій навѣшивалъ себѣ цимбалы посредствомъ длиннаго ремня на шею, что давало ему возможность играть на нихъ, не ставя ихъ на столъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало ихъ звучность³. Изображенные выше южно-славянскіе цимбалы Мустафы также снабжены ремнемъ, надѣвавшимся имъ на шею (см. выше, стр. 126). Такимъ способомъ ношенія инструмента объясняются слова вышеприведенныхъ (стр. 128—129) пѣсень, по которымъ играющіе на цимбалахъ свободно ходятъ (кругомъ дѣжы, вслѣдъ за дѣвицею, молодежию, и т. п.) во время самой игры. Точно такимъ образомъ носили свой цимбаловидный инструментъ еще древне-ассирійскіе музыканты, также игравшіе на немъ на ходу, какъ то показываетъ приведенное выше изображеніе (фиг. 26). Въ Этнографическомъ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, гдѣ описываются современныя музыкальныя увеселенія русскаго народа въ разныхъ мѣстахъ

1) Головацкій: Нар. пѣс. II, 495, 497.

2) Въ Чтен. въ Имп. Общ. истор. и древн. при Моск. универс. 1847 г. Апрель. II, стр. 87.

3) Liszt: Des Bohémiens. 246.

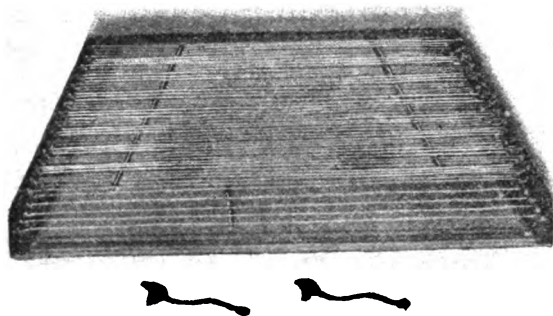
имперіи, цимбалы упоминаются только въ описаніи обычаевъ Новградволынскаго уѣзда Вольнской губерніи: «Цимбалы похожи на гусли — читаемъ мы тамъ; струны ихъ приготовляются изъ тонкаго дрота (= проволоки, нѣм. Drath); по нимъ играющій ударяетъ двумя палочками подъ тонъ и тактъ скрипицы»¹ (ср. выше малорусскія пѣсни, гдѣ цимбалы обыкновенно сочетаются со скрипками). Кромѣ того и главнымъ образомъ цимбалы находятся въ рукахъ евреевъ-музыкантовъ въ Западномъ Краѣ: къ скрипкѣ, кларнету и контрбасу нерѣдко присоединяются цимбалы, бубны, и проч. Оркестры эти играютъ при еврейскихъ свадьбахъ и въ синагогахъ, при нѣкоторыхъ особенно торжественныхъ случаяхъ². Еще не такъ давно цимбалы встрѣчались въ оркестрахъ странствовавшихъ по русскимъ провинціямъ еврейскихъ музыкантовъ. Образъ еврея-цимбальника, вмѣстѣ съ другими музыкантами игравшаго для танцевъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ средней Россіи, сохранился еще въ воспоминаніи пишущаго эти строки, изъ самаго ранняго его дѣтства (въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія), прожитаго имъ въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губерніи.

Въ прошедшее лѣто случилось мнѣ найти въ одной лавочкѣ, торгующей гармониками, балалайками и другими народными музыкальными инструментами, экземпляръ цимбаловъ небольшого размѣра, попавшій въ лавку изъ рукъ какого-то еврея и нынѣ пріобрѣтенный музеемъ С.-Петербургской консерваторіи. Онъ имѣетъ видъ, изображенный на фиг. 52. Мастеръ, приведшій инструментъ въ должный видъ, далъ струнамъ его діатоническій строй гаммы do-мажеур. Каждый тонъ представленъ трехструннымъ хоромъ, кромѣ пяти нижайшихъ тоновъ, изъ которыхъ для одного, ближайшаго къ трехструннымъ, натянуто двѣ, а для прочихъ трехъ — по одной только струнѣ. Строй послѣднихъ трехъ одиночныхъ струнъ (басковъ) можетъ произвольно измѣняться посредствомъ передвиженія вправо

1) I, 307, примѣч.

2) Тамъ же: IV, 43.

или влѣво подпирющей ихъ подвижной кобылки. На поверхности голосной доски инструмента, снабженной двумя круглыми голосниками, прикрѣплены двѣ деревянные полоски, правая и лѣвая, идущія почти параллельно бокамъ инструмента. Трех-

Фиг. 52.

Цимбалы (русско-еврейскіе) музея С.-Петербургской консерваторіи (приблизительно $\frac{1}{10}$ натуральной величины). Глубина голоснаго ящика—4 сантиметра. Пониже инструмента изображено два молоточка, которыми ударяютъ по струнамъ.

струнные хоры натянуты не въ одной плоскости, а такъ, что подъ каждый хоръ подставлено, попеременно на лѣвой или на правой изъ только что поименованныхъ полосокъ по особой деревянной кобылкѣ, вслѣдствіе чего одинъ хоръ съ высоты своей кобылки на правой полоскѣ спускается внизъ на лѣвую полосу, а сосѣдній хоръ—съ высоты своей кобылки на лѣвой спускается внизъ на правую полосу, и т. д. Это попеременное расположеніе хоровъ струнъ представляетъ большое удобство при удареніи по нимъ молоточками, такъ какъ удареніе производится по возвышенному (надъ сосѣднимъ пониженнымъ) концу хора.

Подобно усовершенствованнымъ русскимъ гусямъ, въ новѣйшее время, именно въ Венгріи (странѣ цимбальной игры по преимуществу), строятся и цимбалы чрезвычайно усовершенствованной конструкціи; такимъ цимбаламъ даютъ видъ широкаго и глубокаго ящика, покоящагося на четырехъ ножкахъ, съ примѣненіемъ, какъ у фортепіано, педали, и постепеннымъ расширеніемъ объема музыкальной скалы инструмента. Привожу изобра-

женіе экземпляра одного изъ видовъ такихъ усовершенствованныхъ цимбаловъ, заимствованное изъ иллюстрированнаго каталога цимбального мастера V. I. Schunda въ Пештѣ (фиг. 53).

Фиг. 53.

Усовершенствованные новѣйшіе венгерскіе цимбалы на ножкахъ, съ педалью.

ДОПОЛНЕНИЯ

Къ стр. 9, прим. 1: Я не имѣю здѣсь въ виду упоминанія гуслей рядомъ съ другими названіями струнныхъ инструментовъ въ славянскихъ переводахъ греческихъ памятниковъ или въ славянскихъ перефразировкахъ греческихъ текстовъ. Такъ напр. въ древнемъ славянскомъ сказаніи о составѣ Давидомъ псалтири, помѣщенномъ въ псалтирѣ Синодально-типографской бібліотеки XIV вѣка (№ 103, лл. 8 и 9), близко сходномъ съ греческимъ сказаніемъ Іосифа Флавія, помѣщенномъ въ греческой рукописи XV вѣка, называются: псалтирь, гусли и прегудница, соотвѣтствующіе греческому: *καὶ κινύραις* (= *kinor*), *καὶ ναύλαις* (*paula* = *pabla*), *καὶ ψαλτηρίῳ* (= *psalterium*) у Іосифа Флавія (Древности. Тр. Моск. Археол. Общ. III. 1, 5—6). Въ этомъ и подобныхъ ему случаяхъ славянскіе подражатели греческимъ текстамъ, или переводчики ихъ, очевидно старались на славянскомъ языкѣ подбирать лишь соотвѣтствующее число видовыхъ названій струнныхъ музыкальныхъ орудій, мало заботясь притомъ о точномъ совпаденіи вида называемыхъ ими инструментовъ съ видомъ инструментовъ, иноземныя названія которыхъ ими переводились. Въ славянскихъ переводахъ книгъ Ветхаго Завѣта встрѣчаемъ также разнообразныя названія, то славянскія, то заимствованныя съ

греческаго, напр.: то струнныя орудія вообще (Псал. IV, LIII, LIV, LX, и др.), то гусли (Псал. XCVII, 5; CXLVI, 7; CXLIX, 3), то псалтирь (Псал. CXLIII, 9), то гусли и псалтири (I Цар. X, 5; III Цар. X, 12; Псал. XXXII, 2; LVI, 9; LXXX, 3), то гусли и цитры (Пр. Дан. III, 7), то псалтири и цитры (I Паралип. XV, 16; II Паралип. V, 12), и т. п. Вообще строить какія либо соображенія или заключенія о видѣ инструментовъ на основаніи сличенія соотвѣтствующихъ ихъ названій въ еврейскомъ оригиналѣ книгъ Священнаго Писанія и переводахъ ихъ на другіе языки, рѣшительно невозможно, такъ какъ переводчики, вслѣдствіе естественной некомпетентности своей въ музыкальномъ дѣлѣ, именно въ данномъ отношеніи вносили полную сбивчивость и запутанность понятій, нерѣдко сопоставляя и смѣшивая музыкальныя орудія совершенно разнovidныя, въ большомъ числѣ случаевъ заботясь лишь о подбораніи соотвѣтствующаго оригиналу количества названій инструментовъ на переводномъ языкѣ. Такая запутанность и сбивчивость понятій обуславливалась, впрочемъ, и отсутствіемъ всякихъ положительныхъ данныхъ о видѣ многихъ инструментовъ, называемыхъ въ книгахъ Священнаго Писанія.

Къ стр. 19: Изъ угорско-русской пѣсни:

Гусли мон яворовы!

(Головацкій: Нар. пѣс. II, 548).

Къ стр. 32: Изъ свадебной пѣсни:

(Стоять палаты, въ палатахъ столпки)

Какъ за однимъ то столомъ

Сидятъ добрый молодець...

Какъ игралъ то онъ...

Во гусли серебряны.

(Терещенко: Бытъ русск. нар. II, 391).

Гусли очевидно лежатъ здѣсь на столѣ передъ играющимъ на нихъ, сидящимъ за столомъ молодець.

Къ стр. 60, прим. 1: Гусли называются также серебряными, очевидно вслѣдствіе стальныхъ (= серебряныхъ) своихъ струнъ, какъ и золотыми — вслѣдствіе мѣдныхъ (= золотыхъ) струнъ, напр.:

Овъ игралъ поигривалъ
Во гуселяшки серебряны.

(Терещенко: Бытъ русск. нар. II, 316. Ср. выше, дополненіе къ стр. 32).

Въ старинной повѣсти: «Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ», Девгеній бречитъ подь окномъ красавицы Стратяговны на гусяхъ серебряныхъ съ золотыми струнами.
(Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. III, прим. 272).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Страница	Строка	Напечатано:	Должно читать:
7	17 снизу	отгонимъ	отгонить
7	3 »	1873	1871—1873
28	2 »	28	27
57	3 сверху	kukles	kûkles
61	18 »	я «подымусь...»	«я подымусь...»
70	4 »	прикрѣплены	прикрѣплены были
78	1 снизу	IX	XI
88	1 »	Тамъ же:	Coussemaker въ Ann. arch. de Didron.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

НОТЫ ДЛЯ ГУСЛЕЙ

изъ сочиненія:

Новѣйшая полная школа или Самоучитель для гуслей
Θ. Кушенова-Дмитревскаго (1808 года).

Примѣры пьесъ для гуслей.

НА ТОЛЬ ЧТО БЫ ПЕЧАЛИ. *)

Allegretto.

Стр. 34.

D.C.

ТЫ ВЕЛИШЬ МНѢ РАВНОДУШНЫМЪ.

Andante.

Стр. 34-35.

*) Въ заглавіяхъ данныхъ пьесъ сохранено правописаніе оригинала.

АРІЯ изъ оперы РУСАЛКИ
„Приди о Князь ты мой драгой.“

Andante.

Стр.41.

First system of musical notation, consisting of a grand staff with treble and bass clefs. The key signature has one sharp (F#). The music features a melodic line in the treble clef with a trill (tr) and a bass line with chords and single notes.

Second system of musical notation, continuing the piece. It shows a continuation of the melodic and harmonic material from the first system.

Начало Ариг.

Third system of musical notation, marking the beginning of the 'Ariig' section. The treble clef has a more active melodic line, while the bass clef provides a steady accompaniment.

Fourth system of musical notation, featuring a dense texture with rapid sixteenth-note passages in both the treble and bass staves.

Fifth system of musical notation, showing a continuation of the rhythmic intensity with sixteenth-note patterns.

Sixth system of musical notation, concluding the page with a melodic flourish in the treble clef and a final accompaniment in the bass clef.

Росскими лѣтять странами! на златыхъ крылахъ молва! Солнце^(a)
 новаго лучами освѣщается Москва! Александръ Елизавета вос-
 хощаете (вы?) насъ.

ПОЛЬСКОЙ.

Polonois.

Стр. 47.

The musical score consists of six systems of two staves each. The notation is as follows:

- System 1:** Treble and bass staves with continuous sixteenth-note patterns.
- System 2:** Treble staff has a triplet of eighth notes marked with a '+' and a section symbol. Bass staff continues with sixteenth-note patterns.
- System 3:** Treble staff has a triplet of eighth notes. Bass staff continues with sixteenth-note patterns.
- System 4:** Treble staff has a triplet of eighth notes. Bass staff continues with sixteenth-note patterns.
- System 5:** Treble staff has a triplet of eighth notes. Bass staff continues with sixteenth-note patterns.
- System 6:** Treble staff has a triplet of eighth notes. Bass staff continues with sixteenth-note patterns. The system ends with a section symbol and the instruction "D. C." below the staff.

Trio.

Духовныя сочиненія
положенныя для гуслей.

О всепѣтая Мати.
Adagio.

Стр.50.

COLUMBIA
UNIVERSITY
LIBRARY

Нынѣ силы Небесныя.

Adagio.

Иже Херувимы.

Adagio.

Лит. Г. Шмидта Киричный пер. 1.

ML507
F36

